ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
(САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

Юридическая мысль

2019 2-3 (112-113)

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2001 ГОДУ

ISSN 2071-4920

9 772071 492787 >

Журнал «Юридическая мысль» с 2010 г. входит
в ПЕРЕЧЕНЬ ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 34
ББК 67

Учредитель
ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург)
Главный редактор
М. Б. Ревнова, ректор ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук
Заместитель главного редактора
С. А. Комаров, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РАЕ
Ответственный секретарь редакционной коллегии
А. В. Яковлев, доцент кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук
Редакционная коллегия:
Р. Н. Дусаев, заведующий кафедрой общеправовых дисциплин юридического факультета Петрозаводского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;
Т. Л. Комарова, проректор по науке и инновациям ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент;
В. С. Мокрый, профессор кафедры конституционного и административного права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук;
Б. А. Ревнов, доцент кафедры конституционного и административного права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук
Е. В. Середа, профессор кафедры уголовного права и процесса ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук; профессор;
О. Э. Старовойтова, профессор кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор.
Редакционно-издательский совет:
С. А. Комаров, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РАЕ, председатель совета;
В. А. Винокуров, профессор кафедры теории и истории государства и прав ФГБУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России», Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, член совета;
С. М. Воробьев, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Юридического факультета Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, член совета;
Ф. Х. Галиев, профессор кафедры теории государства и права Башкирского государственного университета, доктор юридических наук, доцент, член совета;
А. М. Дроздова, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета, доктор юридических наук, профессор, член совета;
Е. С. Ч. Ковальски, директор Российской школы права Юридического факультета Университета Лазарского (Uczelni Łazarskiego) в Варшаве, Республика

Польша, доктор honoris causa ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор политических наук, профессор, член совета;

М. Е. Крук-Ярош (Maria Kruk – Jarosz), заместитель декана по вопросам докторантуры Университета Лазарского (Uczelni Łazarskiego) в Варшаве, Республика Польша, доктор honoris causa ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, член совета;

Г. А. Мартьянов, доцент кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, член совета;

Е. В. Мицкая, заведующая кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор, член совета;

Н. И. Полищук, вице-президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Юридического факультета Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, член совета;

А. В. Попова, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый университет), доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент, член совета;

Ю.В. Романов, генеральный директор патентно-правового холдинга «Романовы и партнеры», руководитель Русского центра права и консалтинга, член совета;

Г. С. Скачкова, зав. сектором трудового права и права социального обеспечения ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук», доктор юридических наук, профессор, член совета;

С.П. Стёпкин, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского государственного социального университета, кандидат юридических наук, доцент, член Комиссии Ассоциации юристов России, член совета;

Кари Сюнберг (Kari Synberg), профессор факультета общественных и экономических наук Университета Восточной Финляндии, член правления Географического общества Финляндии, Финляндская Республика, доктор honoris causa Юридического института (Санкт-Петербург), доктор географических наук, член совета;

Н. А. Фролова, профессор кафедры теории государства и права им. Г.В. Мальцева ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор, член совета.

ПОДПИСКА

в отделениях почтовой связи России, стран СНГ и Балтии

в объединенном каталоге Пресса России «Подписка-2019»

Подписной индекс – 41235 (первое полугодие 2019 г.).

Подписной индекс – 82596 (годовая подписка на 2019 г.)

Подписка в Агентстве: по тел. (499) 152-8850 и/или (495) 661-2030,

по e-mail: arpk@akdi.ru arpk@bk.ru izdatcat@eg-online.ru

в **Каталоге российской прессы «ПОЧТА РОССИИ»**

Подписной индекс – 24220 (первое полугодие 2019 г.)

Журнал выходит 4 раза в год

Телефон редакции: (812) 325-98-90

Адрес в Интернете: http://lawinst-spb.ru;

E-mail: lawinst-spb@mail.ru

Founder
Law Institute (St. Petersburg)
Chief Editor
M.B. Revnova, Rector of the Law Institute (St. Petersburg), PhD
Deputy Chief Editor
S.A. Komarov, President of the Interregional Association of theoreticians of the state and law, scientific director of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, honored worker of science and education of RAE
Executive Secretary of the Editorial Board
A.V. Yakovlev, associate Professor of the Department of theory and history of state and law of the Law Institute (St. Petersburg), PhD
Editorial team:
R.N. Dusaev, Head of common law disciplines Faculty of Law of Petrozavodsk State University, Doctor of Law, Professor;
A.V. Komarnitsky, the professor of chair of criminal law of law department of RGPU of A.I. Herzen, the candidate of jurisprudence, the associate professor;
T.L. Komarova, Vice-Rector for Science and Innovation of the Law Institute (St. Petersburg), PhD, associate professor;
V.S. Mokriy, professor of constitutional and administrative law of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor;
B. A. Revnov, associate Professor of Department of constitutional and administrative law of law Institute (Saint Petersburg), PhD;
E.V. Sereda, professor of criminal law and procedure of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor;
O.E. Starovoitova, Professor of Theory and History of State and Law of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor.
Editorial and publishing Council:
S.A. Komarov, President of the Interregional Association of theoreticians of the state and law, scientific director of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, honored worker of science and education of RAE, Chairman of the Council;
V. A. Vinokurov, Professor of the Department of theory and history of state and rights of the "St. Petersburg University of Emercom of Russia", Honored lawyer of the Russian Federation, Doctor of law, Professor, member of the Council;
S. M. Vorobiev, Professor of the Department of theory of state and law, international and European law, faculty of Law, Academy of the FSIN of Russia, Doctor of law, Professor, member of the Council;
F.H. Galiev, Professor of Theory of State and Law of the Bashkir State University, Doctor of Law, associate professor, member of the Council;
A.M. Drozdova, professor of the Department of legal culture and protection of human rights of the North-Caucasus Federal University, Doctor of Law, Professor, member of the Council;
E.S.Ch. Kowalski, Head of the Russian law, professor of legal theory and legal logic, Deputy Dean of Science Faculty of Law of the University of Lazarski (Uczelni Łazarskiego) in Warsaw (Poland), Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Political Sciences, Professor, member of the Council;
M.E. Kruk-Jarosz (Maria Kruk-Jarosz), deputy dean for doctoral studies of the University of Lazarski (Uczelni Łazarskiego) in Warsaw (Poland), Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

G. A. Martianov, associate Professor of the Department of theory and history of state and law of the Law Institute (St. Petersburg), candidate of law, member of the Council;

E.V. Mitskaya, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and process of the South Kazakhstan State University of Auezov (Kazakhstan), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

N.I. Polishchuk, vice-president of the Interregional Association of theoreticians of State and Law, Professor of Theory of State and Law, International and European Law Faculty of Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor, member of the Council;

A.V. Popova, a professor of the Department of legal regulation of economic activity, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Ph.D., associate professor, member of the Council;

Yu.V. Romanov, General Director of the patent law holding "Romanovs and partners", head of the Russian center of law and consulting, member of the Council;

G.S. Skachkova, Head sector labor law and social security law of the «Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences», Doctor of Law, Professor, member of the Council;

S.P. Stepkin, associate Professor of the Department of civil law disciplines of the Russian state social University, Candidate of law, associate Professor, member of the Commission of the Association of lawyers of Russia, member of the Council;

Kari Syunberg (Kari Synberg), professor of the Faculty of Social and Economic Sciences of the University of Eastern Finland, a board member of the Geographical Society of Finland, the Republic of Finland, Doctor of Geographical Sciences, Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), member of the Council;

N.A. Frolova, a professor of the Department of Theory of State and Law named by G.V. Maltsev of «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration», Doctor of Law, Professor, member of the Council.

Информация для авторов:

Ваши материалы (объемом до 0,6-1,0 усл.-печ. л.) направляйте по адресу:
199106, Санкт-Петербург, ул. Гаванская, 3.
Юридический институт (Санкт-Петербург).
Тел. (812) 325-98-90. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

Каждая статья должна сопровождаться рецензией!

Просьба указывать свою должность, ученую степень, звание,
фамилию, имя и отчество, почтовый адрес и телефон

Свидетельство о регистрации ПИ № 2-4890 от 15 декабря 2000 г.
Формат 80x108/16. Подписано в печать 28.06.2019. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 8,6. Уч.-изд. л. 8,8. Тираж 200 экз. Заказ № 2-3-19.
Отпечатано в типографии “OneBook.ru” ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, коропус 5, «Технополис».

© «Юридическая мысль», № 2-3 (112-113), 2019

На обложке – фрагмент картины
С. Дали «Рафаэлевская голова, разлетающаяся на куски» (1951)

Юридическая мысль

2019 НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ 2-3 (112-113)
ОСНОВАН В 2001 ГОДУ

СОДЕРЖАНИЕ

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Бирюкова Г. М.
Психолого-юридические аспекты девиантного поведения спортсменов 9

Бумажкина А. В., Мордохов Г. Ю.
Защита чести, достоинства и деловой репутации субъектов политики по российскому и английскому законодательству 15

Веселов И. Г.
Оценка регулирующего воздействия как юридическая технология экспертного обеспечения законотворческого процесса в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации 24

Годунов И. В., Николаев С. М.
Теоретическое обоснование профессиональной подготовки студентов-юристов к антикоррупционной деятельности 39

Петровский А. В.
Использование традиционных (обычных) социальных норм в предупреждении преступлений: на примере адыгов 45

Степнова Ю.П.
К вопросу о понятии механизма правового регулирования 54

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Ахмадиева Л. А., Гареев М. Ф.
Отдельные аспекты противодействия экстремистской деятельности 66

Белая Н. П., Смирнова И. Н.
Организационно-правовые аспекты деятельности по обеспечению безопасности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций 76

Белая Н. П., Захарченко С. Н., Казак Б. Б.
Организационно-правовые аспекты противодействия лидерам уголовно-преступной среды, отбывающих наказания в исправительных учреждениях и уголовно-исполнительных инспекциях 83

Борисенко И. В., Лубков Е. А., Саддарова К. О.
К вопросу об организации деятельности по предупреждению преступлений, совершаемых лицами, страдающими расстройствами сексуального предпочтения и отбывающими наказание в исправительных колониях 90

Буданова Л. Ю., Шабанов В. Б.
Правовое регулирование полномочий уголовно-исполнительных инспекций по применению мер воздействия к осужденным без изоляции от общества 95

Высоцкий Д. А., Дихтиевский П. В., Казак Б. Б.
Противодействие лидерам и активным участникам групп осужденных отрицательной направленности при раскрытии совершенных или совершаемых преступлений 102

Дикаев С.У., Дикаева М.С.
Отклик на доклад профессора Д.А. Шестакова «Об основах учения о противодействии преступности» (г. Махачкала, 21 июня 2019 г.) 109

Дихтиевский П. В., Казак Б. Б., Шерхов Р. Р.
Лица, участвовавшие в совершении террористических актов и преступлений экстремистской направленности, как объект профилактического воздействия и отбывающие наказания в исправительных учреждениях и уголовно-исполнительных инспекциях 121

Косолапова Д. В., Смирнова И. Н., Шабанов В. Б.
Теоретические аспекты деятельности уголовно-исполнительных инспекций по привлечению осужденных к отбыванию обязательных и исправительных работ 126

Казак Б. Б., Щербаков А. В.
Уголовно-исполнительная система в механизме обеспечения общественной безопасности 133

Комарницкий А. В.
Виктимологическая характеристика лиц, совершивших преступление против несовершеннолетних 140

Полосухина О. В.
Условное осуждение в отношении несовершеннолетних: понятие и сущность 148

12.00.09 – Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность

Безрядин В. И., Иовлева А. С.
О некоторых проблемах реализации запретов
в системе мер уголовно-процессуального принуждения 154

Коржов Ю. Ю., Лубков Е. А., Попов В.А.
Использование результатов опроса с применением полиграфа
в уголовном процессе 162

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

Казак Б. Б., Шабанов В. Б.
Организационно-правовые основы взаимодействия
территориальных органов МВД России и Федеральной службы
войск Национальной гвардии Российской
Федерации по обеспечению безопасности граждан
в период проведения контртеррористической операции 168

Ковалева М. С., *Смирнова И. Н.*
Актуальные вопросы организации взаимодействия
уголовно-исполнительных инспекций с прокуратурой
в современных условиях 175

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

УДК 340.63
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.15.03.023

Психолого-юридические аспекты девиантного поведения спортсменов

Г.М. Бирюкова*

Аннотация. В статье анализируется психолого-юридические аспекты девиантного поведения спортсменов, на примере агрессии в спорте, которую еще часто называют «спортивной злостью», как рациональным образом организованная мобилизационная готовность спортсмена победить соперника. Исследуются причины повышенного уровня конфликтности и агрессивности, а также напористости у спортсменов, занимающихся силовыми видами спорта. Приводятся конкретные примеры такого девиантного поведения спортсменов.

Ключевые слова: агрессия, спортивная злость, спортсмен, личностные качества, эмоции.

Psychological and legal aspects athletes' deviant behavior

Annotation. The article analyzes the psychological and legal aspects of the athletes' deviant behavior, using the example of aggression in sports, which is also often called “sports anger,” as a rationally organized mobilization readiness of an athlete to defeat an opponent. The reasons for the increased level of conflict and aggressiveness, as well as assertiveness in athletes involved in power sports are investigated. Concrete examples of such deviant behavior of athletes are given.

Keywords: aggression, angry sportsman, athlete, personal qualities, emotions.

Общеизвестно, что занятия спортом оказывают значительное влияние на личностные особенности спортсмена, начиная с самого раннего возраста, когда он впервые соприкоснется с требованиями и законами спортивной деятельности. Что же пред-

* ***Бирюкова Галина Михайловна***, доктор философских наук, кандидат психологических наук, профессор Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта (Санкт-Петербург). E-mail: gal.mi@mail.ru

Biryukova Galina Mikhailovna, Doctor of philosophic sciences, professor, Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health (St. Petersburg).

ставляют собой самые главные установки, сызмальства прививаемые бенку, которые он получает от тренера? Они понятны и обязательны для исполнения: главное – победить соперника, стоять до последнего, а значит необходимо научиться тем методам и приемам, которые позволят быть и физически и эмоционально готовым для достижения конкретных результатов, а значит – и к победе над соперником.

Агрессия в спорте часто называется спортивной злостью и воспринимается как рациональным образом организованная мобилизационная готовность спортсмена победить соперника [2]. Существующие спортивные правила, за нарушением или соблюдением которых следят судьи, позволяют проявлять агрессивные чувства, которые должны укладываться в рамки принятых конструктивных форм агрессивного поведения спортсменов. По данным и серьезных научных исследований и студенческих магистерских работ, выявлено, что уровень конфликтности и агрессивности, а также напористости значительно выше у спортсменов, занимающихся силовыми видами спорта, и, конечно же, данные показатели значительно выше у спортсменов, занимающихся единоборствами, чем у гимнастов, пловцов или лиц, не являющихся спортсменами. По материалам многих исследований можно утверждать также, что выученная агрессивность у мужчин-спортсменов, которая сочетается с выраженной напористостью и стремлением победить значительно выше по уровню и чаще проявляется, чем агрессивность у не спортсменов и чем у женщин-спортсменов представителей силовых видов спорта. Еще одно важное заключение по результатам своих научных работ вывел психолог Ю.Н. Лысенко, пришедший к заключению, что спортсмены с преобладанием агрессии над тревогой отличаются лучшей готовностью к соревнованиям.

Очень трудно определить в спортивных правилах и приемах, в решениях спортивных судей правомерность применения тех или иных приемов и методов ведения позиционной борьбы между спортсменами во время соревнований, не называя их агрессией, а скрывая ее за определением «спортивная злость», так как если принять во внимание общепризнанное понимание термина «агрессия» как форма поведения, направленного на оскорбление или причинение вреда другому человеку, то теряется гуманитарная составляющая спорта. И в то же время есть вид спорта – бокс, где нанесение повреждений сопернику спортсмена (вплоть до потери сознания), является главной задачей спортсмена.

Перенимая методы и приемы агрессивных действий на ринге, на ковре, на поле у старших товарищей [1], молодые спортсмены воспитывают у себя проявление этих качеств, тренируют их, совершенствуют и получают от зрителей и от фанатов бурное одобрение, когда на грани нарушения правил совершают жесткие, а иногда и жестокие приемы по отношению к соперникам. Таким образом, при большом сроке пребывания в спорте можно ожидать от некоторых спортсменов некоей трансформации и переноса спортивной злости и агрессивности на собственные жизненные поведенческие установки вне спортивных соревнований, вплоть до совершения уголовных преступлений.

По сообщению РИА Новости (Москва) от 23 августа 2011 года, чемпион мира по смешанным единоборствам Расул Мирзаев, подозреваемый в из-

биении до смерти юноши, отстранен от подготовки к чемпионату мира по боевому самбо в составе сборной России. «За поведение, недостойное члена сборной России, Расул Мирзаев дисквалифицирован и снят с подготовки к чемпионату мира», – сообщил его тренер Конаков.

По словам тренера, окончательный срок дисквалификации пока не ясен, но предварительно Р.Мирзаев год не будет выступать за российскую команду. Он был задержан 19 августа после допроса по подозрению в совершении преступления, предусмотренного частью статьи 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего). В ходе конфликта 13 августа в центре города у ночного клуба «Гараж» Р.Мирзаев ударил студента Ивана Агафонова, который после этого был госпитализирован и через несколько дней скончался, не приходя в сознание.

Чемпион мира по смешанным единоборствам Расул Мирзаев по прозвищу «Черный тигр», подозреваемый в избиении до смерти 19-летнего Ивана Агафонова, попросил прощения у родных юноши в зале Замоскворецкого суда Москвы. «Я никогда никому не хотел нанести вред. Я не думал, что так все получится. Я об этом очень сильно сожалею», – сказал он.

Когда человек признается в том, что «не думал, что так получится», то это свидетельствует о том, что данный инцидент произошел под влиянием эмоционального взрыва спортсмена, обученного моментально силовым образом реагировать на ситуацию без контроля осознания возможных последствий.

Еще один спортсмен – британский боксер-тяжеловес Дерек Чисора дисквалифицирован на неопределенный срок решением Всемирного боксерского совета (ВБС) за скандальное поведение до и после боя против Виталия Кличко. Об этом сообщил телеканал SkyNews. Первый инцидент произошел на арене "Олимпиахалле" в Мюнхене. Чисора неожиданно ударил Кличко по лицу. Украинец сумел сдержаться и не врезал обидчику в ответ. Меж тем, сам Чисора после предательского удара сразу скрылся и даже не явился на церемонию выбора перчаток. За свою выходку темнокожий британец был оштрафован руководством ВБС на 50 тысяч долларов.

В тот же день Дерек Чисора на пресс-конференции сцепился с экс-чемпионом мира Дэвидом Хэем. В результате тренер Хэя Адам Бут получил травму головы. После инцидента Хэй усомнился в душевном здоровье Чисоры и посоветовал тому лечиться от немотивированных приступов агрессии. «Ему нужно провериться на предмет немотивированных проявлений агрессии. Это уже не шутки – у него определенно есть проблемы», – заявил Хэй.

Всемирный боксерский совет потребовал от Чисоры пройти курс управления гневом до того, как будет рассмотрен вопрос о снятии дисквалификации. Кроме того, Чисора исключается из рейтингов ВБС и должен заплатить кругленькую сумму за свои выходки.

Приведенная нами вторая ситуация – пример явно отклоняющегося (девиантного) поведения высоко квалифицированного спортсмена, однако, в рамках прикладной дисциплины «Психология девиантного поведения», очень сложно определить причину такого поведения, так как здесь может иметь место как нарушение мозговой деятельности или психопатологические нарушения, так и потеря навыков адаптивного поведения, или нару-

шение социальных ожиданий, или сокрытие своей несостоятельности в спорте (например, страх поражения от В. Кличко).

Оценка девиантного поступка, как правило, очень плохо поддается рациональному осмыслению, так как ярко срабатывают эмоциональные возмущения. Однако если рассматривать девиантное поведение в рамках права, то здесь имеет место более формализованное представление, состоящее из понимания такого поведения лица, которое не соответствует принятым и институционально закрепленным в данном обществе нормам поведения. В понятие «девиантное поведение» входит также преступное поведение, которое являет собой общественную опасность и может быть уголовно наказуемой, но до совершения преступления уже могло иметь место девиантное поведение (алкоголь, наркотики, воровство и пр.).

В специальной научной литературе девиантное поведение подразделяется на две группы.

1. Поведение, отклоняющееся от нормы психического здоровья, т. е. наличие у человека явной или скрытой психопатологии. Эту группу, во-первых, составляют лица, которых условно можно отнести к группе следующих характеров: астеников, шизоидов, эпилептоидов и других психически ненормальных людей. Во-вторых, к этой группе примыкают лица с акцентуированными характерами, которые тоже страдают психическими отклонениями, но в пределах нормы.

2. Поведение, отклоняющееся от морально-нравственных норм человеческого общежития и проявляющееся в различных формах социальной патологии – пьянство, наркомания, проституция... Подобный вид девиантного поведения выражается либо в форме проступков, либо в форме преступлений. Если эти проступки незначительны и не приносят большого вреда общественным отношениям, то лица, совершившие их, подвергаются наказанию по нормам трудового или административного права. Правоохранительные органы в лице милиции и судебных органов применяют к девиантам меры принудительного характера (административный арест, штраф и т. д.), а социальные и медицинские службы проводят с ними комплекс мер по социальной и психической адаптации.

Если же девиант совершает преступление, то такое деяние квалифицируется по нормам уголовного законодательства. Вот почему преступность как вид девиантного поведения в основном изучается в рамках юриспруденции, а аморальное поведение изучается социологией, психологией, психиатрией и др.

К основным субъектам девиантного поведения можно отнести лиц, страдающих определенными формами психической патологии и склонных на этой основе к аморальному поведению, попыткам членовредительства и самоубийства. К социальной патологии можно отнести наркоманию и токсикоманию, бытовое пьянство и алкоголизм, проституцию, бродяжничество и другие правонарушения.

Приведем еще одно судебное дело, связанное с преступным поведением нетрезвого спортсмена.

Дело N 1-20/2015. 01 июня 2015 года Нязепетровский районный суд Челябинской области, рассмотрев в открытом судебном заседании уголов-

ное дело в отношении ранее не судимого Ш.Л., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации, установил, что Ш.Л. причинил А.Э смерть по неосторожности при следующих обстоятельствах. Ш.Л., будучи в состоянии алкогольного опьянения, сел в свою машину и собирался уезжать. В это время к машине подошел ранее знакомый ему А.Э. в состоянии алкогольного опьянения и нанес один удар ногой в область переднего бампера автомобиля Ш.Л. После этого Ш.Л. вышел из машины и между ними завязалась драка на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений. У Ш.Л. получилось совершить бросок А.Э. через себя, в результате данного броска А.Э не менее одного раза ударился теменно-затылочной областью головы об асфальтовое покрытие проезжей части дороги. После этого Ш.Л. нанес не менее двух ударов кулаком правой руки в область лица. После чего, обхватив голову А.Э. двумя руками не менее трех раз ударил ее об асфальтовое покрытие дороги. А.Э были нанесены телесные повреждения: переломы костей черепа, ушибы мозга, внутричерепное кровоизлияние, линейный перелом теменной кости справа, что привело в смерти гр.А.Э. Смерть наступила в результате причинения Ш.Л. смерти по неосторожности, от набухания головного мозга с дислокацией его ствола с развившейся в результате тяжелой черепно-мозговой травмы в интервале времени от 05.00 до 08.00 часов ДД. ММ.ГГГГ года. Подсудимый виновным себя в совершении инкриминированного ему преступления ч. 4 ст. III УК РФ не признал, пояснив, что умысла на причинение какого-либо вреда здоровью А.Э. не было. После того, как уехала скорая помощь, он с братом А. поехал к клубу, где была драка. Ш.Л. пояснил, что подрался с А.Э., и что все это ему по барабану и что все равно ему за это ничего не будет.

Суть произошедшего можно охарактеризовать через сформированную поведенческую внутреннюю модель личности Ш.Л., которая, к сожалению, не имеет просоциально-гуманитарной направленности.

Одним из факторов внутреннего мира личности являются субъективные нормативные устои, которые регламентируют ее поведение. Еще в 70-х годах прошлого столетия израильский профессор психологии Ш. Шварц [4] сформулировал условия, при которых активизируются личностные нормы, а именно:

– когда человек знает о последствиях для других людей его действий в согласии с данной нормой;

– когда личностная норма требует от человека именно таких действий;

– когда человек способен контролировать свои действия и их результаты;

– когда он признает личную ответственность за свои поступки в соответствии с данной нормой.

Ш. Шварц также сформулировал следующее предположение: действия человека в соответствии со своими личностными нормами повышает его самооценку и уменьшает самокритику. Иными словами, подлинно личностные нормы непосредственным образом соотносятся с представлениями человека о себе самом. Правда, следует учитывать, что на сегодняшний

день отсутствуют в должной мере научным образом подтвержденные данные о наличии прямой связи между определенными чертами личности человека и предпочтениями в соблюдении социальных норм. Чтобы нормы, принятые в общественном сознании были интериоризированы, они должны быть включены в систему смыслов самого человека, а что касается методов и приемов совладания [3] с личностными эмоционально-взрывными состояниями, об этом можно поразмышлять в наших следующих исследованиях.

Библиографический список

1. *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2014. – С. 23-59.

2. *Ильин Е.П.* Психология агрессивного поведения. – СПб.: Питер, 2014. – С. 110-129.

3. Методики диагностики и измерения психологических состояний личности/ Автор и составитель А.О. Прохоров. – М.: ПЕР СЭ. 2004. – 176 с.

4. *Schwartz Sh. H.* Normative Explanations of Helping Behavior: A. Critique Proposal and Empirical Test // Journal of Experimental Social Psychology. – 1973. – V. 9. – N 4. – P. 348-364.

Bibliographic list

1. Baron R., Richardson D. Aggression. 2nd ed. St. Petersburg: Peter, 2014. P. 23-59.

2. Ilyin E.P. Psychology of aggressive behavior. St. Petersburg: Peter, 2014. P. 110 -129.

3. Methods of diagnosis and measurement of psychological states of personality / Author and compiler A.O. Prokhorov. M.: PER SE. 2004. 176 p.

4. Schwartz Sh. H. Normative Explanations of Helping Behavior: A. Critique Proposal and Empirical Test // Journal of Experimental Social Psychology. 1973. V. 9. № 4. P. 348-36.

УДК 340.63
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.15.03.024

Защита чести, достоинства и деловой репутации субъектов политики по российскому и английскому законодательству

А.В. Бумажкина*
Г.Ю. Мордохов**

Аннотация. Статья посвящена вопросам защиты чести, достоинства и репутации субъектов политики по российскому и английскому праву. Авторы проанализировали нормативно-правовые акты, регулирующие правоотношения в указанной сфере, классифицировали субъекты политики и подготовили обзор актуальной судебной практики двух стран. Кроме того, в статье исследуется возникновение, формирование и развитие института защиты чести, достоинства и репутации субъектов политики в России и Англии.

Ключевые слова: субъект политики, честь, достоинство, деловая репутация, диффамация, пасквиль, оговор.

Protection of honor, dignity and business Reputation subjects of politics in Russian and English legislation

Annotation. The article is devoted to the protection of the honor, dignity and reputation of political subjects under Russian and English law.

The authors analyzed the regulatory legal acts governing legal relations in this area, classified policy makers and prepared a review of relevant judicial practice of the two countries.

In addition, the article examines the origins of the institution of protecting the honor, dignity and reputation of politics in Russia and England.

Keywords: political subject, honor, dignity, business reputation, defamation, libel, slander

В информационном обществе вопрос защиты чести, достоинства и репутации субъектов политики с каждым годом становится все более актуальным. Под субъектами политики понимаются лица, принимающие реальное участие во властном взаимодей-

* *Бумажкина Анастасия Сергеевна,* аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического института (Санкт-Петербург). E-mail: a.bumazhkina@gmail.com

Bumazhkina Anastasia V., post-graduate student of the Department of theory and history of state and law of the Law Institute (St. Petersburg).

** *Мордохов Георгий Юрьевич,* юрист компании Dillex Solicitors, кандидат юридических наук. E-mail: Mordokhov@gmail.com

Mordokhov, Georgy Yurievich, lawyer at Dillex Solicitors, Ph.D. Email: Mordokhov@gmail.com.

ствии с государством, независимо от степени влияния на принимаемые им решения и характер реализации государственной политики. По типам субъекты делятся на индивидуальные, групповые и институциональные [1]. Благодаря развитию информационных технологий и в силу своей публичности политические деятели больше других подвержены критике.

Из судебной практики следует, что по законодательству Российской Федерации подать иск о защите чести, достоинства, деловой репутации могут как физические, так и юридические лица, в том числе политические партии [2], бюджетные учреждения [3], органы государственной власти [4].

С 29 марта 2019 года вступили в силу Федеральный закон от 18 марта 2019 года № 30-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [5] (далее – Федеральный закон № 30-ФЗ) и Федеральный закон от 18 марта 2019 года № 28-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [6] (далее – Федеральный закон № 28-ФЗ) (так называемые «законы о критике власти»).

В соответствии с изменениями, предусмотренными Федеральным законом № 30-ФЗ, уполномоченные органы получили право принимать меры по ограничению доступа к информации (материалам), предназначенной (предназначенным) для неограниченного круга лиц, выражающей (выражающих) в неприличной форме явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации и органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации.

Федеральный закон № 28-ФЗ дополнил статью 20.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – Кодекс) («Мелкое хулиганство») положениями об ответственности за распространение вышеназванной информации в Интернете.

Если размер штрафа за мелкое хулиганство (часть 1 статьи 20.1 Кодекса) в настоящий момент варьируется от 500 до 1000 рублей (альтернативная мера наказания – административный арест на срок до пятнадцати суток), то сумма штрафа за распространение информации составляет от 30 000 до 100 000 рублей.

Фактически, в этом случае, баланс частных и публичных интересов склонился в пользу последних, давая основания для пересмотра органами государственной власти рамок допустимой критики. Отметим, что ранее в российском обществе неоднократно обсуждалась идея введения ответственности за нанесение ущерба чести и достоинству Президента Российской Федерации. Ее сторонники апеллировали к аналогичному Закону СССР от 14 мая 1990 г. № 1478-I «О защите чести и достоинства Президента СССР» [7]. В 2015 году публикация по указанному вопросу появилась на сайте Российской общественной инициативы [8]. Во время встречи со студентами Университета Иннополис в 2017 году Председатель Государственной Думы В.В. Володин поддержал это предложение [9]. Пресс-секретарь Президента России Д.С. Песков заявил, что «идея принятия закона о защите чести и достоинства главы государства, в том числе от нападок в прессе, требует изучения, позиции пока нет» [10].

В целом количество исков о защите чести, достоинства и репутации субъектов политики крайне незначительно. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за первое полугодие 2018 года в стране завершено более 9 742 700 гражданских и административных дел. Из них всего 1 795 – о защите чести, достоинства и деловой репутации [11], что составляет около 0,018 % от общего количества. Соответственно, процент дел, где истцом является субъект политики, еще меньше.

Возможно, такая ситуация сложилась по следующим причинам. Во-первых, на практике потерпевшему проще и быстрее разрешить конфликтную ситуацию во внесудебном порядке [12]. Средства массовой информации охотно публикуют комментарии, опровергающие высказывания известных политиков: развитие темы поддерживает интерес читателей и кликабельность материалов в Интернете.

Во-вторых, суды существенно снижают размер компенсации морального вреда. К примеру, в 2016 году член Совета Федерации Д.В. Саблин подал иск к А.А. Навальному с требованием выплатить 10 200 000 рублей [13]. Люблинский районный суд снизил требование до 250 000 рублей морального вреда и 158 000 рублей в счет расходов.

Можно также предположить, что порой факт подачи субъектами политики иска о защите чести, достоинства и репутации используется в качестве инструмента пиара. Обращение в суд широко освещается в СМИ, однако, после этого заявление возвращается истцу, и процесс завершается [14].

Рассматривая дела о защите чести, достоинства и репутации субъектов политики, российские суды руководствуются статьей 29 Конституции Российской Федерации [15, с. 81-84], статьей 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Свобода выражения мнения») [16], Декларацией о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации [17], практикой Европейского суда по правам человека [18], статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации («Защита чести, достоинства и деловой репутации») [19], постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 года № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» [20], постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [21].

Также в «Обзоре практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации» от 16 марта 2016 года [22] (далее – Обзор) акцентируется внимание на том, что критика деятельности лиц, осуществляющих публичные функции, допустима в более широких пределах, чем в отношении частных лиц.

«Конституция Российской Федерации гарантирует каждому право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. При этом профессиональная сфера деятельности предполагает наличие определенных ограничений в осуществлении конституционных прав и свобод, что обусловлено исполнением особых публично-правовых обязанностей», – говорится в Обзоре.

На практике российские суды исходят из того, что не вся распространяемая в отношении публичных лиц информация может признаваться порочащей честь, достоинство и репутацию субъекта политики. Согласно пункту 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 года № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности. На основании этого суды зачастую отказывают в удовлетворении исковых требований.

Вместе с тем можно предположить, что после вступления в силу «законов о критике власти» судебная практика значительно изменится. Количество исков к средствам массовой информации может существенно увеличиться и в конечном счете ряд дел дойдёт до высших судебных инстанций.

Во второй части данной статьи фокус внимания будет перемещен на законодательство Англии и Уэльса (далее – английское законодательство). Правовая система Англии и Уэльса была объединена на основании предложения об унификации, разработанной Чарлзом Абботом в конце XVIII века. В первую очередь, хотелось бы отметить, что английское законодательство различает между собой два вида диффамации – Libel (далее – пасквиль, т.е. нечто, выраженное в письменной форме или в форме изображения – перевод собственный) и Slander (далее – оговор, т.е. нечто, выраженное в устной форме – перевод собственный).

Исторически данные деликты параллельно развивались в законодательстве, однако, в XX веке стало происходить их сближение, что привело вначале к принятию Defamation Act 1952 года [23], в котором данные деликты рассматривались совместно, а затем и к рекомендации Комитета по реформированию законодательства об объединении обоих деликтов в один [24]. Тем не менее, данные деликты по-прежнему имеют некоторые различия.

Исторически в английском законодательстве существовали и уголовные преступления, имеющие в своей основе пасквиль (seditious libel, defamatory libel and obscene libel), связанные с данной сферой законодательства, но все подобные деяния были декриминализованы в 2010 году.

Итак, определившись с тем, какие деликты в области вреда деловой репутации существуют в английском законодательстве, следует обозначить ряд специфических моментов, присущих именно искам по вопросам ущерба, нанесенного деловой репутации субъекта политики.

Представляется разумным начать рассмотрение подобного иска для субъекта политики с такого немаловажного пункта, как Locus Standi (право обращения в суд) по данным вопросам. Иск о защите деловой репутации по определению не может быть подан органами власти [25].

В дальнейшем данный прецедент был развит: суд признал, что политическая партия также не может быть способна подать подобный иск [26],

так как это нарушало бы принципы демократических дебатов и не позволяло бы избирателям критиковать действия политических партий. Таким образом, Парламент не может подать подобный иск, политическая партия, представленная в Парламенте, не может подать подобный иск, в то время как отдельный член Парламента, представленный от политической партии, может подать подобный иск.

Однако, следует отметить, что речь идет непосредственно о том, что политическая партия или органы власти не могут самостоятельно выступать истцами в подобных делах, но не об отсутствии ответственности за подобные деяния в принципе.

Так, в 2012 году, Робин Тилбрук, председатель политической партии «Английские Демократы» подал в суд иск о защите деловой репутации [27]. В рамках судебного разбирательства было установлено следующее: в Интернет-блоге были опубликованы некоторые замечания, позволяющие ассоциировать данную политическую партию с расизмом. Суд принял решение, что истцу предоставляется возможность доказать факт того, что материал данной статьи может нанести вред его деловой репутации, хотя он и не был лично в ней поименован.

Истец проиграл дело, не сумев доказать, что может быть идентифицирован как лицо, чьей деловой репутации был нанесен вред (данный аспект не будет рассматриваться более детально, так как является общим для всех исков о защите деловой репутации), но решение положило начало прецеденту.

Упоминание Интернет-блога в описании вышеназванного судебного дела плавно приводит нас к вопросу о том, как английское законодательство классифицирует Интернет-публикации в рамках диффамационных деликтов и почему это важно для субъектов политики.

Пасквиль традиционно представлял из себя нечто материальное, в то время как оговор обычно был в устной форме. С появлением Интернета возник вопрос о том, каким образом должны быть квалифицированы публикации в сети. Судебная практика разделила подобные публикации на множество категорий, которые одна за другой переходили из разряда оговора в разряд пасквиля. Последней категорией публикаций в Интернете, которая была квалифицирована как пасквиль, стали сообщения в чате [28].

Таким образом, с 2006 года все публикации в Интернете относятся к категории пасквилей. И если сама по себе значимость Интернет-публикаций и их распространенность в современном информационном обществе не нуждается в пояснениях, то вопрос, почему отнесение Интернет-публикаций именно к разряду пасквилей имеет эпохальное значение для английского законодательства в области защиты деловой репутации, требует ближайшего рассмотрения.

Для того, чтобы иск о защите деловой репутации был принят к рассмотрению судом, он должен соответствовать некоторым критериям. Одной из них является некое «требование к серьезности ущерба» (Requirement of serious harm), которая определяется следующим образом: «высказывание является диффамацией, если его опубликование нанесло или с высокой долей вероятности может нанести серьезный ущерб репутации истца» [29]. Под высокой долей вероятности понимается условная вероятность выше

50%, а под релевантным временем для рассмотрения прогноза этой вероятности – дата подачи искового заявления, а не дата публикации [30].

Для пасквилей требования к вреду ограничены только этим положением. В то же время при подаче в суд иска об оговоре истцу следует также показать фактический материальный ущерб, который был ему нанесен. Таким образом, для английских субъектов политики данное решение (и предшествовавшие ему) являются достаточно важными, так как для публичной личности доказать возможность нанесения вреда репутации является намного менее трудоемкой задачей, нежели документальная демонстрация фактического материального ущерба.

В качестве завершающего штриха хотелось бы обратиться к такому немаловажному для исков о защите деловой репутации правовому институту, как парламентский индемнитет (Absolute privilege – применяется также и в других случаях: судебные заседания, сравнительные доклады о судебных слушаниях. В рамках данной статьи видится разумным использовать термин «парламентский индемнитет»). Слово «абсолютный» в английском названии данного термина указывает на то, что он имеет отношение к тем «ситуациям, когда принципиально важно, чтобы люди могли говорить с полной свободой» [31].

В данном случае имеет смысл взглянуть на это право с обратной стороны. Ведь в рамках парламентских обсуждений может возникнуть ситуация, при которой субъект политической деятельности пытается возбудить дело о защите репутации против члена Парламента. В подобной ситуации суд сможет принять дело к рассмотрению, но не сможет вынести вердикт в пользу истца, так как ответчик находится под защитой парламентского индемнитета.

Парламентский индемнитет носил абсолютный характер с 1689 года, когда был принят Билль о правах [32] вплоть до принятия поправок в законодательстве, позволяющих члену Парламента добровольно отказаться от парламентского индемнитета в рамках судебных слушаний [33]. Впрочем, даже добровольный временный отказ от этого монументального права оказался недопустимым для английского политического сообщества в долгосрочной перспективе – и уже в 2015 году соответствующее положение, просуществовавшее немногим менее 20 лет, было отменено, вернув парламентскому индемнитету абсолютный характер [34].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что, в английском порядке защита деловой репутации политиков является более развитым институтом, чем в российском.

В то же время английское законодательство является более сложным, определяя дела о защите чести, достоинства и деловой репутации в категорию частного интереса. В Российской Федерации субъекты политики фактически могут рассчитывать на помощь государства в защите своих прав.

Библиографический список

1. См., подроб.: *Соловьев А.И.* Политология. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 416 с.

2. См.: Определение Московского городского суда по делу № 33-1454/2015 от 20.01.2015.

3. См.: Определение Московского городского суда по делу № 33-53396/2018 от 04.12.2018.

4. См.: Определение Московского городского суда по делу № 33-32191/2018 от 10.09.2018.

5. См.: Федеральный закон от 18 марта 2019 года № 30-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» //Российская газета, 2019, 20 марта.

6. См.: Федеральный закон от 18 марта 2019 года № 28-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» //Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 12. – Ст. 1218.

7. См.: Закон СССР от 14 мая 1990 г. № 1478-I «О защите чести и достоинства Президента СССР» // http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3014#039016063462003614

8. См.: https://www.roi.ru/15669/

9. См.: https://tass.ru/politika/4019313.

10. См.: https://t.me/deputatdumy/215.

11. См.: http://www.cdep.ru/index.php?id=79

12. *Михалевич Е.В.* Защита чести, достоинства и деловой репутации публичных персон в свете последних изменений в Гражданском кодексе Российской Федерации //Судья. – 2014. – № 4, апрель.

13. См.: https://tass.ru/politika/2598490

14. См.: https://mos-gorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/claim-civil/details/ead7df8d-5072-4e98a2e9dbcef4c5fe19?participants= %D1%85%D0%B8%D0%BD%D1%88%D1%82%D0%B5%D0%B9% D0 % BD.

15. См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации. 3-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А.Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2019. – 425 с.

16. См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод http://base.garant.ru/2540800/

17. См.: Декларация о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации //http://base.garant.ru/2563417/

18. См., напр.: постановление Европейского суда по правам человека от 30 мая 2013 г. по делу «ООО «Вести» и Ухов против Российской Федерации»; постановление от 5 октября 2006 г. по делу «Захаров против Российской Федерации»; постановление от 23 апреля 1992 г. по делу «Кастеллс против Испании»; постановление от 8 июля 1986 г. по делу «Лингенс против Австрии» и др. // https://espch.ru/

19. См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

20. См.: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 года № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – № 4.

21. См.: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 (ред. от 20.09.2018) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» //www.consultant.ru

22. См.: Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации» от 16 марта 2016 года //Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 10.

23. См.: Defamation Act 1952 // https://www.lawteacher.net/.

24. Report of the Faulks Committee on Defamation (Cmnd 5909) (1975) paragraph 91 // The Modern Law Review // Vol. 39, No. 2 (Mar., 1976).

25. Derbyshire County Council v Times Newspapers (1993) 1 All ER 1011 HL // https://swarb.co.uk/derbyshire-county-council-v-times-newspapers-ltd-and-others-hl-18-feb-1993/

26. Goldsmith and Another v Bhoyrul and Others QBD [1998] QB 459 // https://swarb.co.uk/goldsmith-and-another-v-bhoyrul-and-others-qbd-20-jun-1997/

27. Tilbrook v Parr QBD [2012] EWHC 1946 (QB) // https://swarb.co.uk/tilbrook-v-parr-qbd-13-jul-2012/

28. Keith-Smith v Williams (2006) EWHC 860 (QB) // https://www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff72860d03e7f57ea8d35

29. Defamation Act 2013, s.1(1) // http://www.legislation.gov.uk

30. Cooke and Another v MGN Ltd and Another QBD [2014] EWHC 2831 (QB) // https://swarb.co.uk/cooke-and-another-v-mgn-ltd-and-another-qbd-13-aug-2014/

31. Tort Law. 4th edition. Kirsty Horsy, Erica Rackley. Oxford University Press. 2015. P. 486.

32. Bill of Rights 1688. Article IX // http://www.legislation.gov.uk

33. Defamation Act 1996, s.13 // http://www.legislation.gov.uk

34. Deregulation Act 2015, Sch. 23 para. 44 // http: //www. legislation.gov.uk.

Bibliographic list

1. See, details: A. Soloviev Political science. M.: Aspect Press, 2017. 416 p.

2. See: Determination of the Moscow City Court in case No. 33-1454 / 2015 of 01.20.2015.

3. See: Determination of the Moscow City Court in case No. 33-53396 / 2018 of 12/04/2018.

4. See: Determination of the Moscow City Court in case No. 33-32191 / 2018 of 09/10/2018.

5. See: Federal Law of March 18, 2019 No. 30-ФЗ “On Amending the Federal Law“ On Information, Information Technologies and the Protection of Information ”// Rossiyskaya Gazeta, March 20, 2019.

6. See: Federal Law of March 18, 2019 No. 28-ФЗ “On Introducing Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No 12. Art. 1218.

7. See: Law of the USSR of May 14, 1990 No. 1478-I “On Protection of the Honor and Dignity of the President of the USSR” // http://www.consultant.ru/cons/ cgi / online.cgi? Req = doc & base = ESU & n = 3014 # 039016063462003614

8. See: https://www.roi.ru/15669/

9. See: https://tass.ru/politika/4019313.

10. See: https://t.me/deputatdumy/215.

11. See: http://www.cdep.ru/index.php?id=79

12. Mikhalevich E.V. Protection of the honor, dignity and business reputation of public persons in the light of recent changes in the Civil Code of the Russian Federation // Judge. 2014. No. 4, April.

13. See: https://tass.ru/politika/2598490

14. See: https://mos-gorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/claim-civil/details/ead7df8d-5072-4e 98a2e9dbcef4c5fe19? Participants =% D1% 85% D0% B8% D0% BD % D1% 88% D1% 82% D0% B5% D0% B9% D0% BD

15. See: Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 3rd ed., Rev. and add. // Ed. prof. S.A. Komarova. M.: Publishing House "Yurait", 2019. 425 p.

16. See: Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms http://base.garant.ru/2540800/

17. See: Declaration on the freedom of political discussion in the media // http://base.garant.ru/2563417/

18. See, for example: the judgment of the European Court of Human Rights of May 30, 2013 in the case of Vesti LLC and Ukhov v. Russia; Resolution of October 5, 2006 in the case of Zakharov v. Russia; a ruling of April 23, 1992 in the case of Castells v. Spain; Resolution of July 8, 1986 in the case of Lingens v. Austria et al. // https://espch.ru/

19. See: Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on December 16, 2019) // Meeting of the Legislation of the Russian Federation, 1994. No. 32. Art. 3301.

20. See: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 24, 2005 No. 3 “On Judicial Practice in Cases on the Protection of Honor and Dignity of Citizens, as well as the Business Reputation of Citizens and Legal Entities” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2005. No. 4.

21. See: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2011 No. 11 (as amended on September 20, 2018) “On judicial practice in criminal cases of extremist crimes” //www.consultant.ru

22. See: Review of the practice of courts reviewing cases of disputes on the protection of honor, dignity and business reputation ”dated March 16, 2016 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016. No. 10.

23. See: Defamation Act 1952 // https://www.lawteacher.net/.

24. Report of the Faulks Committee on Defamation (Cmnd 5909) (1975) paragraph 91 // The Modern Law Review // Vol. 39, No. 2 (Mar., 1976).

25. Derbyshire County Council v Times Newspapers (1993) 1 All ER 1011 HL // https://swarb.co.uk/derbyshire-county-council-v-times-newspapers-ltd-and-others-hl-18- feb-1993 /

26. Goldsmith and Another v Bhoyrul and Others QBD [1998] QB 459 // https://swarb.co.uk/goldsmith-and-another-v-bhoyrul-and-others-qbd-20-jun-1997/

27. Tilbrook v Parr QBD [2012] EWHC 1946 (QB) // https://swarb.co.uk/tilbrook-v-parr-qbd-13-jul-2012/

28. Keith-Smith v Williams (2006) EWHC 860 (QB) // https: // www.casemine.com/judgement/uk/5a8ff72860d03e7f57ea8d35

29. Defamation Act 2013, s.1 (1) // http://www.legislation.gov.uk

30. Cooke and Another v MGN Ltd and Another QBD [2014] EWHC 2831 (QB) // https://swarb.co.uk/cooke-and-another-v-mgn-ltd-and-another-qbd-13-aug-2014/

31. Tort Law. 4th edition. Kirsty Horsy, Erica Rackley. Oxford University Press. 2015. P. 486.

32. Bill of Rights 1688. Article IX // http://www.legislation.gov.uk.

33. Defamation Act 1996, s.13 // http://www.legislation.gov.uk

34. Deregulation Act 2015, Sch. 23 para. 44 // http: // www. legislativelation.gov.uk.

УДК 342.537
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.15.03.025

Оценка регулирующего воздействия как юридическая технология экспертного обеспечения законотворческого процесса в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации

И.Г. Веселов*

Аннотация. В статье исследуются малоизученные аспекты научно-экспертного обеспечения законотворческого процесса в нижней палате российского парламента, дается оценка регулирующему воздействию в различных субъектах Российской Федерации, определяются принципы, на которых должно строиться создание организационно-правовых механизмов участия Государственной Думы в деятельности по оценке регулирующего воздействия как юридической технологии.

Ключевые слова: оценка регулирующего воздействия, Государственная Дума, юридическая технология, законотворческий процесс, парламентский контроль.

Assessment of regulatory impact as a legal technology for expert support of the legislative process in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation

Annotation. The article examines the little-studied aspects of scientific and expert support of the legislative process in the lower house of the Russian parliament, assesses the regulatory impact in various constituent entities of the Russian Federation, defines the principles on which the creation of organizational and legal mechanisms for the participation of the State Duma in activities to assess regulatory impact as legal technology.

Keywords: regulatory impact assessment, the State Duma, legal technology, legislative process, parliamentary control.

Законотворческий процесс неотъемлемо связан с проведением исследовательской работы, направленной на анализ действующего законодательства, выявление существующих проблем, требующих своего законодательного решения, и поиск его наи-

* *Веселов Игорь Геннадьевич*, стажер-исследователь кафедры теории и истории государства и права Юридического института (Санкт-Петербург). E-mail: igorveselov@mail.ru. Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор С.А. Комаров.

Veselov Igor Gennadievich, intern researcher at the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute (St. Petersburg). Supervisor – Doctor of Law, Professor S.A. Komarov.

более эффективных форм. Важным инструментом, помогающим обеспечить надлежащее качество принимаемых законодательных актов, являются дические технологии, представляющие собой систему научно-обоснованных приемов, методов других правовых инструментов, а также процедур их пользования с целью формирования эффективных юридических решений [1]. Одной из таких технологий является оценка регулирующего воздействия.

Разработанная в ряде западных стран в связи с постоянным увеличением объема нормативного регулирования и его усложнением в конце 70-х начале 80-х годов прошлого века процедура оценки регулирующего воздействия означает особый порядок принятия нормативных, в том числе законодательных решений, имеющий своей целью прогнозную оценку их реализации и предотвращение возможных негативных последствий. Предметная сфера использования оценки регулирующего воздействия, также как конкретная методика, и процедура ее осуществления, различаются с учетом специфики ее осуществления в конкретной стране, однако традиционно основной областью оценки является нормативно регламентируемая сфера экономической деятельности, включая взаимоотношения государства и бизнеса. Например, британское правительство определило оценку регулирующего воздействия как «политический инструмент оценки воздействия, с точки зрения затрат, выгод и рисков любых предложений, которые могут затронуть предпринимателей, благотворительные или добровольческие организации» [2].

От обычной деятельности по подготовке обоснований к подготавливаемым проектам нормативных актов оценку регулирующего воздействия отличает формализованная процедура проведения, включающая ряд технологически связанных между собой этапов, участие в оценке субъектов, интересы которых может затронуть проектируемое правовое регулирование, специалистов-экспертов, в том числе внешних по отношению к субъекту, который проводит процедуру, а также оценка качества проведенного обоснования подготовки проекта нормативного акта третьей стороной.

Рассматривая оценку регулирующего воздействия с точки зрения системного подхода, можно выделить в ее составе несколько взаимодополняющих элементов, которые позволяют обеспечить всестороннее рассмотрение лежащей в основе проектируемого правового регулирования проблемы и обоснованность предлагаемого нормативного решения. Во-первых, это аналитическая составляющая, которая заключается в анализе проблемной ситуации специалистами в соответствующей области, включая поиск наиболее эффективных вариантов решения проблемы, определение возможных выгод и издержек от предлагаемого проекта нормативного акта, и во-вторых – получение мнений сторон, интересы которых может затронуть проектируемое регулирование, в первую очередь потенциальных субъектов правоотношений, что позволяет найти оптимальный баланс интересов указанных субъектов и органов публичной власти в процессе действия правового регулирования. Оценка регулирующего воздействия включает в себя также элементы экспертизы, в том числе правовой – на предмет определения соответствия предлагаемого проекта нормативного акта действующему законодательству [3].

Таким образом, оценка регулирующего воздействия как юридическая технология экспертного обеспечения законотворческого процесса сочетает в себе различные приемы и способы, направленные на повышение качества нормативного регулирования и повышения его эффективности, что позволяет с достаточной степенью объективности оценить преимущества и недостатки проекта нормативного акта, определить альтернативные варианты достижения поставленной цели, возможные издержки для субъектов регулирования, а также расходы, требуемые на реализацию проектируемого нормативного акта из различных бюджетов.

В нормотворческую практику федеральных органов исполнительной власти технология оценки регулирующего воздействия введена относительно недавно. В соответствии с действующими с 2012 года Правилами проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проектов поправок к проектам федеральных законов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации [4], применительно к проектам нормативных актов оценка регулирующего воздействия проводится федеральными органами исполнительной власти их разработчиками в отношении предлагаемых к разработке и уже подготовленных проектов нормативных правовых актов и включает в себя этапы размещения уведомления о подготовке проекта акта, разработку проекта акта и сводного отчета о проведении оценки регулирующего воздействия в отношении проекта акта, их публичное обсуждение, а также подготовку заключения Министерства экономического развития Российской Федерации об оценке регулирующего воздействия. Оценке регулирующего воздействия подлежат также проекты поправок к проектам федеральным законов, подготавливаемые федеральными органами исполнительной власти.

Предметная область оценки регулирующего воздействия ограничена сферой предпринимательской и иной экономической деятельности (отношения, связанные с осуществлением государственного контроля (надзора), взиманием налогов и сборов, регулированием деятельности юридических лиц, установлением обязательных требований к продукции и т.п.).

Нормативно установленная на федеральном уровне оценка регулирующего воздействия включает в себя только процедуру оценки проектируемого правового регулирования и не предусматривает ретроспективную оценку действующего нормативного акта на предмет соотнесения фактических результатов его действия с анализом, проводившимся на проектной стадии. Следует отметить, что хотя в указанных Правилах и закрепляется необходимость указания в сводном отчете сведений с описанием методов контроля эффективности избранного способа достижения цели регулирования, сведений о необходимых для достижения заявленных целей регулирования организационно-технических, методологических, информационных, и иных мероприятий, а также индикативных показателей, программ мониторинга и иных способов (методов) оценки достижения заявленных целей регулирования, тем не менее процедура оценки уже действующего нормативного регулирования (в том числе порядок организации, сроки проведения, действия по итогам осуществления) не регламентирована.

В качестве еще одного существенного недостатка действующей в настоящее время процедуры оценки регулирующего воздействия на федеральном уровне следует выделить участие в ее осуществлении со стороны разработчиков законопроектов только структур федеральной исполнительной власти, вследствие чего допускается легальная возможность внесения в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации и рассмотрения ей законопроектов без проведения оценки регулирующего воздействия (несмотря на то, что внесенные законопроекты относятся к предметной сфере ее проведения). Кроме того, допускается также и искажение смыслового содержания внесенных в Государственную Думу Правительством Российской Федерации и прошедших оценку регулирующего воздействия законопроектов на этапе их рассмотрения и принятия Государственной Думой во втором чтении из-за внесения в текст проекта поправок. Последнее может в значительной мере нивелировать эффективность осуществления оценки регулирующего воздействия на предпарламентском этапе законотворческого процесса.

Международный опыт проведения оценки регулирующего воздействия законопроектов убедительно свидетельствует о необходимости участия в этой процедуре не только структур исполнительной власти, но и законодательных органов. Необходимость такого участия с одной стороны вытекает из присущей законодательным органам функции контроля над деятельностью исполнительной власти, а с другой – из необходимости обеспечения проведения оценки регулирующего воздействия в отношении всех законопроектов, которые содержат вопросы в соответствующей предметной сфере и внесены в законодательный орган.

Применительно к Государственной Думе осуществление этим органом оценки регулирующего воздействия должно, на наш взгляд, обеспечивать решение следующих задач:

1) парламентский контроль за проведением оценки регулирующего воздействия федеральными органами исполнительной власти на этапе разработки законопроекта и при необходимости проведение дополнительной оценки регулирующего воздействия, внесенного законопроекта либо его отклонение, если процедура проведена органами исполнительной власти ненадлежащим образом либо качество ее проведения является неудовлетворительным;

2) обеспечение возможности проведения оценки регулирующего воздействия в отношении законопроектов, внесенных депутатами Государственной Думы и иными субъектами права законодательной инициативы, законопроекты которых разрабатываются без проведения указанной процедуры, но относятся к предметной сфере ее проведения;

3) проведение оценки регулирующего воздействия в отношении поправок к законопроектам, подготавливаемым к рассмотрению во втором чтении;

4) обеспечение возможности осуществления ретроспективной оценки законодательных актов, на законопроектной стадии проходивших оценку регулирующего воздействия.

Осуществление парламентского контроля за качеством проведения оценки регулирующего воздействия структурами исполнительной власти

и соблюдения необходимых формальных процедур является одним из элементов законодательного процесса в ряде западных государств. Например, в Швеции некачественно проведенная процедура оценки регулирующего воздействия, результаты которой отражаются в пояснительной записке к законопроекту, может служить основанием для отклонения законопроекта парламентом и подобного рода случаи имели место в практике его работы. В Польше также предусмотрена функция парламентского контроля в отношении проведенной Правительством оценки регулирующего воздействия – если Парламент сочтет соответствующий отчет неудовлетворительным или же оценка регулирующего воздействия проведена не в полном объеме (отсутствуют результаты общественных консультаций, проведенных на стадии разработки законопроекта) законодательный орган вправе вернуть законопроект в Совет Министров [5].

Как представляется, институционализация в Федеральном законе «О парламентском контроле» соответствующего контрольного полномочия Государственной Думы вместе с внесением необходимых изменений в ее Регламент должна обеспечивать не только проверку качества проведенной на этапе разработки законопроекта оценки регулирующего воздействия органами исполнительной власти, но и при необходимости проведение дополнительной процедуры оценки регулирующего воздействия. Специфика парламентской деятельности предполагает возможность использования в процессе ее проведения отдельных специальных процедур, например, парламентских слушаний, проведения заседаний комитетов Государственной Думы с участием представителей заинтересованных сторон, экспертов в конкретной области, работы совещательных и консультативных органов, созданных в Государственной Думе, организация «круглых столов» и т.д.

Такая форма получения позиций заинтересованных лиц по законопроекту при проведении в отношении него оценки регулирующего воздействия предусмотрена в некоторых законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации [6, п. 2.8].

При создании организационных механизмов участия Государственной Думе в деятельности по оценке регулирующего воздействия необходимо учитывать наработанный в субъектах Российской Федерации содержательный опыт регламентации данных вопросов в отношении законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации. В соответствии со статьей 26^{3-3} Федерального закона от 6.10.1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» проекты нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, затрагивающие вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности, подлежат оценке регулирующего воздействия, проводимой в порядке, установленном нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации [7]. Следует отметить существенные отличия в регламентации этих вопросов в различных регионах.

Так, например, в Тюменской областной Думе к участникам оценки регулирующего воздействия относятся комитеты, структурные подразделения

аппарата и комиссия по оценке регулирующего воздействия, процедура включает в себя предварительную оценку регулирующего воздействия, углубленную оценку регулирующего воздействия (обе из этих оценок проводятся только в отношении проекта нормативного акта), подготовку соответствующего заключения [6].

В Законодательном Собрании Кировской области в рамках проведения оценки регулирующего воздействия предусматривается осуществление оценки целесообразности законодательного регулирования, которая направлена на предварительный анализ целесообразности принятия закона области, и оценка фактического действия законодательного регулирования, которая направлена на анализ оценочных данных о воздействии уже действующего законодательного акта. Образование специального органа для проведения оценки регулирующего воздействия не предусматривается, участниками оценки со стороны законодательного органа являются ответственные комитеты и структурные подразделения аппарата [8].

Иным образом решаются вопросы организации оценки регулирующего воздействия в Законодательном Собрании Челябинской области. Подготовленные к внесению в этот законодательный орган проекты нормативных актов подлежат оценке регулирующего воздействия, которая осуществляется их разработчиками (субъектами права законодательной инициативы) за исключением случаев внесения законопроектов Губернатором Челябинской области, когда оценка регулирующего воздействия проводится уполномоченным органом исполнительной власти области. Экспертиза проведенной оценки регулирующего воздействия, которая оформляется соответствующим заключением, проводится уполномоченным управлением аппарата Законодательного Собрания Челябинской области после внесения проекта нормативного акта в рамках реализации права законодательной инициативы [9].

В Законодательном Собрании Санкт-Петербурга проведение оценки регулирующего воздействия также возлагается в основном на разработчика законопроекта, но проводится уже на этапе законодательного процесса, то есть после внесения законопроекта в законодательный орган. Юридическое управление аппарата решает вопрос о необходимости проведения процедуры, разработчиком законопроекта размещается уведомление о проведении публичных консультаций на официальном сайте Законодательного Собрания и осуществляется подготовка сводного отчета по их результатам, который направляется в бюджетно-финансовый комитет Собрания для контроля проведенного обоснования, включая при необходимости экспертизу с участием внешних экспертов [10].

Во всех случаях для организации публичных консультаций по проекту нормативного акта в рамках осуществления его оценки регулирующего воздействия используется официальный сайт законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации.

Отличие подходов к организации проведения оценки регулирующего воздействия в различных законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации отчасти может быть обусловлено спецификой организационной структуры конкретного

законодательного органа и распределением функциональных обязанностей между его органами и структурными подразделениями его аппарата. Вместе с тем следует констатировать, что в настоящее время назрела необходимость проведения комплексного сравнительного исследования участия законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации в проведении оценки регулирующего воздействия в целях выбора наиболее оптимального варианта организации процедуры с точки зрения качества ее осуществления и учет соответствующего опыта при институционализации соответствующей процедуры в Государственной Думе.

Анализируя вопрос об организации проведения оценки регулирующего воздействия в этой палате Федерального Собрания Российской Федерации, следует, на наш взгляд, учитывать, что доказывание необходимости законодательного регулирования является обязанностью разработчика законопроекта. В этой связи к полномочиям Государственной Думы в части осуществления оценки регулирующего воздействия на законопроектном этапе целесообразно отнести обеспечение необходимых условий для проведения указанной оценки самим субъектом права законодательной инициативы (в первую очередь требуется создание информационно-технологических условий для проведения публичных консультаций, о чем свидетельствует приведенный нами выше опыт участия законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации в проведении оценки регулирующего воздействия), а также контроль качества и процедуры проведенного обоснования специальным органом или структурным подразделением Аппарата.

Помимо официального сайта Государственной Думы в сети «Интернет» к информационно-технологическим ресурсам для осуществления оценки регулирующего воздействия в Государственной Думе могут быть отнесены «Парламентский портал», созданный для обеспечения взаимодействия между депутатами и экспертами, а также для информирования граждан об инициативах и законотворческой деятельности депутатов Государственной Думы, система общественного обсуждения законопроектов «Вече», позволяющая комментировать, оценивать и просматривать результаты обсуждения законопроектов в сети Интернет.

Одним из существенных элементов оценки регулирующего воздействия в Государственной Думе должно являться распространение процедуры ее проведения на этап подготовки законопроекта к рассмотрению во втором чтении, в рамках которой его текст может претерпевать существенные изменения из-за многочисленных поправок. Действующая в настоящее время норма о том, что Правительством Российской Федерации принимается решение о возможности проведения оценки регулирующего воздействия поступившего из Государственной Думы законопроекта (содержащего вопросы в соответствующей предметной сфере), подготовленного ко второму чтению с учетом поправок [11], не обеспечивает должного уровня обязательности проведения оценки регулирующего воздействия в отношении законопроектов, подготовленных к рассмотрению во втором чтении. Наличие пробелов в нормативной регламентации указанных вопросов су-

щественным образом снижает потенциал оценки регулирующего воздействия для повышения эффективности принимаемых законодательных актов, и в частности, обеспечения оптимального баланса интересов субъектов правоотношений в процессе действия законодательного регулирования. Указанные пробелы могут быть восполнены внесением необходимых изменений в Регламент Государственной Думы и (или) принятием специального нормативного акта палаты в форме постановления.

Контроль эффективности действия нормативного правового акта, в отношении которого соответствующая процедура проводилась на стадии правотворческого процесса, также является одним из существенных элементов повышения результативности оценки регулирующего воздействия. Двухуровневая система оценки эффективности законодательного регулирования – на проектной стадии в рамках законотворческого процесса (оценка ex ante) и на стадии действующего законодательства (оценка ex post) – является общераспространенной практикой в ряде стран Организации экономического сотрудничества и развития [12], а также нашла свое нормативное отражение в некоторых субъектах Российской Федерации. Например, в Дании правительство ежегодно отбирает примерно 15 законов, которые через три года после введения их в действие должны пройти соответствующую проверку.

Помимо отмеченной нами выше процедуры оценки регулирующего воздействия (до принятия нормативного акта и после его вступления в силу) в Законодательном Собрании Кировской области следует также выделить положения статьи 4 Закона Московской области «О проведении оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов Московской области и проектов муниципальных нормативных правовых актов, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности, и экспертизы нормативных правовых актов Московской области, муниципальных нормативных правовых актов, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности».

Предусмотренный статьей 4 этого Закона мониторинг фактического воздействия нормативных правовых актов Московской области проводится в отношении нормативных правовых актов Московской области, при подготовке которых проводилась процедура оценки регулирующего воздействия. Указанный мониторинг проводится на основании анализа фактических положительных и отрицательных последствий установленного правового регулирования в сравнении с прогнозными положительными и отрицательными последствиями.

В специальных исследованиях, посвященных оценке регулирующего воздействия, отмечается, что решающим показателем качества этой оценки является соответствие сделанного в рамках ее осуществления на проектной стадии прогноза действительному состоянию дел на этапе действия правового регулирования [13]. Оценка ex post может помочь выявить системные ошибки в методологии анализа регулирующего воздействия и тем самым способствовать улучшению методики анализа в будущем [14].

Участие законодательного органа в оценке эффективности действующего законодательного регулирования может выражаться в двух основных

формах – организация такого исследования собственными силами или же контроль проведенного исследования органами исполнительной власти, осуществляемый например, на этапе рассмотрения концепции внесенного законопроекта.

Заслуживает внимания французский опыт участия нижней палаты парламента этой страны (Национального Собрания Франции) в деятельности по оценке регулирующего воздействия, в которой в 2009 году специально для этих целей был образован Комитет по контролю и оценке публичной политики. Помимо проведения оценочной работы по межотраслевым вопросам по собственной инициативе или по требованию постоянной комиссии Собрания, Комитет может подготовить заключение на доклад по исследованию последствий принимаемого закона, которое сопровождает внесенный законопроект, и обеспечивает роль «сторожевой башни» Собрания в его оценочной и контрольной деятельности (координация подготовок повесток дня и проведение ежемесячной недели публичных заседаний, посвященных в приоритетном порядке вопросам оценки и контроля). Состав Комитета сформирован таким образом, что парламентская оппозиция получает реальную возможность участия в его работе и подготовке оценочного исследования, каждое из которых представляется двумя докладчиками, один из которых от оппозиции [15].

Создание в системе органов Государственной Думы специальной структуры (совета, комитета или комиссии) по вопросам контрольной и оценочной деятельности, в том числе организации проведения специальных исследований по оценке эффективности действующего законодательства и соотнесения результатов фактического воздействия с прогнозным анализом, данным при проведении оценки регулирующего воздействия на этапе законотворческого процесса, позволило бы преодолеть функциональную ограниченность комитетов Государственной Думы вопросами своего ведения при организации соответствующих исследований, решить вопросы координации их деятельности и взаимодействия в процессе осуществления указанной работы со структурными подразделениями Аппарата, научными и иными организациями.

Целесообразно также создание в Государственной Думе или при палатах Федерального Собрания РФ специального ситуационного центра по оценке эффективности законодательства, который на основе использования современных технологий позволил бы максимально оперативно собирать, обобщать и анализировать информацию о реализации действующих законодательных актов.

Необходимо отметить, что в деятельность Государственной Думы, связанной с проведением оценки регулирующего воздействия, должна быть также тесно вовлечена в части вопросов своей компетенции Счетная палата Российской Федерации (в том числе и НИИ системного анализа Счетной палаты РФ) как орган парламентского контроля. Причем такое «вовлечение», по нашему мнению, должно иметь место как на этапе перспективной оценки законопроекта, так и этапе анализа уже действующего законодательства.

Представляется, что с осуществлением Государственной Думой ретроспективной оценки в рамках оценки регулирующего воздействия тесно со-

пряжены такие формы парламентского контроля как заслушивание Государственной Думой ежегодных отчетов Правительства Российской Федерации о результатах его деятельности, в том числе ответов на вопросы, поставленные Государственной Думой, направление палатами Федерального Собрания Российской Федерации парламентских запросов; направление членами Совета Федерации, депутатами Государственной Думы запросов членов Совета Федерации, запросов депутатов Государственной Думы; приглашение членов Правительства Российской Федерации и иных должностных лиц на заседания комитетов и комиссий палат Федерального Собрания Российской Федерации; проведение парламентских слушаний [16].

Вместе с тем представляется целесообразным дополнение предусмотренных указанным Федеральным законом форм парламентского контроля, такими формами как «проведение исследований эффективности реализации законодательства, в том числе с участием научных организаций и (или) образовательных организаций высшего образования, иных организаций» и «мониторинг реализации законодательных актов, в отношении которых проводилась оценка регулирующего воздействия».

Как обоснованно отмечается в специальных исследованиях в области законотворческой деятельности, необходимо создать единую технологическую цепь оценки регулирующего воздействия, начиная от замысла и разработки проекта управленческого решения через внесение в парламент в надлежащей нормативно-правовой форме, заканчивая мониторингом реализации и оценки наступивших последствий. Соответственно Совет Федерации и Государственная Дума должны сформировать свое звено в этой цепи – создать структуры и процедуры поддержки оценки регулирующего воздействия в стенах парламента [17].

Подводя итог вышеизложенному, следует констатировать необходимость встраивания юридической технологии оценки регулирующего воздействия в федеральный законодательный процесс с тем, чтобы все внесенные в Государственную Думу законопроекты, если они содержат вопросы в соответствующей предметной сфере, проходили процедуру оценки, до рассмотрения их палатой в первом чтении, а также при необходимости и на этапе подготовки законопроекта к рассмотрению во втором чтении в связи с внесением поправок.

Заслуживает внимания и предложение о расширение сфер правового регулирования, подлежащих оценке регулирующего воздействия, на социальную сферу, экологию (охрану окружающей среды), охрану здоровья граждан, миграционную политику, правовое регулирование статуса отдельных категорий граждан (социально незащищенные категории, граждане с ограниченными физическими возможностями) и ряд других сфер [18]. В идеале оценка регулирующего воздействия должна осуществляться не только с точки зрения анализа выгод и издержек от проектируемого нормативного регулирования для отдельных категорий населения и юридических лиц, а с учетом его преимуществ и недостатков для всех социальных групп и организаций. Заметим, что в некоторых субъектах Российской Федерации в этом отношении определенные шаги уже сделаны. Например, в соответствии с Законом Удмуртской Республики «Об оценке регулирую-

щего воздействия проектов нормативных правовых актов и экспертизе нормативных правовых актов в Удмуртской Республике» данная процедура применяется в отношении проектов нормативных правовых актов, в том числе, в сфере распределения ограниченных ресурсов (природные, экономические (организационные, трудовые, финансовые, материальные), информационные), реализации государственных (муниципальных) программ, предоставления государственных и муниципальных услуг [19].

В заключение следует сформулировать принципы, на которых должно строиться создание организационно-правовых механизмов участия Государственной Думы в деятельности по оценке регулирующего воздействия:

1) принцип открытости – предполагает обеспечение возможности участвовать в проведении оценки для всех заинтересованных субъектов, а также размещение необходимой информации об ее проведении в открытом доступе;

2) принцип объективности – ориентирует на выявление и учет всех аспектов затронутой проблемы, минимизацию субъективных факторов оценки в процессе ее проведения, установления фактических обстоятельств, использование в процессе осуществления оценки достоверной информации и статистических данных;

3) принцип информированности – заключается в необходимости информирования о возможных последствиях принятия законопроекта, выявленных на основе проведения оценки регулирующего воздействия, не только депутатов Государственной Думы, но и широкой общественности, в связи с чем материалы о результатах оценки должны быть доступны для ознакомления всех заинтересованных лиц;

4) принцип комплексности (всесторонности) – обуславливает необходимость создания условий для участия в процедуре оценки регулирующего воздействия максимального широкого круга субъектов, интересы которых может затронуть проектируемое правовое регулирование в целях достижения в процессе его действия оптимального баланса субъектов правоотношений и органов публичной власти;

5) принцип компетентности – означает привлечение к деятельности по оценке регулирующего воздействия специалистов в соответствующей области в целях надлежащего анализа проблемы, лежащей в основе проектируемого правового регулирования, и выработки наиболее обоснованного проекта законодательного решения;

6) принцип последовательного выполнения процедур – заключается в необходимости при осуществлении оценки регулирующего воздействия соблюдения последовательности выполнения установленных формализованных этапов, в целях обеспечения качественной составляющей оценки;

7) принцип оценки по результатам – ориентирует на необходимость проведения ретроспективной оценки действующего законодательства для соотнесения фактического результата регулирования с прогнозной оценкой на законопроектной стадии.

Представляется, что четкое следование перечисленным принципам при инстуционализации участия Государственной Думы в деятельности по оценке регулирующего воздействия позволит не допустить превращение этой юридической технологии исключительно в набор формальных бюро-

кратических процедур с выхолощенным содержанием, даст возможность обеспечить объективный и всесторонний анализ проектируемого нормативного акта на основе широкого спектра мнений заинтересованных сторон и специалистов-экспертов в соответствующей области, а также провести объективный анализ уже действующего законодательства.

В конечном счете, это будет способствовать повышению качества и эффективности законодательства, укреплению законности, а также росту авторитета Федерального Собрания Российской Федерации.

Библиографический список

1. См.: *Хабриева Т.Я.* Современные юридические технологии в теории и практике правотворчества и правоприменения // Эффективность законодательства и современные юридические технологии: материалы заседания Международной школы-практикума молодых ученых-юристов / отв. редактор Т.Я. Хабриева. – М., 2009. – С. 4.

2. См.: Оценка законов и эффективности их принятия. Материалы Международного семинара, 16 – 17 декабря 2002 года г. Рязань. – М.: Издание Государственной Думы, 2003. – С.129.

3. См., напр.: заключение Министерства экономического развития РФ об оценке регулирующего воздействия на проект федерального закона «О защите населения от последствий потребления табака» // http://economy.gov.ru/minec/about/ struc-ture/depRegulatingInfluen-ce/doc20120620_03?presentationtemplate=dochtmltemplate1&presentationtemplateid= 2dd7bc8044687de796f0f7af753c8a7e&wcm_page.resetall=true&cache=none&contentcache=none&connectorcache=none

4. См.: Правила проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии (Постановление Правительства РФ от 17.12.2012 № 1318 (ред. от 07.10.2017) «О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» //Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 52. – Ст. 7491.

5. См.: Опыт стран Организации экономического сотрудничества и развития по оценке регулирующего действия http://www.goskontrol-rspp.ru/newspublications/analytical-materials/ 20-opyt-stran-organizaciijeko-nomicheskogo-sotrudnichestva-i-razvitija-po-ocenke-regulirujuwego-vozdej- stvija.html

6. См., напр.: Положения о порядке проведения в Тюменской областной Думе оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, утв. постановлением Тюменской областной Думы от 23.04.2015 г. № 2828) // www.consultant.ru

7. См.: статья 26^{3-3} Федерального закона от 6.10.1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // www.consultant.ru

8. См.: Положение о проведении в Законодательном Собрании Кировской области оценки регулирующего воздействия отдельных проектов законов Кировской области, утв. Постановлением Законодательного Собрания Кировской области от 26.12.2013 г. № 32/395 // www.consultant.ru

9. См.: Постановление Законодательного Собрания Челябинской области от 19.12.2013 г. № 1823 «Об утверждении Порядка проведения оценки регулирующего воздействия проектов законов Челябинской области и проектов постановлений Законодательного Собрания Челябинской области, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности» // www. consultant.ru

10. См.: Постановление Законодательного Собрания Санкт-Петербурга от 18.02.2015 г. № 108 «Об утверждении Положения о порядке проведения оценки регулирующего воздействия проектов законов Санкт-Петербурга, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности» // www.consultant.ru

11. См. абзац пятый п. 104 Регламента Правительства Российской Федерации, утв. постановлением Правительства РФ от 1.06.2004 г. № 260 // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 23. – Ст. 2313.

12. См.: Опыт стран Организации экономического сотрудничества и развития по оценке регулирующего действия //http://www.gos-kontrol-rspp.ru/ newspublications/analytical-materi als/20-opyt-stran-organizacii-jeko-nomicheskogo-sotrudnichestva-i-raz vitija-po-ocenke-re-gulirujuwego-vozdejst-vija.html

13. См.: Методические подходы к мета-оцениванию качества заключений об оценке регулирующего воздействия //Проектирование, мониторинг и оценка. 2011. № 1 //http://www. pmojournal.ru/archive/1/2011

14. См.: Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики / Под ред. Н. Н. Черногора. – М., 2010. – С. 144.

15. См.: Организация законодательного процесса в зарубежных странах / Р.Г. Газизова, Н.М. Касаткина, Н.Б. Крысенкова, Ф.А. Лещенков, А.Н. Пилипенко, Н.Ю. Трещетенкова, Т.И. Чурсина. – М.: Издание Государственной Думы, 2014. – С. 94-95.

16. См.: ст. 5 Федерального закона от 7.05.2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 19. – Ст. 2304.

17. См.: Российское законодательство: 20 лет развития в русле новой Конституции Российской Федерации. – М., 2013. – С. 26 //http://www.gosduma.net/ analytics/publication-of-legal-department/ Otchet.pdf

18. См.: Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2012. № 22 (465). С. 33 //http://council.gov.ru/activity/analytics/analytical_ bulletins/25921

19. См.: Закон Удмуртской Республики от 11.12.2014 № 75-РЗ «Об оценке регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и экспертизе нормативных правовых актов в Удмуртской Республике» (принят Государственным Советом Удмуртской Республики 18.11.2014 № 436-V) //www.udmurt.ru.

Bibliographic list

1. See: Khabrieva T.Ya. Modern legal technologies in the theory and practice of lawmaking and law enforcement // Efficiency of legislation and modern legal technologies: proceedings of the meeting of the International School-Practical for Young Lawyers / ed. Editor T.Ya. Khabrieva. M., 2009. P. 4.

2. See: Evaluation of laws and the effectiveness of their adoption. Materials of the International Seminar, December 16-17, 2002, Ryazan. M.: Edition of the State Duma, 2003. P.129.

3. See, for example: the conclusion of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation on the assessment of the regulatory impact on the draft feder-

al law “On the protection of the population from the consequences of tobacco consumption” // http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depRegulatingInfluence / doc 20120620_03? presentationtemplate = dochtmltemplate1 & presen tationtemplateid = 2dd7bc8044687de796f0f7af753c8a7e & wcm_page.resetall = true & cache = none & contentcache = none & connectorcache = none

4. See: Rules for the federal executive bodies to assess the regulatory impact of draft normative legal acts and draft decisions of the Eurasian Economic Commission (Decree of the Government of the Russian Federation of December 17, 2012 No. 1318 (as amended of October 7, 2017) “On the Procedure for Conducting by the Federal Executive Bodies assessing the regulatory impact of draft normative legal acts and draft decisions of the Eurasian Economic Commission, as well as on amendments to some acts of the Government of the Russian Federation ”// Collected other legislation of the Russian Federation. 2012. No. 52. Article 7491.

5. See: The experience of countries of the Organization for Economic Cooperation and Development on the assessment of regulatory action //http://www.goskontrol-rspp.ru/ newspublications/ analytical-materials/ 20-opyt-stran-organizaciijekonomicheskogo-sotrudnichestva -i-razvitija- po-ocenke-regulirujuwego-vozdej- stvija.html

6. See, for example: Provisions on the procedure for assessing the regulatory impact of draft regulatory legal acts in the Tyumen Regional Duma, approved. Resolution of the Tyumen Regional Duma of 04.23.2015, No. 2828) //www.consultant.ru

7. See: article 263-3 of the Federal law of 6.10.1999 No. 184-ФЗ “On the general principles of organization of legislative (representative) and executive bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation” // www.consultant.ru

8. See: Regulation on the Assessment of the regulatory impact of individual draft laws of the Kirov Region in the Legislative Assembly of the Kirov Region, approved. By the Decree of the Legislative Assembly of the Kirov Region dated 12.26.2013 No. 32/395 // www.consultant.ru

9. See: Decree of the Legislative Assembly of the Chelyabinsk region dated December 19, 2013 No. 1823 “On approval of the Procedure for assessing the regulatory impact of draft laws of the Chelyabinsk region and draft resolutions of the Legislative Assembly of the Chelyabinsk region affecting the implementation of entrepreneurial and investment activities” // www. consultant.ru

10. See: Resolution of the Legislative Assembly of St. Petersburg dated February 18, 2015 No. 108 “On approval of the Regulation on the procedure for assessing the regulatory impact of draft laws of St. Petersburg affecting the implementation of entrepreneurial and investment activities” // www.consultant.ru

11. See paragraph five of paragraph 104 of the Regulation of the Government of the Russian Federation, approved. Decree of the Government of the Russian Federation No. 260 dated 1.06.2004 // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2004. No. 23. Art. 2313.

12. See: The experience of countries of the Organization for Economic Cooperation and Development on the assessment of regulatory action // http: // www. gos-kontrol-rspp.ru/newspublications/analytical-materials/20-opyt-stran-organizaciijeko-nomicheskogo-sotrudni chestva-i-razvitija-po-ocenke-re-gulirujuwego-vozdejstvija.html

13. See: Methodological approaches to meta-assessment of the quality of conclusions on the assessment of regulatory impact // Design, monitoring and evaluation. 2011. No. 1 // http: // www. pmojournal.ru/archive/1/2011

14. See: Legal Monitoring: Actual Problems of Theory and Practice / Ed. N. N. Montenegro. M., 2010. P. 144.

15. See: Organization of the legislative process in foreign countries / R.G. Gazizova, N.M. Kasatkina, N.B. Krysenkova, F.A. Leschenkov, A.N. Pilipenko, N.Yu. Treschetenkova, T.I. Chursina. M.: Edition of the State Duma, 2014. P. 94-95.

16. See: Art. 5 of the Federal Law of May 7, 2013 No. 77-FZ "On Parliamentary Control" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2013. No. 19. Art. 2304.

17. See: Russian legislation: 20 years of development in line with the new Constitution of the Russian Federation. M., 2013. P. 26 //http://www.gosduma.net/ analytics/publication-of-legal-department/ Otchet.pdf

18. See: Analytical Bulletin of the Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation. 2012. No. 22 (465). P. 33 //http://council.gov.ru/ activity/analytics/analytical_bulletins /25921

19. See: Law of the Udmurt Republic of December 11, 2014 No. 75-P3 “On Assessing the Regulatory Impact of Draft Normative Legal Acts and the Examination of Normative Legal Acts in the Udmurt Republic” (adopted by the State Council of the Udmurt Republic on November 18, 2014 No. 436- V) //www.udmurt.ru.

УДК 342.734.5
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.15.03.026

Теоретическое обоснование профессиональной подготовки студентов-юристов к антикоррупционной деятельности

И.В. Годунов [*], С.М. Николаев[**]

Аннотация. Вузы при подготовке юристов обеспечивают потребности государственной службы в сфере обеспечения законности и правопорядка. Данная деятельность связана с повышенными коррупционными рисками, что требует особой профессиональной подготовки студентов-юристов к антикоррупционной деятельности. Это предполагает включение в образовательные программы подготовки юристов специальных компетенций, определяющих способность антикоррупционного поведения и пресечения коррупционного поведения в профессиональной деятельности.

Ключевые слова: противодействие коррупции, специальные компетенции, подготовка юристов к антикоррупционной деятельности, коррупционное поведение.

Theoretical justification of professional training of students for anti-corruption activities

Annotation. Universities in the training of lawyers meet the needs of the public service in the field of law and order. This activity is associated with increased corruption risks, which requires special training of law students for anti-corruption activities. This involves the inclusion in the educational programs of training of lawyers of special competencies that determine the ability of anti-corruption behavior and the suppression of corruption behavior in professional activities.

Keywords: anti-corruption, special competence, preparation of lawyers for anti-corruption activities, corruption behavior.

Акцентуация внимания государства на проблеме коррупции, поиск решений противодействия коррупционным проявлениям на уровне совершенствования их профилактики и предупреждения заставляет обратиться к возможностям педагогической науки в данной сфере.

[*] *Годунов Игорь Валентинович,* заместитель директора Института автоматизации проектирования Российской академии наук. E-mail: godunov.biz@gmail.com

Godunov Igor, Deputy Director of the Institute of design automation of the Russian Academy of Sciences.

[**] *Николаев Сергей Михайлович,* доцент кафедры организации режима и оперативно-розыскной деятельности в УИС Псковского филиала Академии ФСИН России. E-mail: nikolaev.pui@mail.ru

Nikolaev Sergey, associate Professor of the Department of organization of the regime and operational-search activity in the UIS Pskov branch of the Academy of FSIN of Russia.

Превентивным направлением решения рассматриваемой проблемы в соответствии с Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» определено формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению. Стратегией развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. гражданское воспитание включает в себя формирование стабильной системы нравственных и смысловых установок личности, позволяющих противостоять коррупции.

Действующим Национальным планом противодействия коррупции на 2018–2020 гг. предусматривается внедрение комплекса профилактических мероприятий, при реализации которых особое внимание уделяется повышению эффективности антикоррупционного поведения государственных служащих, популяризации в обществе антикоррупционных стандартов и развитию общественного правосознания. С целью реализации этой работы государственным органам предлагается включение в федеральные государственные образовательные стандарты компетенций, позволяющих вырабатывать нетерпимое отношение к коррупционному поведению и содействовать пресечению такого поведения в профессиональной деятельности, внедрение программ по антикоррупционному просвещению, активизации соответствующих междисциплинарных исследований.

Роль государственных служащих юридического профиля в противодействии коррупции в России существенна – они призваны не только поддерживать в государстве закон, но и способствовать утверждению начал социальной справедливости. При этом сфера государственной службы по обеспечению законности и правопорядка относится к деятельности со специфическими коррупционными рисками, связанными с повышенным уровнем субъективности принятия сотрудниками юридически значимых решений. Подготовка к выполнению данных функций юристами обусловливает особые требования к их профессиональной подготовке.

Деятельность вуза по подготовке юристов представляет собой многокомпонентный процесс формирования у обучаемых профессионально значимых качеств и соответствующих компетенций, активное преобразование ими своего внутреннего мира, приводящее к самореализации в избранной профессии. При этом становление предполагает и формирование у студентов положительной мотивации на предстоящую работу, эффективное освоение ими функциональных обязанностей в соответствии с полученной специальностью, а также формирование осознанности своей деятельности и ответственности за ее результаты.

Умение противодействовать коррупции является одним из значимых требований к профессиональной подготовке юристов для осуществления ими деятельности в условиях повышенных коррупционных рисков. Для большей универсальности квалификационные требования к юристам в рамках предупредительной подготовки к антикоррупционной деятельности можно классифицировать по следующим уровням:

– базовые требования по обеспечению законности и правопорядка (нравственно-этические нормы, нормы общечеловеческой и профессиональной морали);

– специальные требования к государственным служащим, реализующим деятельность в условиях повышенных коррупционных рисков (позиция нетерпимости к проявлениям коррупции, выполнение комплекса обязанностей, запретов и ограничений по профилактике коррупции).

Обращаясь к непосредственной подготовке юристов, необходимо отметить, что реализуемые в вузах стандарты высшего образования указывают на необходимость формирования качеств, определяемых специальными квалификационными требованиями для последующей реализации антикоррупционной деятельности: способность осуществлять профилактику, предупреждение преступлений и иных правонарушений на основе использования закономерностей преступности, преступного поведения и методов их предупреждения, выявлять и устранять причины и условия, способствующие совершению правонарушений, в том числе коррупционных проявлений (40.05.02 Правоохранительная деятельность, ПК-15); способность выявлять, давать оценку коррупционному поведению и содействовать его пресечению (40.03.01 Юриспруденция, ПК-12); готовность принимать участие в проведении юридической экспертизы проектов нормативных правовых актов, в том числе в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции (40.03.01 Юриспруденция, ПК-14).

Анализ нормативных правовых актов, регламентирующих подготовку юристов и порядок прохождения государственной службы по обеспечению законности и правопорядка, позволил сформулировать в качестве задачи подготовки к антикоррупционной деятельности формирование качеств, определяемых специальными квалификационными требованиями для последующего противодействия коррупции. Это требует включения в образовательные программы подготовки юристов специальных компетенций: способность антикоррупционного поведения; способность пресечения коррупционного поведения в профессиональной деятельности.

Особое значение в интегрировании подготовки к антикоррупционной деятельности имеет формирование в вузе среды нетерпимого отношения к коррупции. Воспитывающий характер среды вуза связан с непротиворечивостью деятельности субъектов для практического понимания полезности противодействия коррупции студентами.

Нельзя не согласиться, что только знание и формальное знакомство с моральными нормами, правилами, императивами не обеспечивает их соблюдение, интериоризацию, переход в разряд убеждений. Для того чтобы знание нормы не расходилось в дальнейшем с реализацией ее в поведении, в процессе обучения необходима организация для студентов опыта профессионально-нравственных отношений и чувств, в котором эта норма будет рационально принята как справедливая, необходимая и полезная [1, с. 35–39].

Эффективность деятельности по исполнению конкретных должностных обязанностей характеризует уровень подготовки студентов. Формируемые в образовательных организациях компетенции акцентируют внимание на результате образования выпускника, в качестве которого рассматривается не сумма усвоенной инфор-мации (знаний, умений, навы-

ков), а способность юриста действовать в различных ситуациях, анализировать самого себя, формировать свою позицию в рамках норм права и морали. При этом сами по себе полученные знания не представляют ценности, если не находят выражения в личностно и общественно значимой деятельности, расходятся с ней.

Информационная революция и формирование нового типа общественного устройства – информационного общества, принципиально изменяют роль информации и знаний в социальном и экономическом развитии [2, с. 15–23]. Государственные органы нуждаются в юристах, умеющих самостоятельно на основе полученных знаний и жизненного опыта решать стандартные и нестандартные задачи, критически оценивать ситуации, правильно и рационально организовывать свою жизнедеятельность и работу. Осознанное получение необходимых для нормальной жизнедеятельности знаний, умений, навыков и компетенций позволяют человеку чувствовать себя более мобильным и уметь оценивать свои действия в рамках закона, норм морали и нравственности.

В проблеме формирования ценностных ориентаций на противодействие коррупции значимую роль играют разносторонние общие знания, формирующие мировоззрение, ценностные ориентиры студента.

Можно выделить следующие особенности знаний в области подготовки юристов к антикоррупционной деятельности: непротиворечивость и единство получаемых знаний в области противодействия коррупции; интегрирование знаний в содержание преподаваемых дисциплин и деятельность вуза; ориентация знаний на возможности и перспективы государственной службы; комплексные знания в области причинности коррупционных отношений, правовых и психологических последствий; знания правового обеспечения организации противодействия коррупции; знания о типичных коррупционных рисках на государственной службе.

Важно отметить, что при организации подготовки к антикоррупционной деятельности четко разделить умения и навыки крайне сложно. Это вызвано тем, что условия их использования постоянно меняются. Так, Г.А. Дзида [3] обоснованно отмечает, что действительность требует от человека многообразия своего проявления, творческого отношения к окружающему миру. Каждое новое умение человека – всегда продукт анализа и синтеза, осмысленного присоединения к известному ранее не известного, а навык – результат повторения одних и тех же действий.

Итогом обобщения, внутреннего анализа и синтеза знаний, умений и навыков подготовки к антикоррупционной деятельности является формирование у студента соответствующих профессиональных компетенций.

Г.К. Селевко [4] рассматривает компетенцию как образовательный результат, выражающийся в готовности выпускника справиться с поставленными задачами, как совокупность знаний, умений и навыков, которые позволяют ставить и достигать цели по преобразованию окружающего мира, как интегральное качество личности, проявляющееся в общей способности и готовности ее деятельности, основанной на знаниях и опыте, которые приобретены в процессе обучения и социализации и ориентированы на самостоятельное и успешное участие в деятельности. Э.Ф. Зеер [5] пони-

мает компетенцию как обобщенный способ действий, обеспечивающих продуктивное выполнение профессиональной деятельности, то есть способность человека реализовывать на практике свою компетентность. Он считает, что реализация компетенции происходит в процессе выполнения разнообразных видов деятельности.

Таким образом, способности студента к деятельности в условиях коррупционных рисков на основе практического опыта, умения и знаний при решении профессиональных задач выражаются в содержании профессиональных компетенций.

1. В рамках компетенции «Способность антикоррупционного поведения» студент должен:

знать: состояние проблемы коррупционных отношений; истоки, понятия и смыслы коррупционных отношений; нормативное правовое регулирование противодействия коррупции; коррупционные риски; содержание ценностей, определяющих отказ субъекта от вступления в коррупционные отношения;

уметь: соблюдать нормы морали, нравственности и права; анализировать коррупционные отношения; контролировать поступающую информацию о коррупции, делать соответствующие выводы; выявлять и предупреждать коррупционные риски; анализировать и корректировать внутренние потребности для предупреждения вступления в коррупционные отношения;

владеть: навыками использовать знания о коррупционных отношениях в различных сферах деятельности; навыками самостоятельной подготовки к антикоррупционной деятельности; навыками анализа и корректирования отношения к событиям и предметам, связанным с коррупционными рисками.

2. В рамках компетенции «Способность пресечения коррупционного поведения в профессиональной деятельности» студент должен:

знать: типичные коррупционные риски в деятельности УИС; направления профилактики противодействия коррупции в УИС; алгоритм действий при возникновении коррупционных рисков;

уметь: выполнять действия по противодействию и профилактике коррупции в профессиональной деятельности; принимать решения при возникновении (угрозе возникновения) коррупционных отношений;

владеть: навыками пресечения коррупционного поведения в профессиональной деятельности; навыками организации предупреждения и противодействия коррупции в учреждении или органе УИС.

Знания, навыки и умения, которые студент приобретает в процессе подготовки к антикоррупционной деятельности, являются основой опыта деятельности.

Проведенное исследование подготовки к антикоррупционной деятельности позволяет выделить следующие положения опыта деятельности по нетерпимому отношению к коррупционному поведению и пресечению такого поведения в профессиональной деятельности модели подготовки к антикоррупционной деятельности: деятельностный подход к подготовке студентов на основе формирования у выпускника соответствующих компетенций; умение и готовность пресекать коррупционное поведение в раз-

личных сферах деятельности; моральная и правовая ответственность за выбор своего поведения в ситуациях, связанных с коррупционными рисками; полезность для студента нетерпимого отношения к коррупционному поведению; актуализация для студента контекста деятельности юриста в условиях коррупционных рисков; согласованность потребностей студентов с возможностью их удовлетворения в практической работе юриста; формирование целостности поведения во всех сферах жизнедеятельности.

Библиографический список

1. *Горбунова О.Н.* Место образования в обществе, экономика которого основана на знаниях // Социально-экономические явления и процессы. – 2008. – № 2. – С. 15–23.

2. *Ерошенков Н.В.* Воспитание профессиональной нравственности курсантов в вузе МВД России // Вестник Белгородского юридического института МВД России. – 2015. – № 1. – С. 35–39.

3. *Дзида Г.А.* О соотношении понятий компетенции, способности личности и понятий знания, умения и навыки // Ямальский вестник. – 2016. – № 2 (7). – С. 50–56.

4. *Селевко Г.* Компетентности и их классификация // Народное образование. – 2004. – № 4. – С. 136–144.

5. *Зеер Э.Ф.* Профессионально-образовательное пространство личности. – Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2002. – 126 с.

Bibliographic list

1. Gorbunova O.N. The place of education in a society whose economy is based on knowledge // Socio-economic phenomena and processes. 2008. No. 2. P. 15–23.

2. Eroshenkov N.V. Education of professional morals of cadets at the university of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 1. P. 35–39.

3. Dzida G.A. On the correlation of concepts of competence, personality ability and concepts of knowledge, skills // Yamal Bulletin. 2016. No. 2 (7). P. 50–56.

4. Selevko G. Competence and their classification // Public Education. 2004. No. 4. P. 136–144.

5. Zeer E.F. Professional and educational space of personality. Yekaterinburg: Publishing House of Ros. state prof. University, 2002. 126 p.

УДК 348.011.3
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.15.03.027

Использование традиционных (обычных) социальных норм в предупреждении преступлений: на примере адыгов

А.В. Петровский*

Аннотация. Криминогенные и антикриминальные качества личности складываются не только под влияние социальных, политических, экономических условий в государстве. Каждый индивидуум принадлежит к определенному народу или этносу, и с момента своего рождения, застает сформированную систему взглядов, обычаев, традиций, религиозных норм. Общества, сохранившие традиционные этно-культурные особенности, обладают сложившимся общественным сознанием, которое может выполнять криминорезистентные функции. На примере, адыгов – народа Северо-Западного Кавказа рассмотрим эти традиционные социальные нормы превентивного характера.

Ключевые слова: традиция, обычай, предупреждение преступлений, криминологические нормы, формальные и неформальный контроль

Using Traditionary (Habitual) Social Norms in Crime Prevention: Illustrated by Adyghe

Annotation. Criminogenic and anti-criminal personality traits are formed not only under the influence of social, political, economic conditions in the state. Each individual belongs to certain peoples, ethnic groups, and from the moment of his birth, he finds a formed system of views, habituals, traditions, religious norms. Societies that have preserved traditional ethno-cultural characteristics have a well-established public consciousness that can perform criminal-resistant functions. Using the example of Adyghe, the people of the North-West Caucasus, we will consider these traditional social norms of a preventive nature.

Keywords: tradition, habitual norm, crime prevention, criminological regulation, formal and informal control

«Прежде чем порицать что-нибудь, надо знать,
кого порицать и за что порицать»

П.А. Сорокин

* *Петровский Антон Владимирович,* доцент кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент. Email: Anton-Petrovski@yandex.ru

Petrovsky Anton Vladimirovich, Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Kuban State University, Candidate of Law, Associate Professor.

Социальные потрясения и войны XX века оказали серьезное воздействие на архетипы коллективного сознания, отразившись на культурогенезе, на социально-приемлемых, полезных человеческих отношениях. На наших глазах изменяются и деградируются представления о нравственном, эстетическом, правовом мышлении, общении и поведении. В этих преобразованиях кроется страшная опасность для любого народа – уничтожение национального духа, когда народ, отказавшись от традиционного поведения и основанного на нем мышления, предпочитает погрузиться в океан бессознательного, стать огромной толпой, развращенным и разложившимся сбродом [5, с. 111].

Только при наличии высокого национального самосознания, которое через призму культурных и нравственных ценностей воспринимает события, явления, а главное – общественно полезные и опасные действия и поступки людей. Складывающая в России институциональная система норм, формирует свою собственную систему моральных принципов, шкалу ценностей и приоритетов, которая не всегда совпадает с фактическим состоянием сознания общества или народа.

Что же думает российское общество по поводу сохранения традиционных ценностей и их использования в правоохранительной и предупредительной деятельности? Начнем с того, что в Российской Федерации существует нормативное закрепление понятия традиционные российские культурно-нравственные ценности. Согласно Указу Президента РФ, это приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семьи, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины [14].

В российском обществе регулярно напоминается о культурно-нравственных ценностях. В Указе Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 закреплено, что одной из целей государственной культурной политики является передача от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения [15]. Ценности семейной жизни являются составной частью целей Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации [16]. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 устанавливает стратегический принцип – приоритет традиционных российских духовно-нравственных ценностей и соблюдение основанных на этих ценностях норм поведения при использовании информационных и коммуникационных технологий [17].

Так какие же криминорезистентные культурно-нравственные ценности существуют в российском обществе? Какие неформальные нормы регулируют добросовестное поведение индивида, сохраняя благоденствие микрогруппы? Ответы на эти вопросы находятся в рамках антропологических и этнографических криминологических исследований институтов неформального контроля поведения народов России.

Этнографические данные позволяют сделать вывод, что, хотя всякое общество прибегает как к мирным, так и насильственным методам урегу-

лирования социальных конфликтов, использование этих способов далеко не одинаково [12, с. 154]. Установить какую-либо значительную связь между отношением к насилию и антропологическими данными не представляется возможным (хотя некоторые народы более воинственны, чем другие, причину этого нужно искать не в их физиологии, а в истории и в системе культурно-нравственных ценностей, которую они себе создали) [18, с. 54].

Основные признаки антикриминальной превенции нашли свое отражение в различие и схожести развития западноевропейской, восточно-христианской и мусульманской культурно-правовых систем. Западноевропейская культурно-правовая система формировалась на основе общественных, городских и корпоративных отношений, где гражданское общество было совокупностью независимых структур, где управление и власть не смогла полностью подчинить отдельно взятого человека господину, где взаимоотношения по вертикали и горизонтали строились на основании договорных отношений [11, с. 11–12].

Восточно-христианская – строилась не на принципах вассалитета, а на основе безграничного деспотизма власти, подчинения подданных, обязательного контроля поведения и государственной регуляцией морали. Поэтому русская культурно-правовая система формировалась законами, порождаемыми высшей властью и узким кругом приближенных к ней людей [14, с. 196–197]. Русский человек не верил, и никогда не будет верить в устроение жизни на легалистских началах, для него внутренние (субъективные) правила выше формального закона [1, с. 515].

Мусульманская правовая культура также не признавала ни за отдельными лицами, ни за социальными группами права на создание своих представительских учреждений, базируя социальные взаимоотношения на божественных предписаниях, которые полностью регламентировали духовную, экономическую, личную, семейную и общественную жизнь мусульман [6, с. 12–13]. Плавильные котлы западно-европейской, восточно-христианской и мусульманской цивилизации создали государства, где их нравственно-культурный код отражен, как в законодательстве, так и в традиционной культуре микрогрупп.

В поиске неформальных практик предупреждения правонарушений и неодобряемого, правильнее указать на самоуничтожающее, приносящее страдания и несчастья поведение, надо начинать с народов, сохранивших этническую и культурную самобытность. Используя криминолого-антропологический подход, мы можем изучить конкретные факты, отношения, моральные проявления народа Северо-Западного Кавказа зафиксированные в общепринятых заповедях, кодексах, этических понятиях и категориях [3, с. 12–14].

На территории Северо-Западного Кавказа проживают народы различных этнических групп. Наиболее крупная, исключая славян – адыгская (Адыгэ), к которой относятся кабардинцы, черкесы, адыги. Надо иметь в виду, что адыгская народность создавалась в XI–XIX вв. путем слияния следующих адыгских племен: натухаевцев, шапсугов (ближних – проживающих между реками Фипс и Адагум, северо-западные предгорья Кавказа), бжедугов, хатукаев, жанеевцев, кемгуй, егорукой, мамхетовцев, махош,

чебсинов, абадзехов (верхних и нижних) и бесленей. Язык у них настолько близок, что разделяется только по диалектам и относится к западной ветви адыгейского языка. Границы их прежнего проживания ограничены на западе и севере рекой Кубань, на востоке рекой – Лаба.

Кабардинская и черкесская народности создавались на базе племен Большая и Малая Кабарда, а также «пятигорских» черкесов и «белых» кабардинцев – поймы рек Большой и Малый Зеленчук. Традиционно между «западными» и «восточными» черкесами проживали абазинские племена («кумские» и «кубанские» абазины). Последние по своему этносу входят в абазино-абхазскую группу. В настоящее время абазины компактно проживают в Карачаево-Черкессии и Ставропольском крае.

На черноморском побережье южнее шапсугов расселялись убыхские племена – вардане, саше и собственно убыхи (убыхская группа) от реки Псезуапсе до реки Мзымта, а далее джигеты до реки Бзыбь, относящиеся к абазино-абхазам. Все они ассимилированы черкесами и абхазами или выехали в Турцию после Кавказской войны.

Вышеуказанные народы имели различную социальную форму управления – ряд племен были общинными демократиями, некоторые – феодальными обществами. Но объединительным моментом была этико-философская доктрина – *Адыгагъе* (адыгство – совокупность принципов и норм адыгейской этики), которая нашла свое отражение в морально-правовом кодексе поведения – *Адыге хабзе*. Это свод обычного права содержащего исторически сложившиеся правила, основой которых выступают социальные нормы поведения, ценности, обряды, традиции, подразделяемые на три группы: а) коммуникативно-бытовые (этикетные); б) обрядово-церемониальные; в) морально-деликтные. Трагедия Кавказской войны, последующая через 53 года Гражданская война, потом советский период не смогли до конца уничтожить духовно-нравственные, национальные неформальные правила, регулирующие поступки и поведение адыгов. Потеряв потестарно-юридический статус эти нормы не утратили своего значения, они стали символом этнической спецификации, ядром соционормативной культуры адыгов.

Проведенный опрос в 2018 г. 227 жителей (115 мужчин, 112 женщин) в республике Адыгея в поселке городского типа Яблоновский (второй по уровню урбанизации населенный пункт республики Адыгея) показал следующее:

– глубоко верующими определили себя 11% мужчин (64% исповедуют ислам, 36% христиане) и 17% женщин (54% исповедуют ислам, 46% христиане);

– 62% опрошенных отметили, что в их семьях существуют этнические, религиозные традиции (обычаи), которые соблюдают все члены семьи;

– 41% опрошенных считают общественное мнение соседей и негативную оценку родственниками противоправного поведения сдерживающим фактором криминального поведения;

– у 49% (73% исповедующих ислам, 19% христиан) сдерживающим фактором совершения преступлений, является страх нарушения религиозных положений и традиционных (обычных) норм.

Определяя *Адыге хабзе* основным признаком адыгского самосознания, необходимо отметить, что это свод обычно-правовых норм, правил поведения, нравственных положений, определяющих необходимые позитивные качества личности в адыгском обществе [9, с. 19]. Складывающиеся на протяжении многих веков нормы отражают криминорезистентные, моральные принципы народа, сохраняя дух и общую направленность этики этого народа:

1) человечность (*цIыхугъе*) – это видовая солидарность, сострадание к людям, готовность оказать им помощь, уважение к старшим, деликатность [13, с. 21–28]. Этот принцип можно выразить следующей фразой: тот, кто обладает человечностью, тот обладает адыгством, и, кто обладает адыгством, обладает человечностью [2, с. 17];

2) почтительность (*нэмыс*), данный принцип ассоциируется с воспитанностью, скромностью, хорошими манерами [4];

3) разум (*акъыл*) предполагает наличие трезвого разума – нравственно ориентированного ума. Для криминологии представляет интерес содержание этой нормы, потому что регулирует и формирует так называемое «искусство находиться среди людей» (*цIыху хэтыкIэ),* представляющее собой нормы правила поддержания разумных контактов между людьми, общения, решения социальных вопросов;

4) мужество (*лIыгъэ)* – это не только воинское мужество и храбрость, но и выдержка и упорство в достижении цели, справедливость, толерантность, способность терпеливо и достойно приноравливаться к превратностям судьбы.

5) честь (*напэ*) – дословно переводится как лицо, обозначающее наличие совести, стыда, отвращение к безнравственным поступкам, нравственно полноценное поведение [7, с. 14–16].

В превентивных практиках и неформальных нормах поведения адыгского этноса категория человечность (*цIыхугъе*) тесно связана с архетипом человека способного простить, принять чужую боль, помочь в случае несчастья (беды). Оно ассоциируется с такими понятиями, как «выручка», «понимание», «помощь». Соблюдение такого социального принципа позволяет окружающим людям чувствовать свою принадлежность к общности, осознавать уверенность, защищенность, понимать, что в случае наступления какого-либо деликта придет помощь от людей, принадлежащих к его этносу.

Реализация форм профилактического воздействия, таких как социальная адаптация, ресоциализация, социальная реабилитация, помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженных риску стать таковыми должна осуществлять на базе принципа человечность (*цIыхугъе*). Понятно, что речь может идти об использовании таких практик только в местах компактного проживания представителей адыгского этноса. Однако, пример жителей аула Бесленей, спасших детей, эвакуированных из блокадного Ленинграда в 1942 году, показывает, что объектом воздействия могут быть не только одни адыги.

В августе 1942 года жители черкесского аула Бесленей (на границе Карачаево-Черкесии и Краснодарского края) приютили у себя группу детей одного из детдомов блокадного Ленинграда. Эта группа была вывезена из

Ленинграда в апреле 1942-го, затем дети с сопровождающими доехали по железной дороге до города Армавир (Краснодарский край), но вынуждены были покинуть его из-за приближения немецких войск. Местные власти г. Армавира дали детям подводу и запас еды на один день и рекомендовали отправиться в сторону кавказских гор, где они должны были перебраться в Грузию.

Жители аула Бесленей, увидев на дороге группу детей, находившихся в крайнем истощении, приютили их у себя. Всех детей вписали в похозяйственную книгу аула под черкесскими фамилиями. По приходу немецких оккупантов, те, кто приютил детей, выдавали их за своих сыновей и дочерей. В целях конспирации ленинградским детям запретили вместе играть и общаться друг с другом. Оккупация аула продолжалась пять месяцев. Немцам стало известно, что жители укрыли детей из Ленинграда, но обнаружить удалось только одного из них, которого немцы расстреляли. После войны многие дети были найдены своими родными и уехали из Бесленея, но четверо прожили в ауле до старости.

Категория поведения почтительность (*нэмыс*), восходит к греческому nomos «закон» и побуждает к действиям, исключающим оскорбление, унижение другого человека, либо способность задеть честь и достоинство [2, с. 42-43]. Криминологическое содержание данного принципа заключается в гармоничном поведении в семье, на работе, общественных местах. Такое поведение предполагает порядок и слаженность взаимоотношений между людьми одной социальной или этнической группы. Результатом таких воззрений стало убеждение, что «адыга невозможно устрашить, но можно устыдить» – «*Адыгер умыгъэшынэзэ, бгъэукIытэщт*».

Основной неформальной криминологической нормой кодекса *Адыге Хабзе*, является честь (*напэ*) – она тесно связанна с представлениями о совести, репутации, личном и групповом достоинстве. Для представителей этнических групп Северного Кавказа, совершающих неприглядные и дурные поступки, судьба складывается незавидно. Когда такое поведение становится известно сообществу, то честь и репутация нарушителя, и (или) его родственников серьезно страдает.

Наиболее часто используемой формой потестарно-профилактического воздействия за нарушение принципа *напэ* являются бойкот, а также общественное осрамление. В первом случае к нарушителю нормы применяется общественное игнорирование – никто не должен с ним общаться, приглашать и пускать в дом. За грубое нарушение общественного порядка отказывают в помощи и даже могут не являться на похороны такого человека. Во втором случае, виновного, особенно за кражу, водили по населенному пункту, громко выкрикивая его имя и сообщая подробно о содеянном [8, с. 37–41]. Последняя форма неформального воздействия широко использовались до 20-х годов XX века.

Таким образом, поиск норм и практик предупреждения правонарушений надо начинать с народов сохранивших этическую и культурную самобытность. К ним можно отнести традиционные (обычные) обязанности представителя народов Северного Кавказа, Крыма, Поволжья пресекать противоправное поведение, осознавать противоправность и осуждать это

в своем сознании. Для формирования действенной системы предупреждения правонарушений и преступлений необходимо учитывать интересы управляющих и управляемых, создавать нормативную криминологическую систему таким образом, чтобы она учитывала издревле существующие обычаи, как этно-культурные, так и религиозные, сохраняя неформальные институты воспитания, культуры и предупреждения правонарушений. Необходимо помнить о дуалистической системе традиционных (обычных) норм превенции деликтного поведения народов Северного Кавказа и Юга России, которые формировались на основе адатов (традиций, обычаев) и ислама. В таком случае, основанная на этно-культурных традициях и Божественной воле превенция правонарушений и преступлений, разумно контролируемая государственными органами, принесет существенные результаты в противодействии преступности.

Библиографический список

1. *Азаркин Н.М.* История юридической мысли России // Курс лекций. – М.: Юридическая литература, 1999. – 528 с.

2. *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика. – Нальчик: ЭЛЬ-Фа, 1999. – 36 с.

3. *Бгажноков Б.Х., Битоков А.М., Хамдохов Д.З.* Нравственная экология и культурная политика. – Нальчик: КБ институт гуманитарных исследований, 2007. – 367 с.

4. *Бгуашева З.К.* Феномен адыгской культуры: этнологический и культурологический аспекты // Концепт: Научно-методический электронный журнал. – 2014. – Спецвыпуск № 11 // Научная электронная библиотека «Киберленинка» // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-adygskoy-kultury-etnologicheskiy-i-kulturologicheskiy-aspekty.

5. *Болотоков В.Х.* Заметки о национальном духе // Доклады Адыгской (Черкесской) Международной академии наук. – Т. 1. – № 2. – Нальчик: Адыгская международная академия наук, 1995. – 254 с.

6. *Вайсс Б. Дж.* Дух мусульманского права / Пер. с англ. – М.-СПб.: Диля, 2008. – 310 с.

7. *Гучепшокова С.А.* Архетипический концепт «Лицо/честь/совесть»: когнитивный и лингвокультурный аспекты: на материале русского, адыгского, английского и французского языков. Автореф. дисс. … канд. филолог. наук. – Майкоп, 2011. – 30 с.

8. *Люлье Л.Я.* Черкесия. Историко-этнографические этюды. – Майкоп: Северо-Кавказский филиал традиционной культуры М.Ц.Т.К. «Возрождение», 1990. – 32 с.

9. *Мафедзев С.Х.* К проблеме о национальном самосознании (на примере адыгов) // В кн.: Черкесия в XIX веке. Материалы I Кошехабльского форума «История – достояние народа). – Майкоп: НИИ Экономики, языка, литературы и истории, 1991. – 186 с.

10. *Оболонский А.В.* Кризис бюрократического государства: Реформы государственной службы: международный опыт и российские реалии. – М.: Фонд либеральная миссия, 2011. – 448 с.

11. *Сигалов М.К.* Общее и особенное в западноевропейской и мусульманской правовой культуре: Автореф. дисс. … к.ю.н. – М., 2006. – 24 с.

12. *Рулан Н.* Юридическая антропология. Учебник для вузов: перевод с французского. – М.: Норма, 2000. – 310 с.

13. *Ханаху Р.А., Цветков О.М.* Культурно-этнический феномен адыгагъэ (К постановке проблемы) // Философия и социология в Республике Адыгея. – Вып. 1. – Майкоп, 1995. – С. 21-28.

14. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» **//** Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 1. Ч. II. Ст. 212 //www.consultant.ru

15. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 52. Ч. I. – Ст. 7753 // www.consultant.ru

16. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Государственная семейная политика в Российской Федерации. Сборник материалов. – М.: Издание Государственной Думы, 2014. – С. 8–25.

17. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/ View/00012017051 00002

18. *Roberts S.* Order and Dispute. An Introduction to Legal Anthropology. N.Y. 1979. 200 p.

Bibliographic list

1. Azarkin N.M. History of the legal thought of Russia // Course of lectures. M.: Legal literature, 1999. 528 p.

2. Bgazhnokov B.Kh. Adyghe ethics. Nalchik: EL-Fa, 1999. 36 p.

3. Bgazhnokov B.Kh., Bitokov A.M., Khamdokhov D.Z. Moral ecology and cultural policy. Nalchik: Design Institute for Humanitarian Research, 2007. 367 p.

4. Bguasheva Z.K. The phenomenon of Adyghe culture: ethnological and cultural aspects // Concept: Scientific and methodological electronic journal. 2014. Special issue No. 11 // Scientific Electronic Library "Cyberleninka" // URL: https:// cyberlenin ka.ru/article/n/fenomen-adygskoy-kultury-etnologicheskiy-i-kulturologicheskiy-aspekty.

5. Bolotokov V.Kh. Notes on the national spirit // Reports of the Adyghe (Circassian) International Academy of Sciences. T. 1. No. 2. Nalchik: Adyghe International Academy of Sciences, 1995. 254 p.

6. Weiss B. J. The Spirit of Muslim Law / Transl. from English. M.-SPb.: Dilya, 2008. 310 p.

7. Guchepshokova S.A. The archetypal concept “Li-tso / honor / conscience”: cognitive and linguocultural aspects: based on the material of Russian, Adyghe, English and French. Abstract. diss. ... cand. philologist. sciences. Maykop, 2011. 30 p.

8. Liulier L.Ya. Circassia. Historical and ethnographic studies. Maykop: North-Caucasian branch of traditional culture M.TS.T.K. "Renaissance", 1990. 32 p.

9. Mafedzev S.Kh. To the problem of national self-consciousness (on the example of the Circassians) // In pr.: Circassia in the XIX century. Materials of the 1st Koshe-Khabl forum "History is the property of the people). Maykop: Research Institute of Economics, Language, Literature and History, 1991. 186 p.

10. Obolonsky A.V. The crisis of the bureaucratic state: Civil service reforms: international experience and Russian realities. M.: Li-beral Mission Foundation, 2011. 448 p.

11. Sigalov M.K. General and special in Western European and Muslim legal culture: Abstract. diss. ... Ph.D. M., 2006. 24 p.

12. Rulan N. Legal anthropology. Textbook for high schools: translation from French. M.: Norma, 2000. 310 p.

13. Hanahu R.A., Tsvetkov O.M. Cultural-Ethnic Phenomenon of Adygagye (On the statement of the problem) // Philosophy and Sociology in the Republic of Adygea. Vol. 1. Maykop, 1995. P. 21-28.

14. Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 683 “On the National Security Strategy of the Russian Federation” // Collection of legislation of the Russian Federation. 2016. No. 1. Part II. Art. 212 //www.consultant.ru.

15. Decree of the President of the Russian Federation dated December 24, 2014 No. 808 “On approval of the Fundamentals of the state cultural policy” // Compilation of the legislation of the Russian Federation. 2014. No. 52. Part I. Art. 7753 // www.consultant.ru

16. Order of the Government of the Russian Federation of 08.25.2014 No. 1618-r “On approval of the Concept of state family policy in the Russian Federation for the period until 2025” // State family policy in the Russian Federation. Collection of materials. M.: Publication of the State Duma, 2014. P. 8–25.

17. Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 No. 203 “On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030” // URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002.

18. Roberts S. Order and Dispute. An Introduction to Legal Anthropology. N.Y. 1979. 200 p.

УДК 340.1
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.15.03.028

К вопросу о понятии механизма правового регулирования

Ю.П. Степнова*

Аннотация. Механизм правового регулирования является активно обсуждаемой темой среди представителей научной общественности. Однако по сей день ученые не пришли к согласованному единому определению механизма правового регулирования как самостоятельной, базовой научно-правовой категории права. С целью теоретико-правового анализа понятия механизма правового регулирования, в статье были рассмотрены существующие в настоящее время подходы к определению понятия «механизм правового регулирования»: коммуникативный, кибернетический, психологический, социальный.

Особое внимание было уделено комплексному исследованию механизма правового регулирования. Наличие большого разброса в подходах к пониманию механизма правового регулирования обусловило необходимость отдельного рассмотрения некоторых спорных вопросов. Прежде всего, дискуссия относительно понимания механизма правового регулирования как статической или динамической категории является результатом неоднозначного понимания слова «механизм». Был проведен сравнительный анализ таки категорий, как «правовое регулирование» и «правовое воздействие».

Отдельное внимание было уделено исследованию правовых средств, как содержательных элементов механизма правового регулирования. По результатам проведенного исследования были обозначены признаки механизма правового регулирования как научно-правовой категории и предпринята попытка сформулировать его определение.

Ключевые слова: механизм правового регулирования; правовой механизм; правовое регулирование; правовое воздействие; механизм правового воздействия; правовые средства.

On the concept of the mechanism of legal regulation

Annotation. The Mechanism of legal regulation is an actively discussed topic among members of the scientific community. However, to this day, scientists have not come to an agreed common definition of the mechanism of legal regulation as an independent, basic scientific and legal category of law. For the purpose of theoretical and legal analysis of the concept of the mechanism of le-

* *Степнова Юлия Павловна,* аспирант Самарского государственного экономического университета. Email: julia.stepnova@gmail.com

Stepnova Yulia Pavlovna, post-graduate student of Samara state University of Economics.

gal regulation, the article considers the existing approaches to the definition of the concept of "mechanism of legal regulation": communicative, cybernetic, psychological, social. Special attention was paid to a comprehensive study of the mechanism of legal regulation. The wide range of approaches to understanding the mechanism of legal regulation has necessitated separate consideration of some controversial issues. First of all, the discussion on the understanding of the mechanism of legal regulation as a static or dynamic category is the result of an ambiguous understanding of the word "mechanism". A comparative analysis of such categories as "legal regulation" and "legal impact» was carried out. Special attention was paid to the study of legal means as substantive elements of the mechanism of legal regulation. According to the results of the study, the signs of the mechanism of legal regulation as a scientific and legal category were identified and an attempt was made to formulate its definition.

Keywords: mechanism of legal regulation; legal framework; legal regulation; legal effect; the mechanism of legal action; legal means.

Главным назначением права является регулирование общественных отношений и его реализация, которая в свою очередь возможна только лишь при наличии определенных инструментов. Один из таких инструментов, посредством которого право внедряется в практику – это как раз и есть механизм правового регулирования, демонстрирующий, как динамику права, так и правовую систему в целом. Следует согласиться с тем, что механизм правового регулирования является базовой научно-теоретической категорией для дальнейшего изучения механизмов правового регулирования различных отраслей и институтов права [1, с. 163].

Все чаще категорию «механизм правового регулирования» можно встретить в тексте нормативных правовых актов [2; 3].

В настоящее время механизму правового регулирования посвящается немало как общетеоретических исследований [4; 5; 6; 7; 8; 9], так и применительно к конкретным видам правоотношений [10; 11; 12; 13; 14; 15], анализ которых не позволяет сделать вывод о законченности разработки данного понятия, так как ученые не пришли к согласованному единому его определению.

Все изложенное обосновывает актуальность и важность исследования механизма правового регулирования как самостоятельной, базовой научно-правовой категории.

Категория «механизм правового регулирования» была введена в научный оборот Н.Г. Александровым в 1948 году [16, с. 165] и получила дальнейшее развитие в трудах С.С. Алексеева [17], В.М. Горшенева [18], В.П. Казимирчука [19, с. 37-44], В.А. Шабалина [20, с. 124-125], Л.С. Явича [21, с. 26-32] и др.

В настоящее время можно встретить в науке самые различные подходы к пониманию механизма правового регулирования, исходя из типа правопонимания, в рамках которого осуществляется исследование (формально-юридический, инструментальный, социальный, психологический, ки-

бернетический, аксиологический, этический, коммуникативный, информационный и др. [5, с. 52; 22]).

Так, с точки зрения коммуникативного подхода, механизм правового регулирования определяется как механизм правовой коммуникации в узком и широком смысле слова. В узком значении, механизм правового регулирования представляет собой механизм действия системы права в узком смысле слова. В качестве структурных элементов механизма правового регулирования выступают – общие и индивидуальные нормы права, юридические факты и правоотношения. В широком смысле слова, механизм правового регулирования определяется как механизм действия правовой системы, элементами которого являются – первичные и вторичные правовые тексты, конгнитивно-правовые нормы, общие и конкретные правоотношения [23, с. 278-279].

Кибернетический аспект рассматривает механизм правового регулирования с точки зрения воздействия различных управленческих факторов, обеспечивающих функционирование государственных и иных структур, деятельность которых направлена на реализацию права [23].

В психологическом аспекте механизм правового регулирования понимается как правовое регулирование формирования и действия мотивов поведения субъектов общественных отношений [24, с. 272].

С точки зрения социального механизма действия права, правовое воздействие осуществляется: посредством доведения до всеобщего сведения правовых норм и предписаний; постановка в правовых актах социально полезной цели поведения субъекта; формирование в праве социально полезных образцов поведения; социально-правовой контроль [19, с. 37-44].

Комплексное исследование механизма правового регулирования было проведено С.С. Алексеевым. Исходя из того, что для определения механизма правового регулирования можно использовать самые различные подходы, С.С. Алексеев применил три подхода, имеющие, по его мнению, конструктивное значения – это инструментальный (специально-юридический), психологический и социальный, которые «соответствуют профилю правоведения как теоретико-прикладной области специальных общественных отношений» [24, с. 269, 278]. Рассматривая механизм правового регулирования с точки зрения указанных подходов, С.С. Алексеев предлагает под ним понимать в единстве всю систему правовых средств, при помощи которых обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения [24, с. 278].

А.В. Малько, определяя механизм правового регулирования также как систему правовых средств, которые, однако, направлены не только на обеспечение результативного правового воздействия, а также на «преодоление препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов субъектов права» [25, с. 55].

Последующие определения механизма правового регулирования с точки зрения комплексного подхода дополняют, сформулированные определения дополнительными признаками.

К примеру, М.Ю. Осипов, понимает механизм правового регулирования как разновидность правового механизма, представляющий собой «сис-

тему юридических средств, направленную на упорядочение общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования, путем придания им юридической формы посредством метода правового регулирования» [26, с. 98].

М.М. Рассолов понятие механизма правового регулирования дополняет качественными характеристиками регулируемых общественных отношений [27, с. 280-281].

Н.В. Васильева механизм правового регулирования предлагает рассматривать в узком и широком смысле слова. В первом значении, механизм правового регулирования представляет собой систему специальных правовых средств, посредством которых право оказывает воздействие на общественные отношения. Во втором значении, механизм правового регулирования – это совокупность всех правовых явлений и средств воздействия на общественные отношения, урегулированные правом [28].

Рассмотренные выше определения механизма правового регулирования как системы правовых средств, явлений образует так называемый статический подход, помимо которого, в науке существуют и динамический подход, изучающий механизм правового регулирования в динамике, движении, развитии, т.е. как процесс.

В рамках динамического подхода механизм правового регулирования рассматривается как деятельность компетентных органов, отражающая отдельные звенья механизма и связанная с средствами правового воздействия [17, с. 29].

К примеру, В.М. Горшенев механизм правового регулирования определяет как правотворческую и правоприменительную деятельность соответствующих субъектов [29, с. 3].

По мнению А.А. Абрамовой, механизм правового регулирования представляет собой «нормативно-организованный, последовательно осуществляемый комплексный процесс, направленный на результативное воплощение правовых норм в жизнь, при помощи адекватных правовых средств» [30, с. 6].

Э.Р. Чернова механизм правового регулирования определяет как единую систему различных видов праворегулирующей деятельности, которая также направлена на регламентацию общественных отношений и обеспечение реализации правовых норм [31, с. 16].

Как систему стадий правовой регламентации и упорядочения общественных отношений понимает механизм правового регулирования Ю.С. Жариков [32, с. 65].

Наличие столь большого разброса в подходах к пониманию механизма правового регулирования обусловлено следующими спорными вопросами.

Во-первых, дискуссия относительно понимания механизма правового регулирования как статической или динамической категории является результатом неоднозначного понимания слова «механизм». Термин «механизм» может обозначать как внутреннюю структуру чего-либо, так и процесс [33, с. 116]. По мнению Г.М. Лановой и И.Н. Правкиной несмотря на то что, в первом случае элементы связи системы статичны, а во втором – динамичны, в обоих случаях слово «механизм» обозначает внутреннее устройст-

во системы, посредством «сцепления» функционально взаимозависимых элементов [34, с. 15].

Действительно, еще С.С Алексеев, рассматривая термин «механизм» как правовое явление, считал, что механизм представляет собой, во-первых, процесс обеспечения правового воздействия на общественные отношения и во-вторых, это сложная структура, объединяющая различные элементы, т.е. систему правовых средств [17, с. 29].

Однако, есть ученые, которые механизм определяют только как процесс. К примеру, И.О. Коновалова механизм определяет как «совокупность последовательно сменяющих друг друга стадий» [35, с. 12].

Другая группа ученых, к решению данного вопроса предлагает подходить посредством разграничения таких категорий, как «механизм правового регулирования» и «правовой механизм» [36, с. 15; 38]. Первый представляет собой процесс правового воздействия на общественные отношения, а второй – систему элементов, посредством которых осуществляется такое воздействие [37] или как комплекс юридических средств, необходимый для достижения цели [36, с. 15]. Иными словами, правовой механизм выражает право в статике, а механизм правового регулирования – в динамике и включает в себя различные правовые средства и стадии [37].

Кроме того, среди сторонников разграничения «механизма правового регулирования» и «правового механизма» отсутствует единство мнений по вопросу какая из указанных категорий уже, а какая шире [38; 40].

А.В. Мильков, отстаивает статическое значение механизма правового регулирования, т.к. ценность любого механизма видит в его функционировании [7]. При этом, действительно, механизм не следует отождествлять с процессом, т.к. «если приходится вести речь о некоем процессе претворения правовых норм в жизнь, уместно будет говорить о действии механизма, а не о самом механизме» [7]. Категория же «механизм правового регулирования» включает такие слова, как «механизм» и «регулирование». Поэтому, для решения данного вопроса, целесообразно обратиться к словарному значению слов «механизм» и «регулировать».

Слово «механизм» имеет два значения: 1) внутреннее устройство машины, прибора, аппарата, приводящее их в действие; 2) система, устройство, определяющее порядок какого-нибудь вида деятельности [40, с. 244]. Иными словами, механизм это статическая категория, структурные составляющие элементы которой имеют своей целью или назначением что-либо приводить в действие, т.е. в реальности не существует ни одного механизма, не связанного с движением [7].

«Регулировать» в словарном значении означает: 1) упорядочивать, налаживать; 2) направлять развитие, движение чего-нибудь с целью привести в порядок, в систему; 3) приводить механизмы и части их в такое состояние, при котором они могут правильно, нормально работать [40, с. 475]. Регулировать, в отличие от механизма – это динамическая категория, приводящая в движение механизм.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что механизм правового регулирования – это комплексное правовое явление, которое с одной стороны представляет собой совокупность правовых средств (статическая

категория), а с другой – воздействие этих правовых средств на общественные отношения с целью их упорядочивания (динамическая категория).

Однако, отсюда возникает второй спорный вопрос: правильно ли в понятии механизма правового регулирования, правовое регулирование определять через правовое воздействие? К примеру, Т.Н. Радько считает правильным более узко сформулировать определение механизма правового регулирования как системы правовых средств, осуществляющих взаимосвязанное регулирование общественных отношений [41, с. 578].

Здесь встает вопрос о соотношении категорий «механизм правового регулирования» и «механизм правового воздействия», в основе которого разграничение категорий «правового регулирования» и «правового воздействия».

По мнению Т.Н. Радько, правовое регулирование представляет собой регламентацию общественных отношений с помощью общеобязательных правил, обеспечиваемых в случае необходимости государственным принуждением [41, с. 557-558].

М.И. Абдуллаев и С.А. Комаров полагают, что такие категории как «воздействие» и «регулирование» несмотря на то, что совпадают, однако имеют различное смысловое значение. В связи с тем, что категория «воздействие» шире «регулирования», поэтому правовое регулирование является одной из форм воздействия, к которой не нужно сводить правовые средства и формы влияния права на общественные отношения [42, с. 497-499]. Такого же мнения придерживаются и другие ученые [43, с. 104-109].

В доктрине существует позиция, согласно которой, наоборот, регулирование шире воздействия [44, с. 18; 46].

Однако, исходя из словарного значения слова «воздействие» (действие, направленное на кого-либо или что-нибудь с целью добиться чего-нибудь [40, с. 64]) следует согласиться с тем, что воздействие может быть действием, направленным на регулирование, упорядочивание общественных отношений, т.е. воздействие является родовым понятием по отношению к понятию «регулирование» [7]. Поэтому вполне логично механизм правового регулирования определять посредством применения термина «воздействие».

В-третьих, дискуссионным является вопрос о правовых (юридических) средствах, как структурном элементе механизма правового регулирования. Отсутствует единство мнений относительно понятия, признаков, роли и степени влияния правовых средств на механизм правового регулирования.

Так, С.С. Алексеев под юридическими средствами предлагает понимать «институциональные установления и формы, использование которых приводит в действие силу (энергию) права и благодаря этому может способствовать наступлению реального, фактического результата, дает нужный эффект в социальной жизни» [46].

В.А. Сапун правовые средства определяет как «первичный, субстанциональный элемент правовой действительности» [47, с. 10].

Как можно заметить, правовые средства определяются в широком и узком смысле. В узком значении, правовые средства представляют собой правовые инструменты [48, с. 53], комплекс, система правовых средств. В широком значении – любые правовые явления, направленные на обеспе-

чение достижения правовых целей [49, с. 11, 17], а также правовые инструменты и деяния [49, с. 17].

Неоднозначно решается вопрос о том, какие виды правовых средств являются элементами механизма правового регулирования. Зачастую к таковым относят: правовые нормы, правоотношения и акты реализации прав и обязанностей [17, с. 33]; правосубъектность, юридические факты, норму права, нормативный правовой акт [9, с. 136-141]; средства-деяния (регламентация процесса правотворчества, установления индивидуальных предписаний, общественных отношений, реализации прав и обязанностей субъектов правоотношений, правоприменения) [34, с. 16].

Следует согласиться с учеными, которые, в качестве юридических средств называют нормы и принципы права, правоприменительные акты, договоры, юридические факты, субъективные права, юридические обязанности, запреты, льготы, меры поощрения и наказания, акты реализации прав и обязанностей и т.д. [51, с. 207], т.е. все те юридические средства, которые создают возможность усиления позитивных регулятивных и устранения негативных факторов, препятствующие упорядочению социальных отношений [50].

Проведенный анализ понятия механизма правового регулирования, позволяет обозначить следующие признаки данной научно-правовой категории:

1) система правовых средств, как средства достижения правовой цели;

2) цель – упорядочение общественных отношений;

3) результативность – формирование необходимых общественных отношений посредством использования необходимых правовых средств.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что механизм правового регулирования, как комплексное правовое явление, представляет собой совокупность правовых средств с помощью которых оказывается результативное воздействие на общественные отношения с целью их упорядочивания.

Библиографический список

1. *Арзамасов Ю.Г., Наконечный Я.Е.* Мониторинг в правотворчестве: теория и методология. – М.: Издательство МГТУ, 2009. – 196 с.

2. Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2015 г. № 151-р (ред. от 13.01.2017) «Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 6. – Ст. 1014.

3. Приказ Минпромторга России от 20.07.2015 г. № 2011 «Об утверждении Стратегии развития народных художественных промыслов на 2015 – 2016 гг. и на период до 2020 года» [Электронный ресурс] // www.consultant.ru.

4. *Абрамов А.И.* Механизм реализации функций права и его отличие от механизма правового регулирования // Актуальные проблемы правоведения. – 2005. – № 3.

5. *Березина Е.А*. Теоретические аспекты механизма правового регулирования // Личность, право, государство. – 2017. – № 4. – С. 50-66.

6. *Землянов О.Е.* Понятие и структура механизма правового регулирования // Право и государство: теория и практика. – 2010. – № 1 (61). – С. 11-14.

7. *Мильков А.В.* К вопросу о механизме правового регулирования // Закон. – 2012. – № 3.

8. *Нарыкова С.П.* Системный подход к исследованию механизма правового регулирования: Дисс. … канд. юрид. наук. – М., 2006. – 180 с.

9. *Осипов М.Ю.* Механизм правового регулирования его типы // Право и государство: теория и практика. – 2006. – № 3. – С. 136-141.

10. *Бакаева О.Ю.* Перспективы развития правового механизма косвенного налогообложения в области таможенного дела // Налоги. – 2014. – № 2. – С. 7-10.

11. *Гряда Э.А.* Функции дозволений и запретов в механизме правового регулирования земельных отношений // Современное право. – 2017. – № 11. – С. 36-41.

12. *Карелина С.А.* Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 568 с.

13. *Корякин И.И.* Особенности механизма правового регулирования организационного обеспечения деятельности судов // Административное право и процесс. – 2018. – № 5. – С. 66-72.

14. *Русин С.Н.* Механизм правового регулирования и экологическая политика // Экологическое право. – 2017. – № 5. – С. 13-20.

15. *Самохвалова А.Ю.* Механизм правового регулирования финансового оздоровления как мера предупреждения банкротства кредитной организации: монография / Под ред. И.П. Кожокаря. – М.: Проспект, 2018. – 184 с.

16. *Александров Н.Г.* Трудовое правоотношение. – М.: Юридическое издательство МЮ СССР, 1948. – 336 с.

17. *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М.: Юридическая литература, 1966. – 187 с.

18. *Горшенев В.М.* Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. – М.: Юридическая литература, 1972. – 288 с.

19. *Казимирчук В.П.* Социальный механизм действия права // Советское государство и право. – 1970. – № 10. – С. 37-44.

20. *Шабалин В.А.* Системный анализ механизма правового регулирования / Советское государство и право. – 1969. – № 10. – С. 124-125.

21. *Явич С.Л.* Об исследованиях механизма действия права // Советское государство и право. – 1973. – № 8. – С. 26-32.

22. *Мелехин А.В.* Теория государства и права. Учебник // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2009.

23. *Поляков А.В., Тимошина Е.В.* Общая теория права: Учебник. – СПб.: Издательский дом С.-Петербургского государственного университета, 2005. – С. 278-279.

24. *Алексеев С.С.* Общая теория права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 576 с.

25. *Малько А.В.* Механизм правового регулирования // Правоведение. – 1996. – № 6. – С 55.

26. *Осипов М.Ю.* Понятие и соотношение правового регулирования правотворчества: Монография. – М.: РИОР, 2015. – 219 с.

27. *Рассолов М.М.* Проблемы теории государства и права. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2007. – С. 280-281 (431 с.).

28. *Васильева Н.В.* Юридические и неюридические средства в системе правового регулирования: Автореферат дисс. … канд. юрид. наук. – Омск, 2013.

29. *Горшенев В.М.* Участие общественных организаций в правовом регулировании. – М.: Госюриздат, 1963. – 167 с.

30. *Абрамова А.А.* Эффективность механизма правового регулирования: Автореферат дисс. … канд. юрид. наук. – Красноярск, 2006. – С. 6.

31. *Чернова Э.Р.* Юридическая деятельность в механизме правового регулирования. На примере деятельности органов внутренних дел МВД РФ: Автореферат дисс. … канд. юрид. наук. – Владимир, 2007. – 26 с.

32. *Жариков Ю.С.* Механизм правового регулирования: уголовно-правовые отношения: монография. – Саратов: Вузовское образование, 2018. – С. 65.

33. *Малахов В.П.* Общая теория права и государства. К проблеме правопонимания. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. – С. 116.

34. *Лановая Г.М., Правкина И.Н.* Механизм правового регулирования: понятие и содержание // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 3 (171). – С. 14-17.

35. *Коновалова И.О.* Механизм действия частного права: автореферат дисс. … канд. юрид. наук. – М., 2016.

36. *Шундиков К.В.* Правовые механизмы: основы теории // Государство и право. – 2006. – № 12. – С. 15.

37. Риски финансовой безопасности: правовой формат: Монография / Отв. ред. И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина. – М.: «ИЗиСП», «НОРМА», «ИНФРА-М», 2018. – 304 с.

38. *Текутьев Д.И.* Правовой механизм повышения эффективности деятельности членов органов управления корпорации. – М., 2017. – 176 с.

39. *Матвеева Е.В.* Правовой механизм реализации экологических прав граждан в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия: дисс. … канд. юрид. наук. – М., 2010.

40. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / Под общ. ред. Л.И. Скворцова. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2007. – 640 с.

41. *Радько Т.Н.* Теория государства и права. – М., 2005.

42. *Абдуллаев М.И., Комаров С.А.* Проблемы теории государства и права. – СПб., 2003. – 576 с.

43. *Бобылев А.И.* Механизм правового воздействия на общественные отношения // Государство и право. – 1999. – № 5. – С. 104-109.

44. *Явич Л.С.* Советское право – регулятор общественных отношений в СССР. – Сталинабад, 1957. – 168 с.

45. *Бастыркина И., Лаккатош М.* Некоторые вопросы правового регулирования в советском обществе // Советское государство и право. – 1964. – № 2.

46. *Алексеев С.С.* Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. – 1987. – № 6. – С. 12-19.

47. *Сапун В.А.* Теория правовых средств и механизм реализации правка: Автореферат дисс. … д-ра юрид. наук. – Нижний Новгород, 2002. – С. 10.

48. *Филиппова С.Ю.* Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. – М.: Статут, 2011. – С. 53.

49. *Малько А.В.* Стимулы и ограничения в праве. – М.: Юристъ, 2005. – 250 с.

50. *Аврутин Ю.Е.* Государство и право. Теория и практика. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2007. – 479 с.

51. *Малько А.В.* Оптимизация правового регулирования как проблема преодоления препятствий // Правоведение. 1993. № 3. С. 58-66.

Bibliographic list

1. Arzamasov Yu.G., Nakonechny Y.E. Monitoring in law-making: theory and methodology. M.: Publishing House of MSTU, 2009. 196 p.

2. Decree of the Government of the Russian Federation of 02.02.2015, No. 151-r (as amended on 01/13/2017) “On approval of the Strategy for the sustainable development of rural territories of the Russian Federation for the period until 2030” // Collection of legislation of the Russian Federation. 2015. No. 6. Art. 1014.

3. Order of the Ministry of Industry and Trade of Russia dated July 20, 2015 No. 2011 “On approval of the Strategy for the development of folk arts and crafts for 2015-2016. and for the period until 2020” [Electronic resource] // www.consultant.ru.

4. Abramov A.I. The mechanism for the implementation of the functions of law and its difference from the mechanism of legal regulation // Actual problems of jurisprudence. 2005. No. 3.

5. Berezina EA Theoretical aspects of the mechanism of legal regulation // Personality, law, state. 2017. No. 4. P. 50-66.

6. Zemlyanov O.E. The concept and structure of the mechanism of legal regulation // Law and state: theory and practice. 2010. No. 1 (61). P. 11-14.

7. Milkov A.V. To the question of the mechanism of legal regulation // Law. 2012. No. 3.

8. Narykova S.P. A systematic approach to the study of the mechanism of legal regulation: Diss. ... cand. legal sciences. M., 2006. 180 p.

9. Osipov M.Yu. The mechanism of legal regulation of its types // Law and state: theory and practice. 2006. No. 3. P. 136-141.

10. Bakaev O.Yu. Prospects for the development of the legal mechanism of indirect taxation in the field of customs // Taxes. 2014. No. 2. P. 7-10.

11. Ridge E.A. Functions of permissions and prohibitions in the mechanism of legal regulation of land relations // Modern Law. 2017. No. 11. P. 36-41.

12. Karelina S.A. The mechanism of legal regulation of insolvency relations. M.: VoltersCluver, 2008. 568 p.

13. Koryakin I.I. Features of the mechanism of legal regulation of organizational support of the courts // Administrative law and process. 2018. No. 5. P. 66-72.

14. Rusin S.N. The mechanism of legal regulation and environmental policy // Environmental Law. 2017. No. 5. P. 13-20.

15. Samokhvalova A.Yu. The mechanism of legal regulation of financial recovery as a measure of preventing bankruptcy of a credit institution: monograph / Edited by Kozhokar I.P. M.: Prospect, 2018. 184 p.

16. Alexandrov N.G. Labor relationship. M.: Legal Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR, 1948. 336 p.

17. Alekseev S.S. The mechanism of legal regulation in a socialist state. M.: Legal literature, 1966. 187 p.

18. Gorshenev V.M. Ways and organizational forms of legal regulation in a socialist society. M.: Legal literature, 1972. 288 p.

19. Kazimirchuk V.P. The social mechanism of law // Soviet State and Law. 1970. No. 10. P. 37-44.

20. Shabalin V.A. System analysis of the mechanism of legal regulation / Soviet state and law. 1969. No. 10. P. 124-125.

21. Yavich S.L. On studies of the mechanism of action of law // Soviet State and Law. 1973. No. 8. P. 26-32.

22. Melekhin A.V. Theory of State and Law. Textbook // Prepared for the ConsultantPlus system, 2009.

23. Polyakov A.V., Timoshina E.V. General Theory of Law: A Textbook. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2005. P. 278-279.

24. Alekseev S.S. General theory of law: textbook. 2nd ed., Revised. and add. M.: TC Velby, Prospect Publishing House, 2008. 576 p.

25. Malko A.V. The mechanism of legal regulation // Law. 1996. No. 6. P. 55.
26. Osipov M.Yu. The concept and ratio of legal regulation of lawmaking: Monograph. M.: RIOR, 2015. 219 p.
27. Rassolov M.M. Problems of the theory of state and law. M.: UNITY-DANA: Law and Law, 2007. P. 280-281 (431 p.).
28. Vasilieva N.V. Legal and non-legal means in the system of legal regulation: Abstract of diss. ... cand. legal sciences. Omsk, 2013.
29. Gorshenev V.M. Participation of public organizations in legal regulation. M .: Gosyurizdat, 1963. 167 p.
30. Abramova A.A. The effectiveness of the mechanism of legal regulation: Abstract diss. ... cand. legal sciences. Krasnoyarsk, 2006. P. 6.
31. Chernova E.R. Legal activity in the mechanism of legal regulation. On the example of the activities of the internal affairs bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Abstract of diss. ... cand. legal sciences. Vladimir, 2007. 26 p.
32. Zharikov Yu.S. The mechanism of legal regulation: criminal law relations: monograph. Saratov: University education, 2018. P. 65.
33. Malakhov V.P. General theory of law and state. To the problem of legal awareness. M.: UNITY-DANA: Law and Law, 2013. P. 116.
34. Lanovaya G.M., Pravkina I.N. The mechanism of legal regulation: concept and content // Agricultural and land law. 2019. No. 3 (171). P. 14-17.
35. Konovalova I.O. The mechanism of action of private law: auto-abstract diss. ... cand. legal sciences. M., 2016.
36. Shundikov K.V. Legal mechanisms: the foundations of the theory // State emphasis and law. 2006. No. 12. P. 15.
37. Financial security risks: legal format: Monograph / Otv. ed. I.I. Kucherov, N.A. Povetkina. M.: IZISP, NORMA, INFRA-M, 2018. 304 p.
38. Tekutiev D.I. The legal mechanism to increase the effectiveness of the activities of members of the corporation's management bodies. M., 2017. 176 p.
39. Matveeva E.V. The legal mechanism for the implementation of the environmental rights of citizens in the Russian Federation and the Federal Republic of Germany: diss. ... cand. legal sciences. M., 2010.
40. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language: approx. 53,000 words / Under the total. ed. L.I. Skvortsova. M.: Onix Publishing House LLC: Mir and Education Publishing House LLC, 2007. 640 p.
41. Radko T.N. Theory of State and Law. M., 2005.
42. Abdullaev M.I., Komarov S.A. Problems of the theory of state and law. SPb., 2003. 576 p.
43. Bobylev A.I. The mechanism of legal impact on public relations // State and Law. 1999. No. 5. P. 104-109.
44. Yavich L.S. Soviet law is a regulator of public relations in the USSR. Stalinabad, 1957. 168 p.
45. Bastirkina I., Lakkatosh M. Some issues of legal regulation in Soviet society // Soviet State and Law. 1964. No. 2.
46. Alekseev S.S. Legal means: statement of the problem, concept, classification // Soviet State and Law. 1987. No. 6. P. 12-19.
47. Sapun V.A. The theory of legal means and the mechanism for the implementation of editing: Abstract of the diss. ... Dr. jur. sciences. Nizhny Novgorod, 2002. P. 10.
48. Filippova S.Yu. Private legal means of organizing and achieving legal goals. M.: Statute, 2011. P. 53.

49. Malko A.V. Incentives and limitations in law. M.: Lawyer, 2005. 250 p.
50. Avrutin Yu.E. State and law. Theory and practice. M.: UNITY-DANA, Law and Law, 2007. 479 p.
51. Malko A.V. Optimization of legal regulation as a problem of overcoming obstacles // Jurisprudence. 1993. No. 3. P. 58-66.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

УДК 344.3
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.15.03.029

Отдельные аспекты противодействия экстремистской деятельности

Л.А. Ахмадиева[*], М.Ф. Гареев[**]

Аннотация. В настоящей статье анализируются превентивные меры по противодействию экстремистской деятельности. Предлагается ввести иную меру уголовно-правового характера, именуемую как «депортация», заключающуюся в принудительном выдворении иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации, совершивших преступления, представляющие повышенную общественную опасность.

Ключевые слова: экстремистская деятельность, превентивные меры, субъективная сторона преступления, депортация.

Certain Aspects of Countering Extremist Activities

Annotation. This article presents preventive measures to counter extremists activities. It is proposed to introduce another measure of a criminal-law character, named as «deportation», that means forced expulsion of foreigners and stateless people outwards the territory of Russian Federation, which pose an increased danger to people and society.

Keywords: extremist activity, preventive measures, subjective side of the crime, deportation.

Преступность как социальное явление неоднородно по своей сущности. Наиболее ощутимы для окружающих те преступления, которые в теории уголовного права относятся к так называемым материальным составам. В большей степени гражданином ощу-

[*] *Ахмадиева Лилия Алмазовна*, заместитель директора по научной работе Альметьевского филиала Учреждения высшего образования «Университет управления «ТИСБИ», кандидат социологических наук.

Akhmadieva Lilia Almazovna, Deputy Director for Research Almetyevsk branch of the institution of higher education of University of Management «TISBI», candidate of sociological sciences.

[**] *Гареев Марат Фаизович*, доцент Юридического института (Санкт – Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: gareeff.marat2013@yandex.ru

Gareev Marat Faizovich, Associate Professor of the Law Institute (St. Petersburg), candidate of legal sciences.

щаются преступления против жизни и здоровья, собственности и другие, торые причиняют материальный ущерб или физический вред. В реальности ряд явлений, относимых к преступным деяниям, многими людьми могут не восприниматься таковыми, что объясняется особенностями психологии века. Речь идет, прежде всего, о тех преступлениях, которые представляют потенциальную угрозу для общества и государства и, в конечном счете, в состоянии оказать негативное влияние на судьбу человека.

К таким преступлениям, в частности, относится экстремистская деятельность. Уголовная ответственность за них предусмотрена в гл. 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» (ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.2).

Законодательное определение экстремистской деятельности или экстремизм дано в ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Вышеупомянутая норма к ней относит:

– насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;

– публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;

– возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

– пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

– нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

– воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием или угрозой его применения;

– воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных или религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

– пропаганда и публичная демонстрация нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичная демонстрация атрибутики или символики экстремисткой организации;

– публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно изготовление или хранение в целях массового распространения;

– публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта РФ, в совершении им в период исполнения своих служебных обязанностей деяний, являющихся преступными;

– организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению [1].

Экстремистской деятельностью, как следует из этого Федерального закона, является совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Также к экстремистской деятельности отнесены действия, направленные на финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Анализ законодательного определения экстремизма свидетельствует, что под этим социальным явлением охватывается куда более широкий круг общественных отношений, которые могут пострадать в результате подобного рода преступной деятельности.

Расширительное толкование экстремистской деятельности и отнесение к ней преступлений террористической направленности обусловлено тем, что анализируемая разновидность социального явления в состоянии нарушить общественные отношения в сфере общественной безопасности, которые являются гарантом жизни и здоровья граждан. Понимая особую значимость указанных социальных ценностей, законодатель отнес их к квалифицирующим и особо квалифицирующим составам преступления, предусмотренных ст. 205 УК РФ. В диспозиции этой нормы уголовного закона создание потенциальной опасности, которая может повлечь за собой гибель людей, влечет не только уголовную ответственность, но и применение суровых мер уголовно-правового воздействия. Уже в ч. 1 ст. 205 УК РФ наказание за создание опасности гибели человека влечет наказание в виде лишения свободы от десяти до пятнадцати лет. В случае совершения того же деяния, которые повлекли смерть человека по неосторожности (п. «б» ч. 2 ст. 205 УК РФ) и (либо) оно совершено с умыслом (п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ), соответственно лицо, его совершившее, может быть подвергнуто более строгому наказанию.

В целях достижения задач уголовного законодательства, к которому, прежде всего, относится предупредительная её функция, закрепленная в ч. 1 ст. 2 УК РФ, возникает необходимость осуществить более детальный анализ субъективной стороны состава ряда преступлений, отнесенной к экстремистской направленности.

Дальнейшая реализация превентивной задачи уголовного законодательства нашла отражение в том же Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности». Об этом непосредственно прописано в ст. 5 данного Федерального закона, который в качестве приоритетной цели устанавливает меры по противодействию экстремистской деятельности. В частности, это может быть объявление предостережения о недопустимости осуществления экстремистской деятельности (ст. 6); вынесение предупреждения общественному или религиозному объединению либо иной организации о недопустимости осуществления экстремистской деятельности (ст. 7); вынесение предупреждения о недопустимости распространения экстремистских материалов через средства массовой информации и осу-

ществления им экстремистской деятельности (ст. 8) и др. К мерам ответственности, применяемые в рамках Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», может быть отнесено приостановление деятельности общественного или религиозного объединения, которое не является мерой уголовно-правового характера.

Надеемся, что приведенный пример из судебной практики поможет выработать ряд законодательных и правоприменительных мер по противодействию экстремистской деятельности. Согласно приговору мирового судьи судебного участка № 6 Альметьевского района и г. Альметьевск РТ от 6 апреля 2005 г., Шайхутдинов И.Х., Файрузов Т.А., Хамзин Э.Р., Нуруллин А.М., Низамов Э.Г. были осуждены по ч. 2 ст. 282.2 УК РФ за участие в экстремистской организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами». В ходе предварительного следствия были изъяты и приобщены к материалам данного уголовного дела множество предметов, которые не имели никакого доказательственного значения. По этой причине мировому судье почти на двух страницах в резолютивной части приговора пришлось возвращать множество книг, содержащих каноны ислама и другого рода литературу.

Вызывает определенное недоумение, что вся исламская литература находилась в свободном доступе и была приобретена в городах Москве и Казани. Между тем, уничтожению подлежали только программа, брошюры, прокламации религиозной организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», признанная решением Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г. не только экстремистской, но и террористической, её деятельность запрещена на территории Российской Федерации [2].

На сегодняшний день экстремистская и террористическая деятельность представляет куда большую общественную опасность, о чем свидетельствуют события в Сирийской Арабской Республике, которые в состоянии разрушить целые государства. Теперь уже экстремистская деятельность имеет прямую непосредственную связь с терроризмом. Об этом свидетельствует и правоприменительная практика. Кстати, один из осужденных в дальнейшем был осужден за террористическую деятельность и Верховным судом Республики Татарстан приговорен к пожизненному лишению свободы, поскольку в результате подобной преступной деятельности он лишил жизни семь человек.

В связи с изложенным, приобретает особую актуальность принятие превентивных мер по пресечению вышеописанной преступной деятельности. В реальности нередко даже неосторожные действия чиновников, сотрудников правоохранительных органов в состоянии пробудить мотивы, сформированные на ущемление, а порой даже унижение религиозных чувств верующих.

Именно то обстоятельство, что в ходе производства по уголовному необоснованно изъяли религиозную литературу, приобретенную на законном основании и соответственно не имеющую никакого отношения к экстремистской идеологии, в состоянии вызывать преступную мотивацию и привести к совершению указанных преступлений. Как выяснилось из ответа надзорного органа на частное постановление мирового судьи, вынесенное в связи с необоснованным изъятием легальной религиозной литературы, следо-

ватель изъял их и приобщил к материалам уголовного дела в связи с необходимостью проведения экспертизы. Однако, в дальнейшем никакой экспертизы не проводилось.

По этой причине излишнее «рвение» сотрудников правоохранительных органов не способствует достижению превентивных целей и задач, установленных уголовным законодательством, поскольку в подобных случаях состояние вызывающее озлобленность, ненависть и другие явления, выступит провоцирующим фактором. Тем более, в рассматриваемом случае они проявили явную недальновидность. Именно эти обстоятельства, в большинстве случаев, могут составлять мотивацию преступлений как экстремистской, так и другой направленности, составляющую субъективную сторону преступления.

Исследование материалов данного уголовного дела, как, впрочем, и остальных, показывает, что преступления экстремистской направленности совершаются в результате насаждения чуждой нашим гражданам идеологии, которая также может выступить в качестве побудительного мотива для совершения экстремистских преступлений. Подтверждением этому также могут быть материалы вышеупомянутого уголовного дела, где один из осужденных является гражданином иностранного государства. Для принятия превентивных мер, направленных на ликвидацию экстремистской ячейки, правоохранительные органы использовали инструменты, предусмотренные законодательством об административных правонарушениях, и осуществили выдворение данного осужденного за пределы Российской Федерации за нарушение миграционного законодательства. Нужно отметить, что данный осужденный оказался гражданином Узбекистана, где уголовное наказание за экстремистскую деятельность гораздо жестче, чем в нашей стране. По этой причине осужденный оказал яростное неповиновение сотрудникам правоохранительных органов и устроил истерику, поскольку был осведомлен о весьма жестком наказании в своей стране [3].

Однако в большинстве случаев отсутствуют законные основания для выдворения иностранных граждан и лиц без гражданства, которые совершают уголовно-наказуемые деяния на территории Российской Федерации.

В связи с потенциальной общественной опасностью не только преступлений экстремистской направленности, но и преступлений против жизни и здоровья, совершаемых в отношении граждан России и иностранных граждан, законопослушно пребывающих в нашей стране, следовало бы установить меру уголовно-правового воздействия в виде депортации. С учетом специфичности применяемой меры и субъектов преступления, которые, по сути, являются специальными, депортацию следует отнести к иным мерам уголовно-правового характера как альтернативной формы реализации уголовной ответственности.

Отнесение депортации к иным мерам уголовно-правового характера обусловлено тем, что по сравнению с наказанием она лишена карательного потенциала и направлена на предупреждение совершения преступлений в отношении субъектов преступлений, являющихся иностранными гражданами или лицами без гражданства. В случае применения депортации будет достигнута не только специальная превентивная цель, заключающаяся

в лишении возможности конкретного лица совершать в дальнейшем преступления на территории Российской Федерации, но и общая превентивная цель, когда его соотечественники, возможно, задумаются, прежде чем встать на преступный путь. Ведь для отдельных категорий мигрантов трудовая деятельность в России является единственной возможностью не только его личного материального благополучия, но и всей его семьи, поскольку только в нашей стране они могут найти работу.

Законодательную регламентацию депортации необходимо осуществить путем внесения гл. 15.3 в раздел VI «Иные меры уголовно-правового характера» УК РФ, предусмотрев в ней ст. 104.6 «Депортация». Указанную статью изложить в следующей редакции: «депортация – это принудительное и контролируемое перемещение иностранных граждан и лиц без гражданства через государственную границу Российской Федерации, применяемое на основании обвинительного приговора суда за совершение преступлений, предусмотренных гл. 16, 17 (за исключением ст. 128.1 «Клевета»), 18, 20, 24, 25, 27, 29, 31, 32, 34 УК РФ».

Данная норма нами изложена в общем виде, поскольку подробное изложение статей Особенной части УК РФ в данной публикации приведет к её громоздкости, поэтому перечень преступно-наказуемых деяний в ст. 104.6 УК РФ может быть уменьшен. Основная идея применения данной законодательной новеллы заключается в том, что её применение представляется возможным, где основным объектом преступного посягательства наряду с посягательством на устои общества и государства будет выступать жизнь и здоровье граждан, где даже данные общественные отношения выступают не в качестве основного объекта, а в качестве дополнительного.

Реализуя превентивный потенциал данной меры уголовно-правового характера, следует установить для рассматриваемой категории преступников запрет на въезд на территорию Российской Федерации; для лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести – до десяти лет, для лиц, совершивших тяжкие преступления – до пятнадцати лет, а для тех, кто совершил особо тяжкие преступления – до двадцати лет. Применение депортации возможно только после отбытия основного и дополнительного наказания, предусмотренного УК РФ. Указанные положения следует закрепить в ч. 2 ст. 104.6 УК РФ.

Предлагается также в ст. 104.7 УК РФ регламентировать порядок депортации, аналогично той, которая установлена Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан».

Анализ уголовного законодательства и судебной практики показывает, что в основе субъективной стороны экстремистских преступлений лежат взгляды, воззрения, мотивы, эмоции, которые при их реализации в преступном поведении, составляющие объективную сторону указанных преступлений, в состоянии подорвать устои общества и государства.

Несмотря на то, что на современном этапе в экстремистскую и террористическую деятельность вовлекаются различные этносы и социальные группы, сохраняют свою актуальность межэтнические конфликты, которые в состоянии выступить провоцирующим фактором для совершения экстремистских преступлений.

Среди различных определений этнического конфликта, раскрытых в литературе, нам представляется наиболее оптимальным его дефиниция, данная Л.А. Ахмадиевой, под которой понимается социальный конструкт, являющийся продуктом субъективного отношения/восприятия индивидами межгрупповых противоречий, наполняемых этническим смыслом [4, с. 25].

В этом случае провоцирующим фактором для этнического конфликта могут выступать не только печатные и электронные масс-медиа, но и деятельность правоохранительных и иных государственных органов, а также поступки государственных и политических деятелей. В свою очередь, подобное в состоянии привести, а порой и приводит к преступлениям экстремистской и террористической направленности [4, с. 26].

Об обострении межэтнических конфликтов свидетельствуют события последних нескольких лет в ряде государств Западной Европы. Тогда руководство Евросоюза позволило беженцам из арабских и иных восточных стран свободно передвигаться по своей территории. Имея существенные различия в идеологии, культуре, мировоззрении, воспитании, арабы, в своей основе неся агрессивные воззрения, стали массово совершать преступления, направленные в первую очередь против жителей государств Западной Европы [5]. Например, в Германии наблюдается рост преступлений против личности [6]. Особо отличились изнасилованиями восточные беженцы [7].

Обоснованность вышеизложенных выводов подтверждается исследованиями, проведенными учеными-социологами. Одним из таких ученых является С. Хантингтон, который еще более 25 лет назад прозорливо пришел к выводу о наличии противоречий между этническими группами, носящими «объективный» характер и являются неизбежностью. По его мнению, «в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой». Именно эти предположения о конфликте культур при анализе криминального состояния общества и государства имеют решающее значение. Однако, в межгосударственных конфликтах решающую роль все-таки играет экономическая конкуренция, которая порождает военные столкновения и приводит к совершению ряда иных преступлений (против мира, безопасности человечества и др.).

В конечном счете, события, связанные с неконтролируемым массовым потоком восточных мигрантов в государства Евросоюза, порождают межэтнические конфликты, которые впоследствии выливаются в преступные деяния. Одной из основных причин является конфликт различных культур и мировоззрений, ведущий к возникновению агрессии у мигрантов, которые не в состоянии понять «прогрессивную» Европу.

На фоне этих событий предсказуемым, в ряде случаев, может быть усиление националистических или даже фашиствующих настроений среди коренных жителей Западной Европы, которые в состоянии привести к ответной агрессии по отношению к беженцам из арабских и других восточных государств.

В пользу этих доводов свидетельствует появление в средствах массовой информации Германии ряда публикаций. Так, в немецкой газете «Zeit»

приводится случай, произошедший 30 августа 2018 г., когда на 20-летнего мигранта из Сирии в немецком городе Висмар федеральной земли Мекленбург-Передняя Померания было совершено нападение группой неизвестных лиц. По данным издания, инцидент произошел накануне поздно вечером. Сначала двое нападавших ударили молодого человека по лицу, затем третий неизвестный начал избивать мигранта железной цепью. Удары наносились по плечам и ребрам потерпевшего. После того, как юноша упал, преступники продолжили избивать его ногами. Основаниями подозревать коренных жителей явился тот факт, что они разговаривали на немецком языке.

Свидетельством ответной агрессии со стороны коренных жителей может служить следующий факт. В ночь на 27 августа в немецком городе Хемниц, во время городского праздника, в результате потасовки был убит 35-летний немец. Полиция предполагает, что убийство совершено мигрантами. Этот инцидент привел к массовым протестам в Хемнице 26 и 27 августа с участием праворадикальных групп, переросшим в охоту на мигрантов и в столкновения с полицией.

В этом же издании указано, что недовольство миграционной политикой правительства ФРГ в последние годы привело к усилению праворадикальных настроений среди населения Германии. Одним из результатов этого стал успех немецкой партии правого толка «Альтернатива для Германии» на выборах в Бундестаг в 2017 г., когда она неожиданно набрала 12,6% голосов и заняла третье место [8].

События, происходившие в Западной Европе, выразившиеся в бесконтрольном перемещении беженцев из арабских государств, обострении криминальной ситуации в этих государствах, росте насилия по отношению к коренным жителям и другим негативным социальным последствиям, – все эти примеры для нашей страны приобретают особую актуальность. В Российской Федерации подобного рода явления могут проявляться в ряде регионов, руководство которых весьма лояльно относится к переселенцам из бывших союзных республик Средней Азии. К основному контингенту таких переселенцев относятся таджики и киргизы, а отчасти узбеки, которые из-за низкого жизненного уровня устремляются в Россию для заработка.

Как показывают наблюдения, каждый среднеазиатский этнос занимает в Российской Федерации свою нишу. Так, в г. Москве основным занятием киргизов является уборка торговых центров и иных помещений. Таджики задействованы в своей массе на стройках, тогда как представители узбекского этноса занимаются мелкой торговлей, общепитом и другим мелким бизнесом. Представители азербайджанской национальности занимают куда более высокую ступень в социальной иерархии. Например, в таких крупных городах, как Москва и Санкт-Петербург, они уже являются владельцами кафе и ресторанов.

Формирование подобной иерархии среди различных этносов способствует формированию негативного отношения не только россиян к пришлым, где процент бедности наших сограждан, как признают в Правительстве РФ, является критическим. Они в состоянии привести к межэтни-

ческим конфликтам между различными национальностями, пребывающими на территории нашей страны.

Наглядным примером могут служить события, произошедшие в июне 2010 г. на юге Киргизии, когда всплеск насилия киргизов против узбеков, которые породили ответную реакцию, вынудил руководство этой страны ввести комендантский час [9].

Можно сделать вывод о том, что межэтнический конфликт на фоне обострения межнациональных конфликтов, происходящих внутри Среднеазиатских государств, в состоянии обострить криминальную обстановку на территории Российской Федерации.

Порой межнациональные противоречия настигают такого накала, что выливаются в межэтнический конфликт, разрешение которого, представляется порой весьма затруднительным на фоне обострившихся социальных проблем. Следует принять во внимание, что падение уровня жизни в ряде среднеазиатской республик бывшего СССР приводит к падению уровня культуры их населения. Их мировоззрение является благотворной почвой для формирования криминального мышления, поскольку сознание ограничивает морально-нравственные ценности.

Наглядные примеры совершения преступлений мигрантами в Западной Европе приводят к необходимости усиления уголовной ответственности за совершение преступлений экстремистской направленности, а также миграционного законодательства. В свою очередь в правоприменительной деятельности следует уделить внимание провоцирующим факторам, способным привести к совершению преступных деяний.

При расследовании преступлений экстремистской направленности, совершенных на почве межэтнических конфликтов, органам следствия следует весьма осторожно проводить отдельные следственные и процессуальные действия.

Библиографический список

1. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 мая 2002 г. № 11-ФЗ// Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.

2. Архив мирового судьи судебного участка № 6 по Альметьевскому судебному району Республики Татарстан за 2005 г. Дело № 1-8/06.

3. Архив Альметьевского городского суда Республики Татарстан за 2005 г. Дело № 3-457/05.

4. *Ахмадиева Л.А.* Дискурсивный анализ практик социального конструирования межэтнического конфликта в печатных и электронных масс-медиа: дисс. … канд. соц. наук. – Казань, 2011. – 20 с.

5. См., подроб.: В Германии вынесен приговор убийце школьницы/ https://rossaprimavera.ru/news/13c6411e.

6. См., подроб.: В Германии афганец ранил ножом трех человек/ https://rossaprimavera.ru/news/ed64b0da.

7. См., подроб.: В Германии мигранты массово насилуют женщин/http://www.newsinfo.ru/news/2017-01-01/germany/78064 5780645/

8. См., подроб.: В Германии неизвестные избили мигранта из Сирии / https://rossaprimavera.ru/news/4c3e6ed5.
9. Революция в Киргизии // Российская газета, 2014, 31 июля.

Bibliographic list

1. Federal law "On countering extremist activity" dated May 25, 2002 No. 11-FZ // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. Art. 3031.
2. Archive of the justice of the peace of court plot No. 6 in the Almetyevsk judicial district of the Republic of Tatarstan for 2005. Case No. 1-8 / 06.
3. Archive of the Almetyevsk city court of the Republic of Tatarstan for 2005. Case No. 3-457 / 05.
4. Akhmadieva L.A. A discursive analysis of the practices of social construction of interethnic conflict in print and electronic mass media: Diss. ... cand. social sciences. Kazan, 2011. 20 p.
5. See, detail: In Germany, a verdict was issued to the murderer of school-nitsa / https://rossaprimavera.ru/news/13c6411e.
6. See, detail: In Germany, an Afghan injured three people with a knife / https:// rossaprimavera.ru/news/ed64b0da.
7. See, detail: In Germany, migrants massively rape women / http://www. newsinfo.ru/news/2017-01-01/germany/780645/.
8. See, detail: In Germany, unknown persons beat a migrant from Syria / https://rossaprimavera.ru/news/4c3e6ed5.
9. The revolution in Kyrgyzstan // Russian newspaper, 2014, July 31.

УДК 343.85
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.15.03.030

Организационно-правовые аспекты деятельности по обеспечению безопасности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций

Н.П. Белая*,
И.Н. Смирнова**

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы организации деятельности по обеспечению безопасности сотрудников уголовно-исполнительных инспекций в условиях сохранения сложного криминогенного состава подучетных лиц, усложнения решаемых уголовно-исполнительными инспекциями задач. На основе проведенного исследования предлагаются меры по ее совершенствованию в настоящее время.

Ключевые слова: уголовно-исполнительные инспекции, уровень повторной преступности, осужденный без изоляции от общества, безопасность сотрудника уголовно-исполнительной инспекции, угроза безопасности, социальная помощь осужденным, система электронного мониторинга подконтрольных лиц.

Organizational and legal aspects of activities to ensure the safety of employees of criminal Executive inspections

Annotation. The article deals with some issues of organization of activities to ensure the safety of employees of criminal Executive inspections in the conditions of preservation of complex criminal composition of registered persons, the complexity of the tasks solved by the criminal Executive inspections. On the basis of the study, measures are proposed to improve it at the present time.

Keywords: criminal-Executive inspections, the level of repeated crime, convicted without isolation from society, security of the employee of criminal-Executive inspection, security threat, social assistance to convicts, system of electronic monitoring of controlled persons.

* *Белая Наталья Павловна,* кандидат юридических наук; судья Советского районного суда г. Рязани. E-mail: Natali-belaya@mail.ru

Belaya Natalia Pavlovna, PhD in law; judge of the Soviet district court of Ryazan.

** *Смирнова Ирина Николаевна,* профессор кафедры правозащитной, правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса, доктор юридических наук, доцент (Псковский государственный университет). E-mail: irina_smi69@mail.ru

Smirnova Irina, Professor of the Department of human rights, law enforcement, criminal law and procedure, doctor of law, associate Professor (Pskov State University).

Обращение к заявленной в названии статьи проблеме обусловлено, прежде всего, усилением роли уголовно-исполнительных инспекций (далее – УИИ) как подсистемы уголовно-исполнительной системы (УИС) в обеспечении безопасности общества и государства. В связи с этим, принимаются меры организационно-правового характера, направленные на совершенствование функционирования УИИ в сфере предупреждения повторных преступлений со стороны подучетных лиц, в частности, в нескольких территориальных органах Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) созданы службы обработки данных системы электронного мониторинга подконтрольных лиц (далее – СЭМПЛ) для улучшения контроля за подозреваемыми (обвиняемыми), в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста; реализуются пилотные проекты, направленные на повышение эффективности деятельности по исполнению наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества; подготовлены предложения о создании служб доставки в некоторых территориальных органах ФСИН России; УИИ активно сотрудничают с ОВД [1, с. 5–7].

Используется комплекс мер, направленных на предупреждение преступлений и иных правонарушений со стороны подучетных лиц: в 2018 г. доля подучетных лиц, получивших социально-психологическую и иную помощь, в общем количестве лиц, которые нуждались в ней, существенно превысила плановый показатель; обеспечен контроль за подучетными лицами, а также лицами, находящимися под домашним арестом, с помощью СЭМПЛ (их количество также превосходит плановый); уровень применения оборудования СЭМПЛ в отношении подозреваемых (обвиняемых), находившихся под домашним арестом, составил 89,57 % при плановом 81 %; уровень продления испытательного срока условно осужденным составил 19,52 %; возложения дополнительных обязанностей условно осужденным 15,01 %; установления дополнительных обязанностей осужденным к ограничению свободы 17,77 % [2].

Сотрудники УИС на территории Российской Федерации независимо от занимаемой должности, места нахождения и времени суток обязаны в случае непосредственного обнаружения событий, угрожающих личной или общественной безопасности, принять меры к спасению людей, предотвращению и пресечению правонарушений, задержанию лиц по подозрению в совершении этих правонарушений и сообщить об этом в ближайший ОВД [3]. Впервые особенности применения сотрудниками УИИ физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками УИИ были закреплены федеральным законом в 2016 г. [4]. В таком случае это право не огранивается территорией учреждения или объекта УИС, осуществление полномочий сотрудников УИИ связано с посещением подучетных лиц по месту жительства, посещением организаций и предприятий, на которых работают осужденные, нахождением в общественных местах (в этом вопросе сотрудники УИИ приближаются по своему правовому статусу к сотрудникам полиции) [5, с. 58].

В литературе большое внимание ранее уже уделялось механизму обеспечения безопасности УИС, применительно к УИИ в широком смысле им

является система мер по предупреждению и пресечению угроз с помощью определенных ресурсов. Стоит согласиться с авторами, утверждающими, что в него входят правовые, организационно-управленческие, экономические, технические, физические, психологические, информационные, культурные и другие аспекты. Эта система должна выполнять ряд функций [6, с. 130], в том числе, непосредственное противодействие угрозам безопасности и носителям (источникам) этих угроз путем принятия соответствующих мер воздействия.

В ходе исследования нами были выявлены источники угроз в адрес сотрудников УИИ, в частности, наибольшее их количество в адрес начальников и сотрудников УИИ исходило от осужденных; ранее судимых лиц; иных лиц; родственников осужденных (конечно, в числе лиц, со стороны которых сотрудники УИИ испытывали угрозу личной безопасности, могут быть друзья и знакомые осужденных, случайные люди, неизвестные граждане, асоциальные лица из района места проживания, более того, угрозы могут быть не связанными с профессиональной деятельностью сотрудников).

Угрозы безопасности сотрудников выражались в следующем: агрессивное поведение осужденных и их родственников, грубое отношение при посещении осужденных по месту жительства; угроза жизни со стороны осужденного, находящегося в состоянии алкогольного и (или) наркотического опьянения; страх сотрудников заразиться инфекционным заболеванием от осужденных, находящихся в состоянии алкогольного и (или) наркотического опьянения; угроза физической расправой; угроза, выражавшаяся в натравливании на инспектора собак при выходе в адрес; угроза в адрес родных сотрудника.

Наличие угроз личной безопасности сотрудников УИИ обусловлено во многом особенностями контингента, в том числе наличием большого числа среди подучетных лиц тех, которые ранее были судимы, не заняты трудом или учебой. Это оказывает влияние на уровень повторной преступности осужденных и соответственно безопасности сотрудников.

Наш опыт преподавания в группах повышения квалификации и переподготовки с сотрудниками УИИ, а также практика показывают, что особого подхода требуют осужденные из группы риска, личные характеристики которых объективно свидетельствуют о возможности совершения ими в будущем преступного деяния. Профилактическая работа с ними должна предусматривать, например, оказание помощи в социальной адаптации, своевременное принятие мер реагирования к нарушителям условий и порядка отбывания наказания, привлечение к профилактической работе разных специалистов, что положительно скажется на безопасности сотрудников УИИ.

На состояние безопасности сотрудников УИИ оказывает негативное влияние и то, что не всегда тщательно изучаются причины повторных преступлений осужденных: наличие у осужденного алкогольной и наркотической зависимости, неразвитость социальных норм поведения, низкий уровень самоконтроля, нежелание встать на путь исправления, безответственное отношение к назначенному наказанию; склонность осужденного к противоправному поведению, наличие судимостей; неадекватная оценка судом его личности и неоднократное назначение наказания без лишения сво-

боды, отсутствие должного контроля за поведением и образом жизни осужденного.

Опрос сотрудников УИИ показал, что угрозу безопасности они испытывают как в свободное от работы время, в рабочее время, так и во время участия в профилактических мероприятиях, когда возможна непредсказуемая реакция со стороны осужденного. В связи с этим требуется специальная психологическая подготовка.

Повышению уровня безопасности сотрудников УИИ могла бы способствовать оптимизация нагрузки на них при повышении персональной ответственности (отмечается некоторый рост нагрузки на одного сотрудника УИИ, причем в разных регионах она может существенно отличаться от общероссийского показателя), что может привести к стрессу и в итоге к нервному срыву у сотрудников. В литературе (Б.Б. Казак, А.И. Ушатиков) выделяют четыре основные группы факторов, вызывающих стресс у сотрудников: организационные; обусловленные содержанием самой работы; личного и семейного окружения; специфики профессии.

Кроме того, негативную реакцию со стороны лиц, состоящих на учете УИИ, могут вызвать нарушения законности в деятельности УИИ. Так, в 2018 г. в адрес территориальных органов ФСИН России, непосредственно в УИИ, исправительные центры и изолированные участки, функционирующие как исправительные центры, поступил 3931 акт прокурорского реагирования, что выше показателя предыдущего года (3597). В числе основных нарушений в деятельности УИИ можно назвать следующие: отсутствие контроля за поведением условно осужденных по месту их жительства, учебы, работы, возмещением вреда, причиненного преступлением; несвоевременное направление в суд в предусмотренных законом случаях представлений об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда; отсутствие контроля: за исполнением требований приговора администрацией организации, в которой работает осужденный к исправительным работам; поведением осужденного этой категории; соблюдением им требований приговора; ненадлежащее исчисление срока наказания в виде исправительных работ; несвоевременное направление представлений в суд в отношении осужденного к исправительным работам, злостно уклоняющегося от отбывания наказания, для решения вопроса о замене наказания более строгим видом наказания; отсутствие контроля за поведением осужденного к обязательным работам и учетом отработанного им времени; несвоевременное направление представлений в суд о замене этого наказания другим видом наказания; отсутствие контроля за соблюдением осужденными к ограничению свободы установленных судом ограничений; несвоевременное применение мер реагирования в связи с выявленными нарушениями порядка и условий отбывания этого наказания, в том числе с помощью технических средств надзора; отсутствие контроля за соблюдением осужденными к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью предусмотренного судом запрета со стороны администраций организаций, в которых работают такие осужденные, а также органов, правомочных аннулировать разрешение на занятие определенной деятельностью; отсутст-

вие контроля за нахождением подозреваемых (обвиняемых) в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и соблюдением установленных судом запретов; неприменение электронных средств контроля; непринятие или несвоевременное принятие мер реагирования на выявленные нарушения; неосуществление доставки находящегося под домашним арестом лица в органы дознания, предварительного следствия или в суд транспортным средством УИИ; затягивание времени при принятии решения о начале первоначальных розыскных мероприятий; нарушение сроков и низкая эффективность их проведения; ненадлежащее взаимодействие с подразделениями розыска территориальных органов ФСИН России [7].

На наш взгляд, обеспечению соблюдения законности в деятельности УИИ и соответственно безопасности сотрудников УИИ будут способствовать принимаемые ФСИН России меры (указываются в обзорах ФСИН России), направленные на повышение эффективности исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, в частности: тщательный анализ актов прокурорского реагирования для принятия мер реагирования в каждом конкретном случае на основе выявленных причин и условий, способствовавших нарушению законности; соблюдение сроков рассмотрения представлений прокуратуры согласно Федеральному закону от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [8]; обеспечение максимального применения свободного исправного оборудования СЭМПЛ для надзора за осужденными к ограничению свободы; постоянный анализ потребности УИИ в оборудовании СЭМПЛ и при необходимости перераспределение его между филиалами УИИ; систематическое совместное обсуждении с ОВД проблем взаимодействия в рамках предупреждения преступлений и иных правонарушений со стороны подучетных лиц (в процессе проведенных нами исследований было, в частности, установлено, что требуют решения вопросы планирования совместной деятельности с ОВД, недопущения формального подхода к реализации профилактических мероприятий); обеспечение соответствующего уровня и качества контроля, в том числе в рамках совместной деятельности, за поведением подучетных лиц.

В заключение также обратим внимание на необходимость улучшения материально-технической базы УИИ, что имеет прямое отношение к обеспечению безопасности сотрудников УИИ, в том числе, как указывается в обзорах ФСИН России, эффективнее решать вопросы защищенности помещений, в которых располагаются УИИ, и обеспечения сохранности их имущества.

Библиографический список

1. *Коробкова Е.А.* Честно и добросовестно служить Закону и народу! (интервью с начальником УОИНИО ФСИН России Е.А. Коробковой) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2019. – № 5. – С. 3–14.

2. Об итогах деятельности уголовно-исполнительных инспекций в 2018 году: обзор ФСИН России //http: фсин.рф

3. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 //

Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 33. – Ст. 1316.

4. О внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы" и Федеральный закон "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений": Федеральный закон от 28 декабря 2016 г. № 503-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 1 (часть I). – Ст. 44.

5. *Ермасов Е.В.* Состояние и перспективы совершенствования нормативного правового регулирования в сфере исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества // Сборник материалов VII Всероссийского совещания руководителей уголовно-исполни-тельных инспекций, исправительных центров и подразделений по контролю за исполнением наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, территориальных органов ФСИН России (г. Пушкин, 19–21 июля 2017 г.). – Пушкин, 2017. – С. 57–72.

6. *Казак Б. Б.* Уголовно-исполнительная система в механизме обеспечения внутренней безопасности общества: Теоретические и организационно-правовые аспекты: дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2000. – 728 с.

7. О состоянии законности в деятельности уголовно-исполнительных инспекций и исправительных центров в 2018 год: обзор ФСИН России // http: фсин.рф

8. См.: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» //Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 8. – Ст. 366.

Bibliographic list

1. Korobkova E.A. Honestly and conscientiously serve the Law and the people! (interview with the head of the UOINIO Federal Penitentiary Service of Russia E.A. Korobkova) // Bulletin of the penal system. 2019. No. 5. P. 3-14.

2. On the results of the activities of criminal executive inspections in 2018: a review of the Federal Penitentiary Service of Russia // http: fsin.rf

3. On institutions and bodies that carry out criminal sentences of imprisonment: Law of the Russian Federation of July 21, 1993 No. 5473-1 // Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1993. No. 33. Art. 1316.

4. On amendments to the Law of the Russian Federation “On Institutions and Bodies Executing Criminal Sentences of Deprivation of Liberty” and the Federal Law “On the Detention of Suspects and Accused of Committing Crimes”: Federal Law of December 28, 2016 No. 503-Federal Law // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2017. No. 1 (part I). Art. 44.

5. Ermasov E.V. The state and prospects of improving legal regulation in the field of execution of criminal sentences not related to the isolation of convicts from society // Proceedings of the VII All-Russian meeting of heads of criminal executive inspections, correctional centers and units for monitoring the execution of sentences not related to isolation of convicts from society, territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia (Pushkin, July 19-21, 2017). Pushkin, 2017. P. 57–72.

6. Cossack B. B. The penal system in the mechanism of ensuring the internal security of society: Theoretical and legal aspects: dis. ... Dr. jur. sciences. M., 2000. 728 p.

7. On the state of legality in the activities of criminal executive inspections and correctional centers in 2018: a review of the Federal Penitentiary Service of Russia // http: fsin.rf

8. See: Federal Law of January 17, 1992 No. 2202-1 “On the Prosecutor's Office of the Russian Federation” // Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1992. No. 8. Art. 366.

УДК 343.85
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.15.03.031

Организационно-правовые аспекты противодействия лидерам уголовно-преступной среды, отбывающих наказания в исправительных учреждениях и уголовно-исполнительных инспекциях

Н.П. Белая[*], С.Н. Захарченко[**], Б.Б. Казак[***]

Аннотация. Одной из проблем функционирования всех правоохранительных органов России является проблема противодействия так называемым «ворам в законе», иным авторитетам и лидерам уголовно-преступной среды, чья подрывная деятельность направлена на многие сферы общественных отношений – политических, экономических, социальных, духовных и т.д. Организованная преступность давно вышла за рамки одного государства и является угрозой всему мировому сообществу. Многие из них, содержащихся в следственных изоляторах, отбывающих наказание в исправительных учреждениях России, не снижают своей криминальной активности, пытаются дестабилизировать оперативную обстановку, поддерживают устойчивые связи с преступным миром на свободе, организуют совершение противоправных деяний. В связи с этим учреждения и органы, исполняющие наказания, при взаимодействии с другими правоохранительными структурами должны предпринимать адекватные упреждающие меры по их нейтрализации. Ключевыми подразделениями, на которые возложены такие задачи, являются оперативные аппараты. В предлагаемой статье рассматриваются только некоторые аспекты их работы по оперативному сопровождению криминальных авторитетов, а также анализируется прогрессивное, по мнению автора, зарубежное законодательство в данном направлении.

Ключевые слова: «воры в законе», авторитеты преступного мира, лидеры уголовно-преступной среды, противодействие преступным группам.

---

[*] *Белая Наталья Павловна,* судья Советского районного суда г. Рязани, кандидат юридических наук. E-mail: Natali-belaya@mail.ru

Belaya Natalia Pavlovna, judge of the Soviet district court of Ryazan, candidate of Law.

[**] *Захарченко Сергей Николаевич,* доцент кафедры организации оперативно-розыскной деятельности Института Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: kafoppd@rambler.ru

Zakharchenko Sergey Nikolaevich, associate Professor of the Department of operational investigative activities of the Institute Of the Academy of the FSIN of Russia, PhD, associate Professor.

[***] *Казак Бронислав Брониславович*, заведующий кафедрой правозащитной, правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета, доктор юридических наук, профессор. E-mail: kafoppd@rambler.ru

Kazak Bronislav Bronislavovich, Head of the Department of human rights, law enforcement, criminal law and process of Pskov State University, doctor of law, professor.

Organizational and legal aspects of counteraction criminal leaders environment serving punishments in correctional institutions and criminal-executive inspections

Annotation. One of the problems of the functioning of all law enforcement agencies in Russia is the problem of countering the so-called “thieves in law”, other authorities and leaders of the criminal and criminal environment, whose subversive activities are directed at many areas of social relations – political, economic, social, spiritual, etc. d. Organized crime has long gone beyond the framework of a single state and is a threat to the entire world community. Many of them held in pretrial detention facilities serving sentences in correctional institutions in Russia do not reduce their criminal activity, try to destabilize the operational environment, maintain stable ties with the underworld at large, and organize the commission of unlawful acts. In this regard, institutions and bodies that execute punishments, when interacting with other security agencies, should take adequate proactive measures to neutralize them. The key units entrusted with such tasks are operational devices. The proposed article considers only some aspects of their work on the operational support of criminal authorities, and also analyzes the progressive, in the author's opinion, foreign legislation in this direction.

Keywords: "thieves in law", the authorities of the underworld, the leaders of the criminal environment, opposition to criminal groups.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 г. № 1772-р [7], указывает, что одной из проблем функционирования учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, является наличие криминальных очагов, создающих реальную угрозу нормальной деятельности исправительных учреждениях, особенно в тех, где содержаться так называемые «авторитеты» и лидеры уголовной преступной среды, которые необходимо нейтрализовать во взаимодействии с иными правоохранительными органами.

Оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы постоянно осуществляется комплекс оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и разобщению группировок осужденных отрицательной направленности в местах лишения свободы, их лидеров и активных участников, развенчанию так называемых «воров в законе», изолированию данной категории осужденных от общей массы в штрафные изоляторы, помещения камерного типа, строгие условия содержания и, как наиболее эффективные меры – переводу их в единые помещения камерного типа (ЕПКТ) или на тюремный вид режима.

В отдельных исправительных учреждениях лидеры и активные участники группировок осужденных отрицательной направленности по-прежнему оказывают негативное влияние на оперативную обстановку, пропаганди-

руют так называемые «воровские традиции» и «обычаи преступного мира». Нередко они открыто сами противодействуют сотрудникам администрации в выполнении ими своих должностных обязанностей либо используют для этих целей других осужденных.

Практика свидетельствует об увеличении криминальной сплоченности «верхушки» криминального мира, росте уровня ее организованности, использовании все более скрытых и изощренных преступных деяний.

В настоящее время в исправительных учреждениях находятся 1463 лидеров и активных участников группировок отрицательной направленности [6], что составляет примерно 1,8 % от всех осужденных, состоящих на профилактическом учете в исправительных колониях.

Саму элиту преступного мира (т.н. «воров в законе») в настоящее время можно охарактеризовать следующим образом. В основном это лица мужского пола (98 %), имеющие высокий образовательный уровень (57 % с высшим образованием), более половины из них (56 %) до ареста нигде не работали, по социальному происхождению – это выходцы из рабочих семей (52 %), как правило, состоящие в браке и имеющие детей (68 %). Среди них примерно 50 % имеют судимость, а в 36 % случаев – не одну [1, с. 23].

Для того чтобы предотвратить особое влияние лидеров преступного мира на других осужденных, а так же на всю уголовно-исполнительную систему, необходимо выработать определенный механизм и комплекс методов оперативно-розыскного предупреждения их деятельности.

Как правило, лидеры, активно и открыто противопоставляющие себя администрации исправительного учреждения, по согласованию с главным оперативным управлением ФСИН России переводятся на определенный срок в тюрьму, либо в помещения камерного типа.

Положительным опытом можно признать перевод так называемых «воров в законе» в УФСИН России по Республике Коми в единое помещение камерного типа, созданное на базе исправительной колонии для осужденных женщин. В таком положении авторитеты фактически полностью утеряли какие-либо связи с иными лидерами уголовно-преступной среды как находящихся в изоляции от общества, так и пребывающих на свободе. Этому способствовал также качественный подбор сотрудников, обеспечивающих функционирование ЕПКТ.

В зависимости от степени общественной опасности групп и их лидеров осуществляются различные по характеру оперативно-розыскные мероприятия, направленные на недопущение или пресечение противоправной деятельности, устранение вредоносности влияния на порядок отбывания наказания основной массой осужденных. Учитывая, что группы отрицательной направленности часто связаны с представителями криминальной среды за пределами учреждения, а также с некоторыми категориями лиц из персонала администрации, необходимо устанавливать продуктивное взаимодействие с ОВД, Федеральной службой безопасности (особенно с теми, на территории которых дислоцировано исправительное учреждение).

Еще одной важной задачей указанных подразделений является обеспечение постоянного оперативного прикрытия (сопровождения) т.н. «воров

в законе», иных лидеров преступной среды, предупреждение их противоправной деятельности [2, с. 97-100].

Важнейшим фактором, предопределяющим успешность работы в направлении предупреждения противоправной деятельности лидеров является своевременность и полнота получения первичной оперативно-розыскной информации об их появлении в среде осужденных и о характере их противоправной деятельности. Эти данные должны содержать ряд объективных признаков, а именно совершение лицом действий, противоречащих требованиям законодательства, создание группировок лиц с подобными целями, подготовка к совершению противоправных деяний, пропаганда «воровской идеологии».

Работа по выявлению лиц рассматриваемой категории должна осуществляться с момента их поступления в ИУ. Необходимо постоянно осуществлять оперативный поиск с целью обнаружения первичной оперативной информации в отношении следующих категорий осужденных:

– причисляемых себя к «ворам в законе»;
– иных лидеров криминальной среды;
– лиц из числа ближайшего окружения лидеров;
– судимых за создание организованных преступных групп или активное участие в них;
– лиц, которые в период содержания в СИЗО, других ИУ принимали непосредственное участие в организации и осуществлении активного противодействия персоналу, дезорганизующих работу учреждений ФСИН России, массовых беспорядков, групповых отказов от приема пищи и выхода на работу, а также других групповых неповиновений;
– иных лиц, представляющих оперативный интерес для борьбы с так называемых «ворами в законе», лидерами и «авторитетами» криминальной среды.

Постановка данных лиц на профилактический учет осуществляется в соответствии с приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 20 мая 2013 г. № 72 «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы». Так, согласно п. 24 данного нормативно-правового акта подлежат постановке на профилактический учет лидеры и активные участники группировок отрицательной направленности, а также лица, оказывающие негативное влияние на других подозреваемых, обвиняемых и осужденных, куда мы относим и так называемых «воров в законе» [3].

По статистическим данным ФСИН России, в учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, на конец декабря 2017 г. на профилактических учетах как лидеры, активные участники группировок отрицательной направленности содержалось: в ИК – 1463 человека; тюрьмах – 91; СИЗО – 237; колониях-поселениях – 2; лечебных исправительных учреждениях – 92; лечебно-профилактических – 12; помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов – 9.

В процессе контроля за данными лицами применяется весь комплекс сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности. При разработке так называемых «воров в законе», лидеров, «авторитетов», как прави-

ло, используют возможности не только подразделений ФСИН России, но и потенциал подразделений МВД России, ФСБ Росси, что способствует изобличению и привлечению данной категории осужденных к уголовной ответственности.

Все мероприятия, связанные с временными ограничениями конституционных прав граждан, необходимо проводить исключительно при соблюдении оснований и условий, предусмотренных ст. 7, 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

В ходе оперативной проверки в отношении так называемых «воров в законе», лидеров, «авторитетов» уголовно–преступной среды оперуполномоченные обязаны выявлять сведения, которые могут в дальнейшем быть использованы для компрометации и «подрыва» авторитета, а также развенчания данных категорий граждан. Сбор такой информации осуществляется по всем «фронтам» и любых источников с последующей перепроверкой данной информации, с момента прибытия в исправительное учреждение не только так называемых «воров в законе», но и осужденных отрицательной направленности. В последующем при проведении бесед различной направленности необходимо использовать также и технические средства, стоящие на вооружении в оперативных подразделениях ФСИН России [4].

При работе с лидерами уголовно-преступной среды следует использовать законы и традиции преступного мира, которые могут сыграть решающую роль при развенчании их авторитета. К фактам, которые могут к этому привести следует отнести:

– оказание помощи правоохранительным органам (выступал в качестве свидетеля в суде и др.);

– невозможность погашения долгов по «игре»;

– присвоение «общака»;

– работа по благоустройству исправительного учреждения;

– кражи «у своих»;

– присвоение денежных средств, продуктов питания и т.п., принадлежащих осужденным, находящимся «под крышей» (ШИЗО, ЕПКТ, ПКТ);

– и другие нарушения воровских традиций, которых неукоснительно обязан соблюдать каждый из рассматриваемой категории.

Для более качественного осуществления мер по противодействию данным лицам, необходимо обратить внимание на ближайшего криминогенного «соседа» Российской Федерации – Грузию и законодательные меры борьбы с лидерами криминальной среды, имеющиеся там. Так, в ст. 2231 Уголовного кодекса Грузии «Членство в воровском сообществе, «вор в законе»» говорится:

«1. Членство в воровском сообществе – наказывается лишением свободы на срок от пяти до восьми лет, штрафом или без такового.

2. Пребывание лица в положении «вора в законе» – наказывается лишением свободы на срок от семи до десяти лет, штрафом или без такового».

Статистика, отраженная на различных сайтах показывает, что доля «воров в законе» (представителей грузинской национальности) составляет 56 % от их общего числа, находящихся на территории Российской Федерации. Поэтому считаем целесообразным рассмотреть методы и способы

борьбы с данной категорией граждан в рамках изучения зарубежного опыта, взаимодействия с другими государствами (особенно стран–участников СНГ), разработать план совместных мер противодействия лидерам [5].

В качестве инициативных предложений предлагаем:

– закрепить на законодательном уровне по аналогии с грузинским законодательством понятие «вор в законе»;

– внести изменения в ч. 4 ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества или участие в нем», где при личном признании лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, к основному сроку отбывания уголовного наказания автоматически будет добавлено от пяти до десяти лет лишения свободы;

– предусмотреть возможность освобождения от уголовного наказания, указанного выше, при публичном отречении так называемых «вора в законе» от такого статуса, задокументированного соответствующим образом (написание заявления, применение видеофиксации), а также в иных случаях в рамках ведомственных нормативных актов, регламентирующих организацию и тактику осуществления оперативно-розыскной деятельности.

Считаем, что такие меры могут не только способствовать реальному противодействию криминальным авторитетам, но и развивать подсобный аппарат оперативных подразделений в его качественной составляющей.

Библиографический список

1. *Дудкина, Е.И.* Криминологические особенности личности участников организованных преступных формирований и профилактическое воздействие на них: автореф. дисс. … канд. юрид наук /Е.И. Дудкина. – Саратов: Сарат. гос. юрид. академия, 2016. – 33 с.

2. Кутякин, С.А. Организация криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России: монография / С.А. Кутякин. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2008. – 155 с.

3. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 20 мая 2013 г. № 72 (ред. от 02.11.2018) «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы» //Российская газета, 2013, 5 июня.

4. *Смирнова И.Н., Казак Б.Б., Ушатиков А.И.* Организационные и психологические основы исправления и ресоциализации осужденных: учеб. пособие / под общ. ред. С.Х. Шамсунова. – 3-е изд., испр. и доп. – Псков: Псков, юрид. ин-т Федеральной службы исполнения наказаний, 2007. – 218 с.

5. *Ушатиков А.И., Казак Б.Б.* Основы пенитенциарной психологии: учебник / под ред. С.Н. Пономарева. – Рязань, 2002. – 554 с.

6. Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС за декабрь 2017 года (нарастающим итогом). (Форма 2-УИС) //www/ base.garant.ru/

7. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 г. № 1772-р (ред. от 23.09.2015) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 43. – Ст. 5544.

Bibliographic list

1. Dudkina, E.I. Criminological characteristics of the personality of participants in organized criminal groups and the preventive effect on them: abstract. diss. ... cand. Juridical Sciences / E.I. Dudkina. Saratov: Sarat. state legal Academy, 2016. 33 p.

2. Kutyakin, S.A. The organization of criminal opposition in the criminal-executive system of Russia: monograph / S.A. Kutyakin. Ryazan: Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service, 2008. 155 p.

3. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated May 20, 2013 No. 72 (as amended on 02.11.2018) “On approval of the Instructions for the prevention of offenses among persons held in institutions of the penal system” // Rossiyskaya Gazeta, 2013, June 5th.

4. Smirnova I.N., Kazak B.B., Ushatikov A.I. Organizational and psychological foundations of correction and resocialization of convicts: textbook. allowance / under the general. ed. S.Kh. Shamsunova. – 3rd ed., Rev. and add. Pskov: Pskov, Law Institute of the Federal Penitentiary Service, 2007. 218 p.

5. Ushatikov A.I., Kazak B.B. The basics of penitentiary psychology: a textbook / ed. S.N. Ponomarev. Ryazan, 2002. 554 p.

6. Report on the state of crime among people held in penal institutions for December 2017 (cumulative). (Form 2-UIS) //www/base.garant.ru/

7. Decree of the Government of the Russian Federation of October 14, 2010 No. 1772-r (as amended on September 23, 2015) “On the Concept of Development of the Criminal Executive System of the Russian Federation until 2020” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 43. Art. 5544.

УДК 343.0
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.15.03.031

К вопросу об организации деятельности по предупреждению преступлений, совершаемых лицами, страдающими расстройствами сексуального предпочтения и отбывающими наказание в исправительных колониях

И.В. Борисенко[*], Е.А. Лубков[**], К.О. Саддарова[***]

Аннотация. Авторы рассматривают категорию осужденных, имеющих психические расстройства в форме педофилии, отбывающих наказание в местах лишения свободы совместно с исполнением принудительных мер медицинского характера. Кроме того, в статье анализируется применение основных средств исправления к этой категории осужденных, а также осуществление в отношении их административного надзора после отбытия ими наказания для выработки мер по предупреждению данных преступлений. Авторы приходят к выводу, что в настоящий момент меры, осуществляемые в исправительном учреждении, реализуются не в полном объеме, что обусловливает высокий процент рецидива.

Ключевые слова: психические расстройства, педофилия, осужденные, исправительная колония, психологическая работа, особенности личности, дефекты психики, профилактический учет, средства исправления.

Prevention of crimes committed by persons suffering from disorders of sexual preference and serving sentences in correctional colonies

Annotation. The authors consider the category of prisoners with mental disorders in the form of pedophilia, was serving a sentence in places of depriva-

[*] *Борисенко Ирина Владимировна,* доцент кафедры правозащитной, правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета, кандидат юридических наук.

Borisenko Irina Vladimirovna, associate professor of the department of human rights, law enforcement, criminal law and the process of the Pskov State University of Applied Sciences, Candidate of Law.

[**] *Лубков Евгений Александрович,* старший эксперт отдела криминалистики СУ СК России по Псковской области, кандидат юридических наук, доцент.

Lubkov Evgeny Aleksandrovich, Senior Expert of the Department of Criminology, SU of the IC of Russia in the Pskov Region, Candidate of Law, Associate Professor.

[***] *Саддарова Ксения Олеговна,* преподаватель кафедры организации режима и оперативно-розыскной деятельности в УИС ФКУ ВО Псковский филиал Академии ФСИН России.

Saddarova Ksenia Olegovna, lecturer at the Department of Organization of the Regime and Investigation Activities at the Penal Correctional Administration of the Federal Penitentiary Institution of Higher Education Pskov branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

tion of liberty in conjunction with the execution of coercive measures of a medical nature. In addition, the article analyzes the application of basic means of correction to this category of convicts, as well as the implementation of administrative supervision over them after serving their sentence to develop measures to prevent these crimes. The authors conclude that, at the moment, the measures taken in the correctional institution are not fully implemented, which leads to a high rate of relapse.

Keywords: mental disorder, pedophilia, convicts, penal colony, psychological work characteristics, the defects of the psyche, preventive care, and the means of correction.

В учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) с каждым годом все больше содержится лиц, совершивших преступления и имеющих различные психические расстройства. Анализ сведений о социально значимых заболеваниях и отдельных показателях медицинских службы в учреждениях УИС за 4 квартал 2018 года показал, что 20 % от числа всех осужденных имеют различные психические расстройства, в том числе сексуального предпочтения в форме педофилии [1], которое относится к одной из самых распространенных сексуальных девиаций [2, с. 119–129].

Только в прошедшем году было несколько громких дел, связанных с сексуальными действиями в отношении детей. В Оренбургской области мужчина был приговорен к 18 годам лишения свободы в колонии строгого режима за изнасилования, которые были совершены им в отношении малолетних детей.

Причин появления этого расстройства множество. Основоположник современной сексологии и автор первого труда по сексуальным преступлениям «Преступления любви. Половая психопатия» Крафт-Эбинг отмечает, что такие преступления могут совершаться на почве приобретенного слабоумия, хронического алкоголизма и эпилепсии, врожденных состояний умственной недостаточности [3, с. 57–63]. Специалисты в области биологической психиатрии (Филадельфия, Пенсильвания) утверждают, что механизмы мозга, лежащие в основе педофилии и на сегодняшний день полностью не изучены, но используя функциональную магнитно-резонансную томографию пришли к выводу, что у лиц с расстройствами сексуального предпочтения (педофилия) при просмотре сексуально возбуждающих фотографий снижена активация гипоталамуса, области мозга, участвующей в регулировании физиологического возбуждения и гормонального выброса, по сравнению со здоровыми людьми. Выявленный дефицит активации в лобной коре исследователи напрямую связывают со степенью педофильного поведения. Кроме того, исследователи отмечают, что данное расстройство плохо поддается лечению [4, с. 861–1042].

Судебный сексолог Г.Е. Введенский к причинам педофилии относит возможную задержку психического и сексуального развития, которая приводит к тому, что в 18–20 лет человек ощущает себя на 10–12, поэтому в обществе детей чувствует себя более комфортно [5, с. 34–40].

Таким образом, большинство насильственных преступлений совершается лицами, страдающими психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, в том числе в форме педофилии, а среди рецидивистов они занимают 90 %, что также подтверждают данные исследований [6, с. 54–59]. Общество ждет соответствующего реагирования, так как данные осужденные после отбытия ими наказания будут представлять серьезную социальную опасность.

Согласно ст. 97 УК РФ данные лица отбывают наказание в исправительных колониях, а согласно ст. 104 УК РФ совместно с наказанием к ним применяются принудительные меры медицинского характера в виде амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра.

Для эффективного применения механизма реагирования на данную категорию осужденных необходимо проанализировать, как осуществляется исправительное воздействие в отношении их в местах лишения свободы, а также как осуществляется контроль за этой особой категорией после отбытия ими наказания и прекращения в отношении их лечения.

Нами были проанализированы личные дела осужденных, имеющих расстройства в форме педофилии, которым было назначено наказание в виде лишения свободы совместно с исполнением принудительных мер медицинского характера. Из анализа личных дел мы пришли к выводу, что только требования режима исполняются в полном объеме, а именно:

– соблюдаются требования изоляции;

– проводятся обыска и досмотры;

– действуют правила внутреннего распорядка такие же, как и в отношении других осужденных;

– осуществляется постоянный надзор;

– согласно приказу от 20 мая 2013 г. № 72 «Об утверждении инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы» такие осужденные состоят на профилактическом учете как склонные к посягательствам на половую свободу и половую неприкосновенность.

Остальные средства исправления из анализа личных дел осужденных применяются лишь в части. Такие осужденные практически не привлекаются к труду и получению образования, не имеют поощрений и взысканий, а психологическая работа с этой категорией в исправительных учреждениях осуществляется только в рамках реализации базовых типовых программ, а также сопровождения профилактического учета, что является недостаточным ввиду особенностей личности, обусловленной спецификой заболевания. Лечение такой категории включает в себя прием антиандрогенов в сочетании с психотерапевтическими методиками. Однако, в российской пенитенциарной системе в настоящее время отсутствуют апробированные методики применения данных препаратов, не определены четкие сроки и длительность их применения. Использование психотерапевтических методик в отношении таких осужденных крайне важно, однако эффективность их также не доказана. Надлежащая психокоррекционная работа также не может быть осуществлена и в силу отсутствия в исправительных учреждениях врача-психиатра, имеющего специального познания

в области сексологии. Выбор той или иной психокоррекционной методики должен осуществляться с учетом индивидуально-личностных особенностей лица специалистом с познаниями в области сексологии, а именно врачом психиатром-сексологом, который мог бы точно оценивать внутрипсихические переживания, а также имеющиеся у больного глубинные изменения в сфере отношений, либидо и стремления к объекту вожделения.

Таким образом, в настоящее время мы не можем говорить об эффективности той исправительной работы, которая осуществляется в отношении осужденных, имеющих расстройства сексуального предпочтения в форме педофилии. Кроме того, мы согласны с мнением специалистов-сексологов, которые в своих исследованиях обращают внимание на то, что такие лица опасны для окружающих и требуют повышенного надзора и врачебного наблюдения, при этом достичь излечения данного заболевания крайне трудно [7, с. 112–119]. В случаях наступления ремиссии любого психического заболевания применение мер медицинского характера прекращаются, однако вопрос о том, сколько продлится течение ремиссии, до сих пор остается открытым.

После отбытия срока наказания в отношении этой категории осужденных устанавливается административный надзор согласно ст. 173.1 УИК РФ, однако данная мера также имеет свой срок. Нами был изучен случай неоднократного совершения преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних гражданином, ранее отбывавшим наказание за подобное сексуальное преступление. В отношении его был установлен административный надзор, который был прекращен в связи с истечением срока.

В настоящий момент исполнение наказания совместно с принудительными мерами медицинского характера в отношении осужденных, имеющих психические расстройства в форме педофилии, недостаточно эффективно в силу того, что деятельность исправительных учреждений не может в полной мере обеспечить достижение целей уголовно-исполнительного законодательства, что и обусловливает совершение таких преступлений вновь. Связано это во многом с несовершенством организации исправительного процесса, в частности, с усеченным применением основных средств исправления, а также с отсутствием четких сроков применения принудительных мер медицинского характера. Кроме того, повторному совершению преступлений способствуют недостатки в проведении психокоррекционных мероприятий во время и после отбытия осужденными наказания и неэффективность мер по обеспечению административного надзора. В связи с этим, необходима корректировка отдельных норм (ст. 173.1 УИК РФ) в части установления административного надзора в отношении данной категории, так, в случаях, если имеющиеся у осужденного заболевание не подлежит излечению в полной мере, очевидна необходимость установления пожизненного постоянного наблюдения. В исправительном учреждении необходимо более полное изучение особенностей личности этой категории и специфики заболевания сотрудниками психологической службы, а осуществление психокоррекционной работы должно проводиться совместно с привлечением психиатра-сексолога. К исправительному процессу необходимо подключать и сотрудников и других служб (оперативный отел,

дежурная служба, воспитательный отдел) для комплексного и всестороннего воздействия на данную категорию.

Библиографический список

1. Сведения о социально значимых заболеваниях и отдельных показателях медицинской службы (4 квартал 2018 года) // https: //www.rosminzdrav.ru/ ministry/ 61/ 22/ stranitsa-979/ statisticheskie-informatsionnye-materialy/ statisticheskiy-sbornik-2018-god

2. *Антонян Ю.М., Гульдан В. В.* Криминальная патопсихология. – М.: Наука, 1991. – 241 с.

3. *Рихард фон Крафт-Эбинг*. Преступления любви. Половая психопатия. – М.: Издательство Литагент Алгоритм, 2017. – 167 с.

4. Berlin F.S. Pedophili // The International Encyclopedia of Human Sexuality / Whelehan P., Bolin A. – Chicester, UK: Wiley-Blackwell, 2015. – P. 861-1042.

5. *Ткаченко А.А., Дворянчиков Н.В., Введенский Г.Е.* Судебная сексология. – М.: Издательство Бином, 2016. – 770 с.

6. *Антонян Ю.М.* Быть жертвой. Природа сексуального насилия. – М.: Издательство Алгоритм, 2017. – 368 с.

7. *Ткаченко А.А.* Сексуальные извращения – парафилии. – М.: Триада–Х, 1999. – 461 с.

Bibliographic list

1. Information on socially significant diseases and selected indicators of the medical service (Q4 2018) // https: //www.rosminzdrav.ru/ministry/61/22/stranitsa-979/statistiches kie-informatsionnye-materialy/statisticheskiy-sbornik-2018-god

2. Antonyan Yu.M., Guldan VV Criminal pathopsychology. M.: Nauka, 1991. 241 p.

3. Richard von Kraft-Ebing. Crimes of love. Sexual psychopathy. M.: Publisher Litagent Algorithm, 2017. 167 p.

4. Berlin F.S. Pedophili // The International Encyclopedia of Hu-man Sexuality / Whelehan P., Bolin A. Chicester, UK: Wiley-Blackwell, 2015. P. 861-1042.

5. Tkachenko A.A., Dvoryanchikov N.V., Vvedensky G.E. Forensic sexology. M.: Binom Publishing House, 2016. 770 p.

6. Antonyan Yu.M. Be a victim. The nature of sexual abuse. M.: Algorithm Publishing House, 2017. 368 p.

7. Tkachenko A.A. Sexual perversions are paraphilia. M.: Triad – X, 1999. 461 p.

УДК 343.0
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.15.03.032

Правовое регулирование полномочий уголовно-исполнительных инспекций по применению мер воздействия к осужденным без изоляции от общества

Л.Ю. Буданова[*], В.Б. Шабанов[**]

Аннотация. Основные направления современной уголовной политики Российской Федерации получили наиболее полное и концентрированное отражение в Уголовном кодексе РФ и Уголовно-исполнительном кодексе РФ. Суть этих направлений состоит в усилении борьбы с тяжкими и особо тяжкими преступлениями при одновременном смягчении условий применения мер уголовной ответственности к лицам, впервые привлеченным к ответственности за преступления небольшой и средней тяжести.

Ключевые слова: уголовно-исполнительные инспекции, наказания без изоляции от общества, меры воздействия, осужденный, суд, замена наказания.

Legal regulation of the powers of the penitentiary inspections on the application of coercive measures to convicts without isolation from society

Annotation. The main directions of the modern criminal policy of the Russian Federation received the most complete and concentrated reflection in the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Executive Code of the Russian Federation. The essence of these areas is to strengthen the fight against grave and especially grave crimes while simultaneously mitigating the conditions for the application of criminal liability measures to persons first brought to justice for crimes of small and medium gravity.

Keywords: penal inspections, punishments without isolation from society, measures of influence, convicted person, court, replacement of punishment.

[*] *Буданова Людмила Юрьевна,* старший преподаватель кафедры организации режима и оперативно-розыскной деятельности в УИС Псковского филиала Академии ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: milabudanovapskov@mail.ru

Budanova Lyudmila Yurievna, candidate of law, senior lecturer of the Department of organization of the regime and operational investigative activities in the UIS of the Pskov branch of the Academy of the FSIN of Russia.

[**] *Шабанов Вячеслав Борисович,* профессор кафедры правозащитной, правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Shabanov Vyacheslav Borisovich, Professor of the Department of Human Rights, Law Enforcement, Criminal Law and Process, Doctor of Law, Professor (Pskov State University).

Исходя из объективной необходимости определенного вмешательства в гарантированную конституцией совокупность прав личности для достижения общего блага, соблюдения интересов каждого члена общества, международные нормы, соглашения и национальное законодательство нашей страны осуществляют последовательное правовое обеспечение такого вмешательства на всех уровнях его применения.

Конституция 1993 г. впервые включила в правовую систему Российского государства принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации (ч. 4 ст. 15). Это обстоятельство дало возможность лицам, вовлеченным в процесс исполнения наказания, при защите своих прав и свобод прямо ссылаться на нормы международного права, ибо Конституция РФ четко закрепила правило, согласно которому в случае возникшего противоречия между российскими законами и международными нормами приоритет имеют нормы международного договора. Это правило распространяется и на уголовное судопроизводство по вопросам исполнения приговора, что подтверждается и ч. 3 ст. 1 УПК РФ.

В 1990 году VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями были приняты Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) [1]. Они имеют рекомендательный характер и распространяются на всю сферу уголовной юстиции (от стадии возбуждения уголовного дела до последующей ресоциализации виновного).

Так, на всех стадиях должно обеспечиваться уважение человеческого достоинства правонарушителя, к которому применяются не связанные с тюремным заключением меры. Правонарушитель имеет право подать запрос или жалобу в судебный или другой компетентный независимый орган по вопросам, затрагивающим его личные права в процессе применения таких мер. Меры, не связанные с лишением свободы, исключают проведение медицинских или психологических экспериментов над правонарушителем либо неоправданный риск причинения ему физической или душевной травмы [2, с. 9–10].

Система уголовного правосудия должна предусматривать широкий выбор мер, не связанных с тюремным заключением, от досудебных до послесудебных мер. Число и виды таких мер должны определяться таким образом, чтобы оставалась возможной последовательность приговоров. Выбор меры, не связанной с тюремным заключением, основывается на оценке установленных критериев в отношении как характера и степени тяжести правонарушения, так и личности, биографии правонарушителя, целей приговора и прав жертв.

Токийские правила предусматривают при нарушении условий, подлежащих соблюдению осужденным, изменение или отмену меры, не связанной с изоляцией осужденного от общества, только после тщательного рассмотрения фактов, представленных как сотрудником, исполняющим наказание или меру уголовно-правового характера, так и самим осужденным. Таким образом, представление сведений и документов в ходе судеб-

ного заседания в обоснование заявленного в представлении ходатайства входит в обязанности представителя уголовно-исполнительной инспекции.

Законодательной основой правового регулирования общественных отношений, связанных с деятельностью уголовно-исполнительных инспекций по исполнению альтернативных лишению свободы видов наказаний и мер уголовно-правового характера, в современном российском законодательстве является Конституция РФ. Она выходит за рамки любой отрасли законодательства: ее нормы имеют прямое действие. В Основном законе содержатся основные предписания по вопросам безопасности, обеспечения прав и свобод граждан, охраны собственности и общественного порядка. Помимо Конституции, уголовно-исполнительные инспекции в своей деятельности руководствуются федеральными законами, указами и распоряжениями Президента РФ, постановлениями и распоряжениями Правительства РФ, иными нормативными правовыми актами.

Вместе с тем следует отметить, что основные направления современной уголовной политики Российской Федерации получили наиболее полное и концентрированное отражение в УК РФ и УИК РФ. Суть этих направлений состоит в усилении борьбы с тяжкими и особо тяжкими преступлениями при одновременном смягчении условий применения мер уголовной ответственности к лицам, впервые привлеченным к ответственности за преступления небольшой и средней тяжести. В плане гуманизации ответственности это проявилось в первую очередь в увеличении предусмотренных УК РФ видов наказаний, призванных служить альтернативой наказанию в виде лишения свободы. Соответственно УИК РФ предусмотрены нормы, регламентирующие порядок и условия их исполнения и отбывания.

УИК РФ детально регламентирует виды наказаний, которые исполняют уголовно-исполнительные инспекции, а также вопросы исполнения наказаний без изоляции осужденных от общества и контроля за поведением условно осужденных. Кроме того, УИК РФ подробно регулирует систему контроля за исполнением наказаний и иных мер уголовно-правового характера и деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, в том числе, по применению мер воздействия к осужденным.

Положение об уголовно-исполнительных инспекциях, утвержденное Постановлением Правительства РФ от 16.06.1997 № 729, регламентирует задачи, права и обязанности уголовно-исполнительных инспекций [3].

Кроме перечисленных нормативных актов, следует назвать:

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.03.2010 № 198 «Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых уголовно-исполнительными инспекциями для обеспечения надзора за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы», в котором средства персонального надзора и контроля, такие как электронный браслет, стационарное контрольное устройство, мобильное контрольное устройство, ретранслятор, персональный трекер, а также технические средства и устройства региональных информационных центров – сервер мониторинга, сервер аудиовизуального контроля, стационарный пульт мониторинга, мобильный пульт мониторинга [4].

2. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 20.05.2009 № 142 «Об утверждении инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» (далее – Инструкция) [5].

3. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 11.10.2010 № 258 «Об утверждении Инструкция по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы», которая также регламентирует порядок обращения приговора к исполнению, а именно в день регистрации копии приговора уголовно-исполнительная инспекция направляет в суд, вынесший приговор (определение, постановление), извещение о принятии его к исполнению, которое составляется на бланке, уголовно-исполнительная инспекция осуществляется надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, который заключается в наблюдении за поведением осужденных, соблюдением ими установленных судом ограничений и принятии в случае необходимости установленных законом мер воздействия, согласно п. 35 решение о применении к осужденному технических средств надзора и контроля оформляется в форме постановления, которое объявляется осужденному и лицам, проживающим совместно с ним, при этом разъясняется ответственность осужденного за порчу оборудования, отмена использования оборудования согласно п. 39 в случае в том числе изменения судом установленных ограничений производится по постановлению начальника уголовно-исполнительной инспекции. Согласно п. 49 начальник уголовно-исполнительной инспекции при поступлении сведений об антиобщественном образе жизни осужденного, посещении им мест, связанных с употреблением алкогольных напитков либо наркотических средств, вносит в суд мотивированное представление о дополнении ранее установленных осужденному ограничений. В соответствии с п. 66 в случае наступления психического расстройства или иной тяжелой болезни, препятствующих отбыванию наказания, осужденный вправе через уголовно-исполнительную инспекцию обратиться с ходатайством в суд. При невозможности самостоятельного обращения осужденного либо его законного представителя представление об освобождении осужденного от дальнейшего отбывания наказания вносится в суд начальником уголовно-исполнительной инспекции [6].

4. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 29.06.2012 № 125 «Об утверждении Административного регламента предоставления государственной услуги по организации рассмотрения предложений, заявлений и жалоб осужденных и лиц, содержащихся под стражей», согласно которому обращения, адресованные прокурору, в суд и т. д., цензуре не подлежат и не позднее следующего за днем подачи обращения или ходатайства рабочего дня направляются адресату в запечатанном пакете, о чем согласно п. 30 уведомляется заявитель [7].

5. Постановление Правительства РФ от 6.02.2004 № 54 «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью». В Постановлении утвержден перечень заболеваний, препятствующих отбытию осужденным наказания. Согласно п. 3 и п. 4 «медицинское освидетельствование осужденных осу-

ществляется медицинскими комиссиями лечебно-профилактических учреждений УИС Министерства юстиции РФ» и состоит не менее чем из трех врачей. Форма направления на медицинское освидетельствование и форма заключения комиссии утверждаются Министерством юстиции РФ по согласованию с Министерством здравоохранения РФ [8].

Федеральная служба исполнения наказаний была создана государством для решения задач по обеспечению исполнения уголовных наказаний, содержания подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных, находящихся под стражей, их охраны и конвоирования, а также контроля за поведением условно осужденных, которым судом предоставлена отсрочка отбывания наказания, и др.

В соответствии с подпунктами «и», «л», «м» пункта 7 Положения об уголовно-исполнительных инспекциях законодательством Российской Федерации на уголовно-исполнительные инспекции при принятии мер воздействия к осужденным при злостном или систематическом нарушении ими порядка и условий отбывания наказания возлагаются следующие основные обязанности:

– внесение в суды в установленном порядке представлений по вопросам дальнейшего отбывания осужденными наказания и освобождения от наказаний;

– внесение в суды в установленном законом порядке представлений об отмене полностью или частично либо дополнении ранее установленных обязанностей для условно осужденных, а также о продлении испытательного срока;

– внесение в суды в установленном законом порядке представлений об отмене частично либо о дополнении ранее установленных осужденному к наказанию в виде ограничения свободы ограничений, а также о замене осужденному, уклоняющемуся от отбывания наказания, неотбытой части наказания в виде ограничения свободы наказанием в виде лишения свободы.

Таким образом, в соответствии с действующим законодательством, уголовно-исполнительные инспекции при применении к осужденному такой меры воздействия, как направление в суд представления по вопросам исполнения приговора, вступают в уголовно-процессуальные отношения при рассмотрении и разрешении судом вопросов, касающихся исполнения приговора. Однако законодателем учреждения и органы, исполняющие наказания, не включены в число участников уголовного судопроизводства, которым посвящена гл. 6 УПК РФ, а их права и обязанности не урегулированы, что препятствует не только их эффективной деятельности, но и осуществлению уголовной политики государства в целом и решению задач уголовного судопроизводства – в частности [3].

Библиографический список

1. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила): приняты Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. // http://constitution.garant.ru/act/right/meg-dunar/12123833/

2. *Казак Б.Б., Смирнова И.Н.* Международные правовые акты, регламентирующие исполнение наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, и проблемы их реализации в России: лекция. – Псков: Псков. юрид. ин-т ФСИН России, 2012. – 31 с.

3. Постановление Правительства РФ от 16.06.1997 № 729 (ред. от 23.04.2012) «Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности» //Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 25. – Ст. 2947.

4. Постановление Правительства РФ от 31.03.2010 № 198 «Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых уголовно-исполнительными инспекциями для обеспечения надзора за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 14. – Ст. 1663.

5. Приказ Минюста России от 20.05.2009 № 142 (ред. от 22.08.2014) «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» // Российская газета, 2009, 14 августа.

6. Приказ Минюста России от 11.10.2010 № 258 (ред. от 02.11.2016) «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы» // Российская газета, 2010, 27 октября.

7. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 29.06.2012 № 125 «Об утверждении Административного регламента предоставления государственной услуги по организации рассмотрения предложений, заявлений и жалоб осужденных и лиц, содержащихся под стражей» // https:// minjust-prikaz. consultant.ru/ documents/2765

8. Постановление Правительства РФ от 06.02.2004 № 54 (ред. от 19.05.2017) «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 7. – Ст. 524.

Bibliographic list

1. The United Nations Standard Minimum Rules for Non-Custodial Measures (Tokyo Rules): adopted by Resolution 45/110 of the UN General Assembly of December 14, 1990 // http: // constitution. garant.ru/act/right/megdunar / 12123833 / (accessed: 03/11/2012).

2. Cossack B.B., Smirnova I.N. International legal acts regulating the execution of punishments not related to isolation of the convicted person from society, and the problems of their implementation in Russia: lecture. Pskov: Pskov. Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2012. 31 p.

3. Decree of the Government of the Russian Federation of June 16, 1997 No. 729 (as amended on April 23, 2012) “On the Approval of the Regulation on Criminal Executive Inspections and the Standard of Their Staff Size” // Collected Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 25. Art. 2947.

4. Decree of the Government of the Russian Federation of March 31, 2010 No. 198 “On approval of the list of audiovisual, electronic and other technical means of supervision and control used by criminal-executive inspections to ensure supervision of convicted persons to punishment in the form of restriction of freedom” // Meeting legislation of the Russian Federation. 2010. No. 14. Art. 1663.

5. Order of the Ministry of Justice of Russia dated 05.20.2009 No. 142 (as amended on 08/22/2014) “On approval of the Instructions on the organization of

the execution of punishments and penal measures without isolation from society" // Rossiyskaya Gazeta, 2009, August 14.

6. Order of the Ministry of Justice of Russia dated October 11, 2010 No. 258 (as amended on November 2, 2016) "On approval of the Instructions for the organization of the execution of sentences in the form of restriction of freedom" //Rossiyskaya Gazeta, 2010, October 27.

7. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of June 29, 2012 No. 125 "On approval of the Administrative regulation for the provision of public services for the organization of the consideration of proposals, applications and complaints of convicted persons and detainees" // https: // minjust-prikaz . consultant.ru/ documents / 2765.

8. Decree of the Government of the Russian Federation of February 6, 2004 No. 54 (as amended on May 19, 2017) "On the medical examination of convicts submitted for release from serving their sentences in connection with an illness" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2004. No. 7. Art. 524.

УДК 343.0
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.15.03.033

Противодействие лидерам и активным участникам групп осужденных отрицательной направленности при раскрытии преступлений

Д.А. Высоцкий[*], П.В. Дихтиевский[**], Б.Б. Казак[***]

Аннотация. В статье дается определение и анализ деятельности групп осужденных отрицательной направленности. Особое внимание уделяется вопросам противодействия лидерам и активным участникам групп осужденных отрицательной направленности. Предлагаются меры, направленные на нейтрализацию отрицательного влияния лидеров и активных участников групп осужденных отрицательной направленности на раскрытие преступлений, совершаемых в местах лишения свободы.

Ключевые слова: осужденные отрицательной направленности, эффективность раскрытия преступлений, исправительные учреждения, профилактика правонарушений.

Countering Leaders and Active members of groups of convicts of a negative orientation in solving crimes

Annotation. The article gives a definition and analysis of the activities of groups of convicts of a negative orientation. Particular attention is paid to the issues of opposing leaders and active participants in groups of convicts of a negative orientation. Measures are proposed aimed at neutralizing the negative influence of leaders and active participants in groups of convicts of a negative orientation and the disclosure of crimes committed in places of deprivation of liberty.

[*] *Высоцкий Дмитрий Александрович,* старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности ФКУ ДПО Санкт-Петербургский ИПРК ФСИН России. E-mail: naukaspbipk@mail.ru

Vysotsky Dmitry Aleksandrovich, Senior Lecturer, Department of Operationally-Investigative Activities, FKU DPO St. Petersburg IPRK FSIN of Russia.

[**] *Дихтиевский Петр Васильевич,* профессор кафедры правозащитной, правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета, доктор юридических наук, профессор. E-mail: kafoppd@rambler.ru

Dikhtievsky Peter Vasilyevich, Professor of the Department of human rights, law enforcement, criminal law and procedure of Pskov state University, doctor of law, Professor.

[***] *Казак Бронислав Брониславович,* заведующий кафедрой правозащитной, правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета, доктор юридических наук, профессор. E-mail: kafoppd@rambler.ru

Kazak Bronislav Bronislavovich, Head of the Department of human rights, law enforcement, criminal law and process of Pskov State University, doctor of law, professor.

Keywords: convicts of a negative orientation, the effectiveness of crime detection, correctional institutions, crime prevention.

В числе наиболее важных задач борьбы с преступностью перед правоохранительными органами стоит задача быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных и обеспечения правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию. Федеральная служба исполнения наказаний, являясь составной частью правоохранительной системы, призвана обеспечить выполнение требования неотвратимости наказания.

Эффективность раскрытия преступлений в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) зависит от учета условий, способствующих раскрытию преступлений, а также от нейтрализации условий, препятствующих исполнению наказаний.

К условиям, препятствующим исполнению наказаний, относятся:

– наличие групп осужденных отрицательной направленности, их лидеров и активных участников;

– концентрация в учреждениях, исполняющих наказание, осужденных за тяжкие, особо тяжкие преступления, а также ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы. Следует отметить, что ранее совершенные преступления дают осужденному опыт и знания способов совершения преступлений, а также приемов маскировки своих действий;

– сложность выявления очевидцев совершенного преступления, так как осужденные уклоняются от дачи показаний в связи с угрозой осуществления в отношении них физической расправы со стороны осужденных отрицательной направленности.

Наличие в учреждениях УИС групп осужденных отрицательной направленности является обстоятельством, препятствующим нормальной деятельности данных учреждений. Нередко вышеуказанные группы осужденных превращаются в организованные преступные группы, терроризирующие осужденных, вставших на путь исправления, совершают нападения на сотрудников и другие тяжкие преступления, что подчас приводит к необратимым последствиям. Определяющим фактором возникновения неформальных объединений осужденных является существование в местах лишения свободы криминальной субкультуры.

Криминальная субкультура – это незримая, тщательно маскируемая от администрации жизнедеятельность осужденных, складывающаяся в процессе их длительного общения под влиянием условий, специфических для мест лишения свободы. Она характеризуется наличием у осужденных особой структуры межличностных взаимоотношений, сложной системой неформальных норм, регулирующих их поведение, жаргона, татуировок, а также других внешних атрибутов с особой шкалой ценностей и способов их достижения. Группы осужденных отрицательной направленности отличаются высоким уровнем организации при четко выраженном лидере с ближайшим окружением. Деятельность таких групп чаще всего проявля-

ется в совершении различных нарушений режима содержания (азартные игры с целью извлечения материальной выгоды, организация каналов поставки запрещенных предметов на территорию учреждений, потребление спиртных напитков и наркотических средств и т.д.).

Группа осужденных отрицательной направленности – это неформальное объединение нескольких осужденных, не желающих становиться на путь исправления, характеризующиеся совершением их участниками противоправных поступков, выражающихся в нарушении правил отбывания наказания в интересах узкого круга членов группы. Целью формирования таких групп является обеспечение лучших по сравнению с основной массой осужденных материальных и психологических условий отбывания наказания их членами с помощью правонарушений. Следует отметить низкую коррумпированность связей в силу специфики обстановки, в которой они действуют.

Для групп осужденных отрицательной направленности характерны следующие цели деятельности:

– обеспечение лучших условий отбывания наказания за счет притеснения и поборов других осужденных;

– оказание противодействия администрации учреждений с перспективой дезорганизации ее деятельности или же установление «двойного» управления учреждениями;

– подчинение своему влиянию основной массы заключенных;

– организация совершения конкретных преступлений: умышленных убийств, массовых беспорядков, преступлений в сфере НОН, насильственного мужеложства и других.

Диагностировать отрицательную направленность группировок в местах лишения свободы можно по ряду свойств:

– степени организованности (сплоченности) группы, ее способности противостоять неблагоприятным для нее воздействиям со стороны администрации, других группировок и т.д. В преступных группах обычно высокая степень консолидации, базирующаяся на определенной идеологии и специфических социально-психологических установках;

– целям сплочения группы, которые могут проявляться в виде совершения правонарушений, поддержания жизнедеятельности группы и обеспечение лучших условий отбывания наказаний, установления ее лидирующего положения, норм и традиций криминальной среды.

Сплоченности членов групп отрицательной направленности активно служат неформальные правила их поведения и обязанности, наиболее характерными из которых являются соблюдение тайны планов и интересов группы, взаимная поддержка при конфликтах, обязательная информация о запланированных действиях, отказ от реализации личных планов при несогласии с ними остальных членов группы, непринятие личного участия в работах по ремонту помещений и охранных сооружений, а также благоустройству территории исправительного учреждения [2; 3];

– средствам достижения цели – угрозы, шантаж, вымогательство, организация азартных игр, установление каналов поступления запрещенных предметов, нелегальная переписка с «волей» и осужденными других испра-

вительных учреждений, склонение сотрудников администрации к неслужебным связям и т.д.;

– видам совершаемых правонарушений – доставка запрещенных предметов, наркотиков и спиртных напитков, избиение и т.д.;

– стремлению устранить администрацию от фактического управления коллективом осужденных;

– степени следований неофициальным нормам и традициям.

Кроме вышеуказанных целей деятельности преступных группировок выявлен ряд признаков, присущих этим криминальным формированиям:

– создание и активное использование системы связей, каналы которой функционируют как в исправительных учреждениях, так и за его пределами. По таким каналам циркулирует информация, представляющая повышенный оперативный интерес;

– бесперебойное функционирование каналов поступления различного рода запрещенных предметов. Именно наличие названного признака позволяет поддерживать материальную базу группировки на необходимом уровне и обеспечивать ее устойчивость и сплоченность;

– ведение своеобразной разведки и контрразведки. Назначение разведки поиск сведений о новых объектах преступного посягательства, контрразведки – обеспечение безопасности группировки и ее лидеров. Способы и приемы контрразведывательных усилий имеют широкое разнообразие. Некоторые из них имеют внешнее сходство с оперативно-розыскными мерами, такими как опрос осведомленных лиц, визуальное наблюдение за действиями персонала и прежде всего оперативного состава, осмотр помещений, участков местности и предметов, проверка по криминальным учетам, контроль переписки, подслушивание;

– активный поиск потенциально коррумпированных лиц из числа персонала исправительных учреждений и установление с ним связей криминального характера. В поле зрения преступных группировок находятся руководители учреждений, оперативные работники, сотрудники службы безопасности и воспитательной части;

– активная, переходящая зачастую в агрессию, линия поведения по отношению к персоналу (шантаж, угрозы, попытки компрометации и т.д.).

По имеющимся данным, на начало 2018 г. в учреждениях УИС отбывают наказание 609 лидеров уголовно-преступной среды, среди которых 98 так называемых «воров в законе», действует порядка 50 преступных группировок осужденных отрицательной направленности. Только лишь за 2017 г. оперативными подразделениями России было разобщено 165 групп осужденных отрицательной направленности, развенчано 186 лидеров уголовно-преступной среды [1].

Лидеры и активные участники групп осужденных отрицательной направленности в местах лишения свободы имеют тесную связь с аналогичными формированиями за пределами исправительного учреждения в среде организованной преступности. Они демонстрируют игнорирование государственных запретов, конкретность противоправных намерений, приверженность неофициальным нормам поведения (воровским традициям). Все это требует от должностных лиц исправительного учреждения допол-

нительных усилий: круглосуточного контроля над данной категорией осужденных, регулярного проведения оперативно-розыскных и режимных мероприятий, использование систем видеонаблюдения, технических средств видеорегистрации и, как следствие, своевременного и целенаправленного реагирования на противоправные проявления.

Важно учитывать, что лидеры и члены преступных групп, зная о методах и средствах оперативно-розыскной деятельности, проявляют большую осторожность при подготовке преступлений, нередко бывают весьма подозрительными в отношениях друг с другом, прибегают к слежке, перепроверке, различным провокациям. В ряде случаев при выявлении лиц, конфиденциально сотрудничающих с оперативным составом, лидеры и члены преступных групп применяют дезинформацию, стремясь замаскировать истинный характер своих намерений и действий. Это обусловливает, с одной стороны, высокие требования к конспирации при проведении оперативно-профилактических мер в отношении таких групп, а с другой – тщательность проверки поступающей информации. Сведения о них должны использоваться дознавателем, следователем, лицами исправительных учреждений при расследовании совершенных преступлений [4].

В связи с этим сотрудники исправительных учреждений должны уделять повышенное внимание изучению групп осужденных отрицательной направленности путем выполнения следующих мероприятий:

– поиск, постановка на профилактический учет групп осужденных отрицательной направленности;

– выявление фактов преступной деятельности групп осужденных отрицательной направленности;

– документирование преступных действий участников групп осужденных отрицательной направленности;

– устранение причин и условий, способствующих их формированию;

– устранение источников отрицательного влияния.

Большое значение здесь имеет работа по пресечению деятельности групп осужденных отрицательной направленности, которая, как правило, осуществляется по следующим направлениям:

– разобщение группы или приведение ее к самораспаду;

– компрометация лидера и ее окружения;

– развенчание авторитета лидера и группы в целом перед основной массой осужденных;

– переориентация направленности группировки с отрицательной на положительную;

– привлечение членов группировок к уголовной или иной ответственности за конкретные преступления или совершенные ими приготовительные действия, содержащие самостоятельные составы.

Таким образом, возникает необходимость разработки актуальных для современного периода развития общества мер по выявлению, нейтрализации и преодолению противодействия раскрытию преступлений, налаживанию взаимодействия различных структурных подразделений по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений налаживанию взаимо-

действия различных структурных подразделений по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений [5; 6].

На наш взгляд, для решения рассматриваемой проблемы представляется необходимым:

– определить правой статус лидеров и активных участнике групп осужденных отрицательной направленности; предусмотреть уголовную ответственность за соответствующий статус лидера и активного участника группы осужденных отрицательной направленности путем внесения соответствующих изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации. Так, у оперативных сотрудников появилось бы дополнительное средство противодействия к названной категории лиц в рамках ведения дел оперативного учета, помимо их компрометации и дискредитации, с чем в настоящее время на практике возникают определенные сложности;

– предусмотреть уголовную ответственность за совершение правонарушений в исправительных учреждениях УИС, аналогичную требованиям ст. 188.3 (Злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения) и ст. 189 (Укрывательство преступлений) Уголовного кодекса РСФСР, утвержденных Верховным Советом РСФСР 27 октября1960 г. Это являлось бы действенным рычагом в руках администрации исправительного учреждения, который оказывал бы положительный и нужный эффект на осужденных, признанных злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания.

На наш взгляд, эти меры заметно укрепили бы позиции администраций исправительных учреждений и следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы по нейтрализации негативного влияния на основную массу спецконтингента, что в свою очередь повысит эффективность раскрытия совершенных и совершаемых преступлений в местах лишения свободы.

Библиографический список

1. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь-декабрь 2017 г. //Информационно-аналитический сборник ФКУ НИИиТ ФСИН России. – Тверь, 2018.

2. Смирнова, И.Н. Организационно-правовое обеспечение функционирования системы исполнения наказаний без изоляции осужденного от общества: монография //И.Н. Смирнова, Г.В. Артамонов. – Псков, 2014. – 184 с.

3. Смирнова И.Н. Организационно-правовые основы функционирования уголовно-исполнительных инспекций (на примере Псковской области): монография /под общ. ред. д.ю.н., проф. Б.Б. Казака. – Псков: Псковский юридический институт ФСИН России, 2009. – 139 с.

4. Смирнова И.Н. Характеристика осуждённых, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций: науч.-аналит. Обзор /И.Н. Смирнова. – Псков: Псковский юридический институт ФСИН России, 2008. – 55 с.

5. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы [Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1] (ред. от 20 апреля 2015 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 33. – Ст. 1316.

6. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: [Федеральный закон от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ] (в ред. от 13 июля 2015 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 2. – Ст. 198; 2015. – № 29 (часть I). – Ст. 4386.

Bibliographic list

1. The main performance indicators of the penitentiary system (January-December 2017 // Information and analytical collection of the PKU NIIiT FSIN of Russia. Tver, 2018.

2. Smirnova, I.N. Organizational and legal support for the functioning of the penal system without isolation of the convicted person from society: monograph // I.N. Smirnova, G.V. Art Monov. Pskov, 2014. 184 p.

3. Smirnova I.N. Organizational and legal foundations of the functioning of criminal executive inspections (for example, the Pskov region): monograph / under the general. ed. Doctor of Law, prof. Bb Cossack. Pskov: Pskov Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2009. 139 p.

4. Smirnova I.N. Characterization of convicts registered with the penitentiary inspectorates: scientific analyte. Review / I.N. Smirnova. Pskov: Pskov Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2008. 55 p.

5. On institutions and bodies that carry out criminal sentences of imprisonment [Law of the Russian Federation of July 21, 1993 No. 5473-1] (as amended on April 20, 2015) // Vedomosti SND and Armed Forces of the Russian Federation. 1993. No. 33. Art. 1316.

6. The Penal Code of the Russian Federation: [Federal Law of January 8, 1997 No. 1-FZ] (as amended on July 13, 2015) // Meeting of the legislation of the Russian Federation. – 1997. – No. 2. – Art. 198; 2015. – No. 29 (Part I). – Art. 4386.

УДК 343.0
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.15.03.034

Отклик на доклад профессора Д.А. Шестакова Об основах учения о противодействии преступности (г. Махачкала, 21 июня 2019 г.)

С.У. Дикаев[*], М.С. Дикаева[**]

Аннотация. Необходимо подвергнуть ревизии существующие научные взгляды на преступность. Отойти от линейных суждений о причинах преступности и предлагать оригинальные идеи противодействия преступности, учитывающие достижения других наук

Ключевые слова: преступность, учения, криминология, противодействие, причины, личность, латентность.

Response to the report of Professor D.A. Shestakov "On the fundamentals of the doctrine on combating crime" (Makhachkala, June 21, 2019)

Annotation. It is necessary to revise the existing scientific views on crime. It is important to quit linear judgments about the causes of crime and offer novel ideas about crime counteraction, taking into account the achievements of other sciences.

Keywords: crime, doctrine, criminology, counteraction, causes, person, dark figure of crime.

Учение о противодействии преступности является логическим продол жением учения о ее причинности. Эти ключевые направления криминологии сложились эволюционно в течение длительного периода и подчинены действию всеобщих законов развития природы и человеческого общества. При всем многообразии подходов к формированию концепций о преступности и противодействии ей, апробации всевозможных средств удержания от совершения преступлений ни одно общество, ни одно государство, ни в про-

[*] *Дикаев Салман Умарович*, заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, профессор. E-mail: dikaev@mail.ru

Dikaev Salman Umarovich, Head of the Department of Criminal Law of Herzen State Pedagogical University of Russia, Doctor of Laws, Professor.

[**] Дикаева Милана Салмановна, старший преподаватель кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат юридических наук.

Dikaeva Milana Salmanovna, Senior Lecturer of the Department of Criminal Law of Herzen State Pedagogical University of Russia, PhD in Law.

шлом, ни в настоящем не смогло выявить и объяснить все причины этого явления и тем более нейтрализовать их. Это железный аргумент, подтверждающий правильность суждений профессора Д.А. Шестакова о преступности как свойстве человека, социального института, общества страны или глобального общества воспроизводить преступления [1].

Признание преступности как свойства общества требует признания и того, что преступность является необходимым частным элементом структуры общества, характеризующим его качество. Значит, столь же «железным» будет и аргумент о том, что эти субъекты (человек, социальный институт, общество страны или глобальное общество) обладают также свойством конструировать преступления. Ведь понятно, что если не конструировать запрет и наказание за его нарушение, то нет и необходимости размышлять о причинах преступности и их нейтрализации. Соответственно, и конструирование преступлений, и конструирование механизмов противодействия им есть необходимые атрибуты государственности как системы или механизма диктатуры определенного класса или политической организации, атрибуты, цементирующие общество, гарантирующие его целостность (УК РФ является федеральным законом) и обеспечивающие поступательное (эволюционное) развитие. Без этого элемента общество, видимо, существовать не может.

Такого рода суждения невольно приводят к мысли о том, что преступность для общества имеет такое же значение, что и любой другой его конструктивный элемент (власть, закон как регулятор отношений между различными субъектами, конкурирующие политические партии и даже авторитеты и др.). Выявляя причины преступного поведения, общество обнаруживает изъяны в организации общественного устройства, а нейтрализуя их – совершенствуется. При таком подходе у общества есть постоянная потребность в том, чтобы определенная часть людей совершала преступления, а другая становилась жертвами этих преступлений. Этим, видимо, обусловлено и то, что далеко не все преступления раскрываются, не все виновные в их совершении наказываются, соответственно, далеко не все жертвы преступлений получают хоть какую-то компенсацию. Лозунги типа «ни один преступник не должен уйти от ответственности» или «обеспечить неотвратимость наказания» и прочее являются не более чем лозунгами, не имеющими ничего общего с реальностью. Понятно, что эти идеи никогда не могут быть реализованы и выполняют функции маячка, ориентира, которого не видно, но он где-то есть, и к нему, или, ориентируясь на него, навигатор пролагает путь эволюции.

Мы не задаемся вопросом: «Что бы было, если бы каждый совершивший преступление представал перед судом и был наказан?». В России ежегодно регистрируется более 30 млн сообщений о совершенных преступлениях и только примерно по 10 % из них возбуждаются уголовные дела. Стадия возбуждения уголовного дела является легальным средством обеспечения искусственной латентности. Статистика Генеральной прокуратуры Российской Федерации фиксирует существенное число нарушений при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении. Таковых в 2018 г. прокуратурой выявлено 3 млн 730 тыс. из более чем 5 млн 159 тыс.

Количество отмененных постановлений следователей и дознавателей о возбуждении уголовного дела составило 14 тыс. 868 постановлений. Отменено 26 тыс. 637 постановлений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) [2].

Однако, и такая надзорная практика оказывается неспособной обеспечить приемлемое для потребностей стабильности общества количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности. Судебная система вносит свою корректировку в этот процесс.

Так, анализ статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации показывает, что суды первой инстанции за 6 месяцев 2018 г. прекратили производство в отношении 95 тыс. 538 лиц (за 6 мес. 2017 г. – 99 тыс. 569 лиц). Из них только 1120 человек по реабилитирующим основаниям (за 6 мес. 2017 г. – 3272 чел.) [3].

Свою лепту в обеспечении искусственной латентности вносит и уголовно-исполнительная система, где за последние 10 лет количество совершенных преступлений оставалось низким (67 преступлений в 2008 г. и 111 – в 2018 г.), а вот количество предотвращенных преступлений снизилось весьма существенно (с 42 тыс. 966 – в 2008 г. до 70 преступлений в 2018 г.). Такое резкое снижение количества предотвращенных преступлений может иметь только одно объяснение – замена уголовного преследования применением дисциплинарных мер воздействия. Из числа лиц, находившихся под учетом уголовно-исполнительных инспекций в 2018 г. (1 млн 34 тыс. чел.), снято с учета в связи с осуждением за новое преступление всего 19 тыс. человек [4]. Сама специфика контингента ставит под сомнение полноту и достоверность этих данных. Если учесть, что за пять месяцев текущего года удельный вес ранее судимых лиц составил 28,8%, а каждое второе (55,7%) расследованное преступление совершено лицами, ранее совершавшими преступления, то число преступлений, совершенных подучетным элементом, должно было быть как минимум на порядок выше.

Если бы в обществе не было уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и других механизмов обеспечения искусственной латентности, вернее сказать, механизмов легального непривлечения к уголовной ответственности виновных лиц, то это, возможно, не лучшим образом влияло бы на него. Даже очень приблизительный расчет показывает, что наше общество имело бы не менее 10 миллионов осужденных ежегодно! А за 15 лет каждый достигший возраста уголовной ответственности житель страны побывал бы на скамье подсудимых. Это не только сломанные судьбы людей, но и серьезные экономические издержки в виде недополученных налогов, потерянных рабочих мест и др. Ни одно правосудие (за исключением разве что репрессивного) не справилось бы с таким количеством уголовных процессов. Пришлось бы в несколько раз увеличить численность органов правосудия либо настолько упростить уголовный процесс, что это привело бы нас к временам «троек» и внесудебных расправ. С учетом того, что в России практически отсутствует культура вынесения оправдательных приговоров [5], трудно описать каким бы было наше общество, да и человечество в целом, не будь такого явления, как латентная преступность.

Фантазировать (прогнозировать) можно и дальше, но очевидно, что человечество не только воспроизводит определенное количество преступлений, но и обладает такими внутренними механизмами, которые обеспечивают разумное количество расследованных преступлений и лиц, привлеченных к ответственности и наказанных. Значит, можно предположить, что и латентность является необходимым элементом, обеспечивающим пределы допустимой, необходимой для сплочения общества, обеспечения его стабильности и поступательного развития раскрываемости преступлений.

Взгляд на преступность как на свойство общества порождает тезис о том, что в любом обществе всегда был, есть и будет спрос на преступность (преступника). Спрос, как известно, порождает предложение. Таким предложением является в одних случаях дурная организация государственного управления, порождающая коррупцию и другие должностные преступления, в других – нравственные устои общества, в третьих – жертва преступления, которую общество отдает на заклание преступнику. Само наличие в УК нормы об ответственности, например, за убийство, причинение вреда здоровью или грабеж говорит о том, что общество согласно с тем, что кто-то должен стать жертвой этих преступлений (за январь-май текущего года в результате преступных посягательств в России погибло 10,8 тыс. человек, здоровью 16,3 тыс. человек причинён тяжкий вред, а жертвами грабежа стали 19,2 тыс. человек). Предпринимаемые профилактические меры могут только внести коррективы в то, кто совершит преступление и кто станет его жертвой, но не могут сделать совершение преступления невозможным. Поэтому при незначительных колебаниях в целом показатели преступности остаются стабильными.

И спрос на преступника, и спрос на жертву не так явно выражены, они нелинейны и находятся в состоянии, как бы сказали физики, «квантовой запутанности», в состоянии, которое не позволяет отследить связи и дать ответ на вопрос: «Почему одни становятся преступниками и жертвами преступлений, а другие нет?». Даже если лицо обладает высокой степенью виктимности (не все же лица, находящиеся в группе риска, становятся жертвами преступлений), это не является гарантией того, что оно обязательно станет жертвой преступления. Точно так же далеко не каждый, от кого можно ожидать совершение преступления (злоупотребляющие алкоголем, наркотиками, ведущие асоциальный образ жизни и пр.), его совершает.

Следовательно, свойство общества воспроизводить преступность включает в себя и свойство порождать жертвы преступлений. Если преступность – это фатальное, неизбежное зло, которое есть и должно быть в обществе как противовес добру, то разумно в качестве жертвы преступности рассматривать и лиц, совершивших эти преступления. Не будь их, не было бы и лиц, выявляющих изъяны в общественном устройстве. При таком подходе и преступники, и их жертвы как субъекты, выполняющие важную для общества функцию (наряду с армией, органами правопорядка, МЧС и др.), должны находиться под патронажем государства, проявляющего в отношении них должную заботу. Наказание за преступление должно быть сопряжено с последующей всемерной помощью со стороны государства лицу, отбывшему наказание, до приведения его в состояние безопасности.

Как бы мы ни относились к суждению С.Г. Олькова о необходимости покончить с «описательной юриспруденцией» [6] (а может ли она быть другой?), представляется очевидным то, что в настоящее время востребованы креативные, оригинальные, на первый взгляд кажущиеся глупыми идеи, способные вызвать к жизни нелинейные суждения о сущности преступности и противодействия ей. Находясь в плену классического (рационального, обыденного) сознания, криминологи видят классическую картину преступности и развивают социологические теории преступности (позитивизм, интегративность, модерн/постмодерн), тогда как мир, в том числе и мир преступности, складывается из множества картинок, увидеть которые возможно в состоянии измененного (отключенного) сознания.

Наука, как совокупность рационального опыта человечества, после глубокой внутренней переработки (поиска нового внутри себя) обогащается посредством прикосновения к иррациональному. Креативное мышление позволяет искать и находить рациональное в иррациональном. Вернее, превращать последнее в первое. Таким образом, невозможное становится возможным. Существующая система отношений (запреты, их нарушения, суды, наказания, тюрьмы, реабилитация, жертвы...), кажется, слишком устарели и нуждаются в коренном пересмотре. Вряд ли можно считать разумным опираться на национальный опыт противодействия преступности, полученный столетия назад, в современных условиях стремительных изменений в глобальном мире. Криминологам надо научиться отключать свое обыденное сознание и попытаться посмотреть на окружающий мир иным взглядом, попытаться увидеть альтернативы существующим теориям о преступности и ее предупреждении. Для познания сущности преступности требуется не столько глубокие, сколько широкие научные знания не только (а может, и не столько) в юриспруденции или социологии, но и в физике, биофизике, нейрофизиологии, психофизиологии, психологии, психиатрии и других отраслях знаний.

На формирование такого сочетания научных познаний требуются большие затраты сил и времени, на которые мало кто способен даже при наличии большого энтузиазма. Но отойти от традиционного взгляда на преступность и другие отклонения, предпринять попытку «зайти» к проблеме с другой стороны возможно только в результате усвоения и учета совокупности накопленных человечеством знаний. Это говорит о необходимости специальной программы подготовки нового поколения криминологов, рассчитанной на десятилетия.

В частности, криминологам следует смелее ставить вопрос о наличии связи «преступник-жертва» и о необходимости объяснить природу этой связи с привлечением для этого достижений других наук, особенно физики. Возможно, что формирование взаимосвязи «жертва-преступник» подчинено действию всеобщих законов физики, обеспечивающих всеобщность взаимосвязей, взаимосвязь всех процессов во вселенной как друг через друга, так и общей для них средой. Как версия допустимо и то, что законы физики лежат в основе таких социальных связей между людьми и между некоторыми социальными животными и насекомыми, как любовь, ненависть, дружба, привязанности и т.д. Возможно, что психические процессы

жертвы преступления могут быть причиной чужого поведения – поведения преступника.

Идея заключается в том, что мозг является органом, вырабатывающим физические колебания, частота которых определяет индивидуальность поведения и взаимоотношений (взаимосвязей) человека в социуме. Житейский опыт показывает, что чем сильнее и дольше в человеке сохраняется чувство страха (особое психическое состояние, обусловленное особенностями воспринимаемых и производимых мозгом физических волн), тем больше вероятность того, что он рано или поздно станет жертвой либо преступления, либо несчастного случая. Отраженные в научной литературе наблюдения того, что чем сильнее жертва боится насильника, тем сильнее и агрессия со стороны насильника, и наоборот, активное сопротивление жертвы, обуславливающее подавление им своего страха, снижает агрессию, может иметь и другое объяснение, чем банальную неспособность лица довести начатое преступление до конца.

Известно, что какая-то часть людей становится преступниками или жертвами в результате действия цепи случайных связей. А всякая случайность есть Божий промысел по восстановлению высшей справедливости. Тогда и случайности могут быть неслучайны и подчинены действию определенных законов, делающих их закономерными. Поэтому «волновая теория» могла бы объяснить взаимосвязи «преступник-жертва», поскольку, вероятнее всего, эти люди обладают специфической индивидуальной частотой, притягивающей их друг к другу, позволяющей им «находить» друг друга.

Подтвердить или опровергнуть эту гипотезу могли бы специальные исследования преступника и его жертвы, сопряженные с соответствующими измерениями их индивидуальной частоты. А саму теорию мог бы развить криминолог, обладающий специальными познаниями в области физики.

Большие перспективы в объяснении причин многих социальных явлений, в том числе преступности и других отклонений, может иметь квантовая теория, которая в настоящее время активно используется в медицине (квантовая терапия). Методики квантовой терапии позволяют «стереть» (т.е. уничтожить) информацию о болезни, нарушить план болезни, не дать ему осуществиться. В области квантовой физики (квантовой механики) есть значимые достижения, которые имеют (могут иметь) важное криминологическое значение [7]. Исследования квантового сознания могут вывести человечество на иной, возможно, единственно верный альтруистический вектор развития, к которому призывают все религии мира. Смена индивидуалистического сознания человечества на альтруистическое (это, видимо, постепенно и происходит, что видно на примере гуманизации отношения к преступникам) позволит по-иному посмотреть на многие явления, которые мы сегодня рассматриваем как девиации.

Большие успехи в познании преступности могут быть достигнуты в рамках складывающейся науки «нейроюриспруденции», соединяющей воедино правовые нормы и законы со знаниями, полученными нейронаукой. Последние исследования в нейрофизиологии доказывают, что преступное поведение человека может быть обусловлено различными другими, кроме психических, заболеваниями [8]. В частности, заболевания щитовидной

железы вызывают психическую неустойчивость, раздражительность, агрессивность, то есть оказывают влияние на сознание и волю больного. Но уголовному праву эти состояния неинтересны, как столетие назад не были интересны психические заболевания.

Конечно, нельзя сказать, что нет новых криминологических идей. Определенной новизной отличается концепция С.Г. Олькова, предлагающего рассматривать преступление как товар, а преступника – как продавца и покупателя этого товара [6].

Полагаем, что в этой цепочке разумнее было бы продавцом считать государство, создавшее товар (сконструировавшее преступление) и, пользуясь терминологией С.Г.Олькова, выставившее его на продажу, а покупателями считать и преступника, и жертву преступления. Они платят за товар (преступление) государству: преступник – ограничением или лишением определенных прав, а жертва – тем, что у нее было и не стало, пострадало или уменьшилось в результате действий преступника (честь, достоинство, имущество, здоровье, жизнь...). Бенефициаром, конечно, является государство. Монополизировав право назначения уголовного наказания, исключив потерпевшего из уголовно-правовых отношений, этот главный выгодоприобретатель от существующих в обществе пороков получает колоссальные доходы. Расчеты возможных доходов от применения штрафных санкций были проведены ранее [9].

Сумма возможных доходов от применения санкции в виде штрафа только по одному составу ч. 3 ст. 158 УК РФ (кража с проникновением) в 2008 г. могли составить около 63 миллиардов рублей. Вряд ли главный получатель и распорядитель этих доходов захочет поделиться ими, поставив в центр правоотношений правосудия жертву преступления. «Штраф всегда получает Раджа! Тем более ты свое уже получил!». Это изречение из известной сказки «Золотая антилопа», где побитый слуга выразил претензии на получение компенсации за причиненный ему вред из назначенного мальчику штрафа, отражает истинное положение жертвы преступления в современном механизме отправления правосудия.

Да, охранительная функция уголовного права состоит в защите прав и законных интересов. Но тогда, когда защита не состоялась, когда она дала сбой, на первое место должна быть поставлена восстановительная функция. Однако, о восстановительной функции уголовно-правовая догма умалчивает, а исследователи неохотно и очень поверхностно о ней рассуждают. Поэтому прав Д.А. Шестаков в том, что правосудие в тех случаях, где есть потерпевший, должно всемерно демонстрировать сострадание к нему, быть на его стороне. Его предложение криминологам искать и предлагать обществу механизмы смещений центра внимания с лиц, совершивших преступления, на их жертвы, позволит развернуть научную мысль о сущности такой цели наказания, как восстановление социальной справедливости, и о сущности правосудия с карательной направленности на гуманистическую (альтруистическую).

Возможно, настала пора криминологам пересмотреть свои взгляды и на наказание. Может, надо усомниться в том, что наказание за преступление – это гнев общества на совершенное преступление, что сила этого гнева вы-

ражается в санкции уголовно-правовой нормы; чем строже санкция, тем сильнее гнев общества по отношению к лицу, совершившему преступление и т.д.? Ведь религиозное понимание сути осуждения не только в том, чтобы наказать виновного, и вовсе не в том, чтобы причинить ему боль (Н. Кристи). Каинова печать [10] – это не столько Божья кара, сколько милость Его, имеющая значение защитить преступника от возможного самосуда, указывающая на то, что лицо, совершившее преступление, остается под защитой Господа. В исламе говорится: *«Душа подтолкнула его на убийство своего брата…».* Поскольку душа от Бога и она подтолкнула Каина на убийство брата, значит, Богу было угодно, чтобы это убийство произошло. Ведь Бог породил зависть у Каина, предпочтя его плодам земным животное Авеля. Что стоило Богу проявить свойственное Ему великодушие и у обоих принять подношения, тем самым предотвратить порождение самого гнусного чувства у человека – зависть?

Авель говорит Каину: *«Я хочу, чтобы ты вернулся с моим грехом и твоим грехом и оказался среди обитателей Огня».* Совершив преступление, Каин берет к своим грехам и настоящие, и будущие грехи своей жертвы. Таким образом, убийца сам «*…оказался одним из потерпевших убыток» и … «… одним из сожалеющих»* [11]. Каин, через которого Бог заложил в человечество познание зла и добра, является такой же жертвой, что и Авель [12]. Но, Бог не лишил Каина жизни или свободы. Даже напротив, обрек его на вечное скитание, т.е. расширил ему свободу, оставив его одного со своим грехом. Грешный человек грешен не только тем, что он сам согрешил, совершив преступление, но и тем, что он тем самым принял на себя и грехи своей жертвы, и грехи всего общества.

Божественное начало в наказании – это доведение до ума и сердца виновного о совершенном им преступлении и склонении его к раскаянию в содеянном при одновременном понимании того, что кто-то должен был быть на его месте. Только после осознания виновным содеянного и его искреннего раскаяния должно следовать заглаживание вреда потерпевшему, после чего можно считать, что правосудие состоялось. Возможно, что в этом и есть высший смысл правосудия. Поэтому, полагаем, что настало пора, когда институт правосудия из индустрии по «перемалыванию» обреченных на то, чтобы преступить закон или стать жертвой преступления превратить в индустрию обеспечения высшей справедливости в обществе.

Большой антикриминогенный потенциал содержат предложения Д.А. Шестакова о внесении изменений в Конституцию Российской Федерации. С позиции сегодняшнего дня идеи о праве граждан России на получение ренты кажутся слишком оптимистичными, хотя они могли бы в ближайшей перспективе существенно и качественно изменить структуру преступности. В частности, в структуре преступности более 50% составляют преступления против собственности (в январе-мае 2019 г. – 50,4 %), а удельный вес лиц без постоянного источника дохода составляет 64,0%.

Эти две цифры показывают, что более половины совершаемых в России преступлений совершаются от безысходности людей, от невозможности удовлетворить самые насущные повседневные потребности. Получение части прибыли от эксплуатации ресурсов России позволило бы резко под-

нять уровень жизни населения, что, несомненно, позитивно сказалось бы и на показателях преступности. Однако мировой капитализм основательно сел на эксплуатацию ресурсов России и вряд когда-нибудь сдаст позиции и позволит, чтобы эти идеи воплотились в жизнь. Принцип мирового распределения таков, что, «все, что принадлежит странам «золотого миллиарда», принадлежит только им, а все что принадлежит другим народам, принадлежит и странам золотого миллиарда тоже».

Кроме того, государственная политика России полностью направлена на обеспечение интересов мирового олигархата не только путем эксплуатации ресурсов страны, но и путем ужесточения гнета собственного народа. Само по себе внесение дополнений в ч. 2 ст. 13 Конституции Российской Федерации, как предлагает Д.А. Шестаков, при таком составе Федерального Собрания не представит особого труда. Но возможно ли «уважение к России, её истории, стремление к достойному её экономическому и политическому положению в мировом сообществе…» при такой политике? Не приведет ли это к возврату к советской практике преследования за нелюбовь к Родине, как и за неуважение власти?

Политика относительно недавно стала предметом криминологического анализа, хотя она во все времена была самой криминогенной сферой. Из политических соображений совершается огромное количество преступлений, в том числе и войны, сопряженные с массовыми убийствами, ограбление населения и пр. [13], что и позволило говорить о преступной политике. Выработка средств и способов противодействия преступной политике (внутренней, внешней) является наиважнейшей задачей криминологии. Самым простым и самым эффективным средством противодействия внутренней преступной политике является выдвижение на государственные должности лиц, бескорыстных и душой болеющих за судьбу народа и готовых жертвовать собой ради народа.

Особенность межгосударственной (международной) политики в том, что она характеризуется межгосударственной конкуренции за расширение (или удержание) жизненного пространства, за качество и количество потребления, экологическую безопасность и комфорт, увеличением населения Земли и ограничениями вызванными уменьшением ресурсов планеты. Для общечеловеческого блага необходимо ликвидировать существующее длительное время скрытое порабощение народов (через банковские кредиты и проценты), дисбаланс производства и потребления в мире. Для этих целей должно быть подвергнуто ревизии существующее межгосударственное (международное) право и основы деятельности всех наднациональных органов и институтов, включая и Международный уголовный суд. Возможно, что с него и нужно начинать, поставив перед ним, как предлагает Д.А. Шестаков, задачу «проверки соответствия нормативных актов и иных решений государственных властей и международных соглашений, а также решений международных организаций нормам и принципам международного уголовного права».

Результатом долгих размышлений Д.А. Шестакова стала разработанная им идея «воронки преступности», где выделены несколько уровней преступности, под каждый из которых может быть выработан комплекс пре-

дупредительных мер. Полагаем, что эта идея заслуживает пристального внимания криминологов «от социологии», так как она выводит на проблему неестественной (искусственной) структурированности общества, подмывающей принцип равенства всех перед законом, когда одни преступники имеют неизмеримо больше шансов оказаться на скамье подсудимых, чем другие. С позиции воронки можно и нужно подходить и к виктимологической стороне проблемы.

Идеи формирования единого законодательства о противодействии преступности (ЕЗПП) могут консолидировать усилия общества по наведению элементарного порядка в ныне разрозненных механизмах воздействия на причины преступности. Вместе с тем большинство причин преступности лежит в плоскости чрезмерной нормативной «зарегулированности» жизни человека, ограничивающей его свободы. Чем больше законов, тем больше возможностей и потребностей в их нарушении. Наличие большого числа законов не гарантирует незыблемость права безопасности. Может быть, есть необходимость в том, чтобы вернуть в лоно уголовного права отпочковавшиеся от него дисциплины, а не плодить новые кодексы? Во всяком случае, существующие в обществе механизмы обеспечения права безопасности должны быть экономичны, понятны обывателю, легко им усвояемы и потребляемы. Безопасность – основное благо человека, и поэтому никто не может ставить под сомнение право человека на безопасность (право безопасности). С другой стороны, разве существующие законы не подчинены обеспечению этого права? Что даст механическое перенесение норм, призванных обеспечить безопасность, из разрозненных законов в один нормативный акт? Не будет ли это порождать конкуренцию норм и не нарушит ли сложившуюся систему права?

Таким образом, доклад Д.А. Шестакова «Основы учения о противодействии преступности» дает ответы на многие насущные вопросы проблем противодействия преступности. Вместе с тем идеи, изложенные в докладе, порождают новые вопросы, на решение которых должно быть ориентировано новое поколение криминологов.

Библиографический список

1. *Шестаков Д.А.* Криминология. Преступность как свойство общества. – СПб., 2001.

2. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры РФ за январь-декабрь 2018 г. //http://genproc.gov.ru/ stat/data/ 1548464/.

3. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2018 года //http://cdep.ru/index.php?id=79&item=4758 4. Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний // http://фсин.рф/ structure/inspector/iao/statistika/.

5. За 6 месяцев 2018 года суды первой и апелляционной инстанции прекратили производство по реабилитирующим основаниям в отношении 3147 человек. В отношении 6495 лиц (за 6 мес. 2017 г. – 7040 чел.) вынесены оправдательные решения и решения об освобождении из-под стражи по реабилитирующим основаниям. Рассмотрено 1019 заявлений о возмещении вреда реабилитированному

в соответствии с ч. 5 ст.135 и ч.1 ст.138 УПК РФ. Из них удовлетворено чуть больше половины заявлений (563), отказано в удовлетворении в 135 случаях, и 320 заявлений отозвано // Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2018 г. // http://cdep.ru/index.php?id=79&item=4758.

6. *Ольков С.Г.* О разъяснении природы уголовно-правовых отношений // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2019. – № 2 (36). – С.128-135.

7. *Менский М.Б.* Человек и квантовый мир. – ВЕК2, 2005. – 320 с.

8. Aberrant brain gray matter in murderers //https://link. springer.com/ article/10.1007/s11682-019-00155-y; Учёные отыскали "отпечаток убийцы" в мозге преступников // https://nauka.vesti.ru/ article/1217975; Осознанно ли человек совершил преступление? Ответ предоставит сканирование мозга // https:// nauka.vesti.ru/ article/1217975

9. *Дикаев С.У.* Некоторые вопросы современной наказательной политики России// Криминология: Вчера, сегодня, завтра. 2010. № 1(18). С.116-127

10. «Каин» – в перев. с чеченского «помешанный в грехе»; «къа» – грех, «ийна» – помешанный».

11. Коран. Сура 5, Аль-Маида (Трапеза).

12. «Авель» – в перев. с чеченского «вел» «умерший», «а» – возможно означает первый. Не «убитый», а умерший, что ставит вопрос: «А было ли убийство?».

13. *Дикаев С.У.* Является ли преступная политика предметом криминологии // Криминология: Вчера, сегодня, завтра. 2013. № 4(29). С.68-75.

Bibliographic list

1. Shestakov D.A. Criminology. Crime as a property of society. SPb., 2001.

2. Statistical data on the main performance indicators of the prosecution authorities of the Russian Federation for January-December 2018 //http://genproc.gov.ru/ stat/data/1548464/.

3. Summary statistics on the activities of the federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for the first half of 2018 //http://cdep.ru/index. php?id=79&item=4758 4. Official site of the Federal Penitentiary Service // http: // fsin.rf/ structure / inspector / iao / statistika /.

5. For 6 months of 2018, the courts of the first and appeal instances stopped rehabilitating proceedings against 3147 people. In respect of 6495 persons (for 6 months of 2017 – 7040 people), acquittals and decisions on release from custody on rehabilitating grounds were issued. 1019 applications for compensation for harm to the rehabilitated were considered in accordance with part 5 of article 135 and part 1 of article 138 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Of these, slightly more than half of the applications were satisfied (563), 135 applications were refused, and 320 applications were withdrawn // Consolidated statistical information on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for the first half of 2018 // http: //cdep.ru/index.php?id=79&item=4758.

6. Olkov S.G. On the clarification of the nature of criminal law relations // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2 (36). P.128-135.

7. Mensky M.B. Man and the quantum world. VEK2, 2005. 320 p.

8. Aberrant brain gray matter in murderers // https: // link. springer.com/article/10.1007/s11682-019-00155-y; Scientists have found the "imprint of a killer" in the brains of criminals // https://nauka.vesti.ru/ article / 1217975; Did

a person knowingly commit a crime? The answer will provide a brain scan // https://nauka.vesti.ru/ article / 1217975

9. Dikaev S.U. Some issues of modern punitive policy in Russia // Criminology: Yesterday, today, tomorrow. 2010. No. 1 (18). P.116-127.

10. “Cain” – in perev. from the Chechen "obsessed with sin"; "Ka" is sin, "iina" is obsessed."

11. The Quran. Sura 5, Al-Ma'ida (Meal).

12. “Abel” – in perev. from Chechen “led” “dead”, “a” – perhaps the first means. Not “killed”, but dead, which raises the question: “Was there a murder?”

13. Dikaev S.U. Is criminal policy a subject of criminology // Criminology: Yesterday, today, tomorrow. 2013. No. 4 (29). S.68-75.

УДК 343.0
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.15.03.035

Лица, причастные к совершению террористических актов и экстремистских преступлений в качестве объекта профилактического действия

П.В. Дихтиевский[*], Б.Б. Казак[**], Р.Р. Шерхов[***]

Аннотация: в статье рассматриваются угрозы со стороны лиц, участвовавших в террористических актах экстремистской направленности, которые представляют опасность как для общества и государства в целом, так и для уголовно-исполнительной системы в частности. Дается определение понятия исламских экстремистов, осужденных за совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности.

Ключевые слова: лица, участвовавшие в террористических актах экстремистской направленности, угроза, государство и общество, уголовно-исполнительная система, профилактическое воздействие.

Persons involved in the commission of terrorist acts and extremist crimes as an object of preventive action

Annotation. The article deals with threats from persons involved in terrorist acts of extremist orientation, which pose a danger to society and the state in General, and to the penal system in particular. The definition of the concept of Islamic extremists convicted of crimes of a terrorist nature and extremist orientation is given.

Key words: persons involved in terrorist acts of extremist orientation, threat, state and society, penal system, prevention and impact.

[*] *Дихтиевский Петр Васильевич,* профессор кафедры правозащитной, правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета, доктор юридических наук, профессор. E-mail: kafoppd@rambler.ru

Dikhtievsky Peter Vasilyevich, Professor of the Department of human rights, law enforcement, criminal law and procedure of Pskov state University, doctor of law, Professor.

[**] *Казак Бронислав Брониславович,* заведующий кафедрой правозащитной, правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета, доктор юридических наук, профессор. E-mail: kafoppd@rambler.ru

Kazak Bronislav Bronislavovich, Head of the Department of human rights, law enforcement, criminal law and process of Pskov State University, doctor of law, professor.

[***] *Шерхов Рустам Русланович,* адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров (Академия ФСИН России). E-mail: sherhov007@mail.ru

Sherkhov Rustam Ruslanovich, associate faculty training of scientific and pedagogical personnel (Academy of FSIN of Russia).

Профилактика в отношении лиц, совершивших преступления террористического характера и экстремистской направленности, оперативными подразделениями следственных изоляторов Федеральной службы исполнения наказаний (далее ФСИН России) представляет собой исключительно важную часть оперативно-розыскной деятельности.

3 апреля 2018 г. состоялась Международная научно-практическая конференция по вопросам сотрудничества по противодействию экстремизму и терроризму. В своем выступлении Министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции В. А. Колокольцев отметил: «В современном мире ни одно государство не способно самостоятельно эффективно бороться с экстремизмом и терроризмом. Необходимо определить единый комплекс проблем и задач, стоящих перед нами, избегать двойных стандартов в подходах к их решению. Только так мы сможем обеспечить безопасность мирового сообщества» [1].

Экстремизм и терроризм в любых формах проявления превратились в одну из самых опасных проблем, с которыми человечество столкнулось в наше время. Терроризм относится к числу общемировых социальных проблем и является жестокой, трудно предсказуемой и чрезвычайной ситуацией социального характера, потому что непосредственно касается общества, связан с жизнью и отношениями людей внутри него. Терроризм и экстремизм представляют реальную угрозу национальной безопасности страны, поэтому проблема противодействия им в Российской Федерации – одна из наиболее важных задач обеспечения безопасности на государственном уровне.

Вместе с тем экстремизм по своему содержанию значительно шире понятия «терроризм». Экстремизм – это приверженность к крайним взглядам и действиям, радикально отрицающим существующие в обществе нормы и правила. Рост экстремизма – серьезная угроза стабильности и общественной безопасности. Развитие молодежного экстремизма – это подтверждение недостаточной социальной адаптации молодежи, развития аморальных установок ее сознания, вызывающих противоправные образцы ее поведения.

О необходимости изучения религиозного экстремизма свидетельствует ежегодный рост количества осужденных за совершение преступлений экстремистской направленности и террористического характера по религиозным мотивам. Если в 2014 г. количество таких осужденных составляло 1580 человек, в 2015 г. – 1718 человек, в 2016 г. – 1945, то в 2017 г. – уже 2104 человек [2, с. 3].

В условиях стабильного роста численности лиц, содержащихся в местах лишения свободы за совершение преступлений экстремистской направленности и террористического характера, а также обстоятельств, благоприятно влияющих на распространение ими экстремистских идей среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных, складывается реальная угроза дестабилизации и дезорганизации в учреждениях уголовно – исполнительной системы. Ярким примером того являются события 13-14 ок-

тября 2005 г. в г. Нальчик Кабардино-Балкарской Республики, которые мы рассмотрим далее.

Религиозно-экстремистская группа «Кабардино-Балкарский сектор КБК Имарат Кавказ», в которую входили подозреваемые, обвиняемые и осужденные, являющиеся приверженцами исламского радикализма, участвовали 13 октября 2005 г. в составе вооруженного преступного сообщества в вооруженном мятеже и захвате объектов правоохранительных органов г. Нальчик. Это наглядно продемонстрировало масштабы угрозы для общества и государства в целом.

По данным правоохранительных органов, в нападении на объекты в Нальчике участвовали от 80 до 200 боевиков (большинство из них были жителями Нальчика), вооруженных легким стрелковым оружием, которые передвигались на легковых автомобилях мобильными группами по 5 человек. Ответственность за акцию взяла на себя группировка «Кавказский фронт». Боевики обстреляли аэропорт, три отделения милиции, воинскую часть, военный комиссариат, здания управлений ФСБ, МВД, ФСИН России, охотничий магазин «Арсенал». Целью нападения, по версии следствия, было «изменение конституционного строя России, нарушение ее территориальной целостности и образование на территории Северо-Кавказского региона исламского государства» [4].

После заключения под стражу и осуждения, с последующим лишением свободы, лица, участвовавшие в террористических актах экстремистской направленности, стали угрозой для уголовно-исполнительной системы, что проявлялось в попытках завербовать в свои ряды других заключенных. На примере практики деятельности оперативных подразделений УФСИН России по Кабардино-Балкарской Республике можно представить типовой портрет субъектов, подвергавшихся вербовке со стороны участников группировки «Кабардино-Балкарский Карачаевский Имарат Кавказ».

Во многих случаях, это лица в возрасте 18-35 лет с низким социальным статусом среди спецконтингента, трудоспособные, не имеющие своих жизненных принципов и мнения, не умеющие принимать самостоятельно решения в нестандартных ситуациях, склонные поддаваться влиянию со стороны других. В основном их ряды пополняли в чем – либо ущемленные лица, являющиеся изгоями, которых отвергали лица, придерживающиеся «воровских» идей и традиций. В большинстве случаев это лица славянского происхождения, придерживавшиеся тех же, идей и традиций, но со временем в чем-то «провинившиеся» (проиграли и не отдали долг, были уличены в сотрудничестве с правоохранительными органами и т. д.). Они наиболее уязвимы, так как хотят вернуть себе нормальное положение и статус в местах изоляции от общества. Прекрасно понимающие это участники «Кабардино-Балкарский Карачаевский Имарат Кавказ», завлекают их, обещая восстановление их статуса и уважения к ним, показывая сплоченность их группы и готовность помочь ее членам в любой ситуации, но с условием того, что эти лица примут исламскую религию и будут следовать их канонам.

Новые друзья выглядят искренне дружелюбными и откровенными, они замещают старых, проверенных друзей, а иногда становятся больше,

чем частью семьи, входят в полное доверие человека, полностью располагая его к себе. Находясь в одной камере, вербовщики уделяют все свое время объекту вербовки, постоянно затевая религиозный диалог. Человеку навязывается идея, что у него есть религиозный долг, обязательства перед мусульманской уммой (общиной). Таким образом, новобранец со временем начинает подчиняться строго регламентированному режиму дня, что оставляет мало времени для уединения и самоанализа.

В ходе близкого общения начинают подниматься темы о проблемах общества, долга мусульманина. Мир становится «черно-белым», разделяется на плохих и хороших, а позднее на верующих и неверующих. Одним из инструментов манипулирования на данном этапе является обвинение самого человека в слабости веры, призыв к чувству совести и ответственности, и объект начинает признавать, что вся его прошлая жизнь была ошибочной. При постоянном повторении одних и тех же слов как заговора сначала человек теряет свою волю, а затем эти слова постепенно проникают к нему в подсознание и заменяют его собственные мысли.

Завербованные и ставшие полноценными членами, так называемого джамаата, называются неофитами. Прекрасно понимая их дальнейшую роль в развитии идей экстремизма и терроризма, совершении соответствующих преступлений, правоохранительные органы, в том числе сотрудники уголовно-исполнительной системы, должны выявлять их, выводить из-под влияния радикалов, что в настоящее время пока затруднительно, так как их удельный вес постоянно растет, о чем было отмечено на заседании Национального антитеррористического комитета [3, 5].

Библиографический список

1. Международная научно-практическая конференция по вопросам сотрудничества в противодействии экстремизму и терроризма (3 апреля 2018 г.) Режим доступа: http://nac.gov.ru/press-konferencii-i-brifingi.html.

2. *Нарусланов Э. Ф.* Оперативно-розыскное противодействие религиозному экстремизму в учреждениях УИС: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. – М., 2018. – 26 с.

3. Заседание антитеррористической комиссии в Республике Тыва (2 марта 2016 г.) //Режим доступа: http://nac.gov.ru/atk-v-regionah/zasedanie-antiterroristicheskoy-komissii-v-respublike-tyva. html.

4. *Казак Б. Б., Ушатиков А. И.* Социально-психологические особенности личности и среды осужденных: учеб. пособие / под общ. ред. С. Х. Шамсунова. – Псков, 2007. – С. 20.

5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 13 июля 2015 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 2. – Ст. 198; – 2015. – № 29 (часть I). – Ст. 4386.

Bibliographic list

1. International scientific and practical conference on cooperation in combating extremism and terrorism (April 3, 2018) Access mode: http://nac.gov.ru/press-konferencii-i-brifingi.html.

2. Naruslanov EF Operational-search counteraction to religious extremism in the penal institutions: abstract. diss. ... cand. legal sciences. M., 2018. 26 p.

3. Meeting of the anti-terrorist commission in the Republic of Tuva (March 2, 2016)//Access mode: http://nac.gov.ru/atk-v-regionah/ zasedanie-antiterroristicheskoy-komissii-v-respublike-tyva.html

4. Kazak B. B., Ushatikov A. I. Socio-psychological characteristics of the personality and environment of convicts: textbook. allowance / under the general. ed. S. Kh. Shamsunova. Pskov, 2007. P. 20.

5. The Penal Code of the Russian Federation: Federal Law of January 8, 1997 No. 1-FZ (as amended on July 13, 2015) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1997. No. 2. Art. 198; 2015. No. 29 (part I). Art. 4386.

УДК 343.0
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.15.03.036

Теоретические аспекты деятельности уголовно-исполнительных инспекций по привлечению осужденных к отбыванию обязательных и исправительных работ

Д.В. Косолапова[*], И.Н. Смирнова[**], В.Б. Шабанов[***]

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические аспекты деятельности уголовно-исполнительных инспекций по привлечению осужденных к отбыванию обязательных и исправительных работ. Авторы приходят к выводам о том, что на протяжении всей истории существования обязательных и исправительных работ особую роль при их исполнении играет труд осужденных, который не только выступает в качестве одного из основных средств их исправления, но и позволяет инспекциям контролировать поведение данной категории осужденных; в современных условиях задача деятельности уголовно-исполнительных инспекций – привлечение осужденных к отбыванию обязательных и исправительных работ приобретает приоритетный характер, поскольку является одной из самых сложных и важных на первоначальном этапе работы инспекций с осужденными к обязательным и исправительным работам.

Ключевые слова: теоретические аспекты, обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы, цели труда осужденных, привлечение к отбыванию наказания, уголовно-исполнительные инспекции.

---

[*] *Косолапова Диана Валентиновна*, старший научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения уголовных наказаний без лишения свободы Центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: chernisheva_dian@mail.ru

Kosolapova Diana Valentinovna, Senior Researcher, Department of Developing Methodologies for the Execution of Criminal Sentences without Deprivation of Liberty, Center for the Study of Problems of the Execution of Criminal Sentences and Psychological Support for the Professional Activities of Employees of the Penitentiary System of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ph.D.

[**] *Смирнова Ирина Николаевна,* профессор кафедры правозащитной, правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета, доктор юридических наук, доцент. E-mail: irina_smi69@mail.ru

Smirnova Irina Nikolaevna, Professor of the Department of human rights, law enforcement, criminal law and procedure of Pskov State University, doctor of law, associate Professor.

[***] *Шабанов Вячеслав Борисович,* профессор кафедры правозащитной, правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Shabanov Vyacheslav Borisovich, Professor of the Department of Human Rights, Law Enforcement, Criminal Law and Process of Pskov State University, Doctor of Law, Professor.

Theoretical aspects of activity of the penitentiary inspections to attract convicts to serving compulsory and correctional work

Annotation. The article discusses the theoretical aspects of the penitentiary inspections to attract convicts to serving compulsory and correctional work. The authors come to the conclusion that throughout the history of compulsory and corrective work, the labor of convicts plays a special role in their performance, which not only acts as one of the main means of their correction, but also allows penitentiary inspections to control the behavior of this category of convicts; in modern conditions, the task of penitentiary inspections – to attract convicts to serving compulsory and corrective work becomes a priority, because it is one of the most difficult and important at the initial stage of work of inspections with convicts to compulsory and corrective work.

Keywords: theoretical aspects, compulsory work, correctional work, forced labor, labor goals of convicts, serving a sentence, penitentiary inspections.

Реформирование уголовно-исполнительной системы связано с гуманизацией системы исполнения наказаний в нашем государстве, что способствует сокращению сферы применения лишения свободы за счет развития наказаний без изоляции от общества, в том числе связанных с трудовым воздействием на осужденных, исполнение которых возложено на уголовно-исполнительные инспекции (далее – УИИ) [1]. В контексте настоящей публикации определенный интерес представляет деятельность УИИ по привлечению осужденных к отбыванию обязательных и исправительных работ, которые прежде чем стать таковыми, прошли долгий путь становления и развития. Ученые, исследовавшие исправительные работы как вид уголовного наказания, указывают на то, что в первые годы своего существования они именовались общественными (обязательными) работами, а впоследствии в ряде законодательных актов – принудительными работами, которые и были историческим предшественником нынешних исправительных работ. Несмотря на это, мы находим некоторое сходство принудительных работ и введенных в 1996 г. УК РФ обязательных работ, которое просматривается в том, что принудительные работы как вид наказания носили открытый, публичный характер, т.е., по сути, были общественными; были тяжелыми и неприятными для осужденного, приносили ему физические и нравственные страдания. Таким образом, вполне можно согласиться с тем, что обязательные работы «имеют общие корни с исправительными работами» [2, с. 67], а «принудительные работы послужили исторически-правовой базой для возникновения как исправительных, так и обязательных работ» [3, с. 28].

Обращение к заявленной в названии статьи проблематике обусловлено, в частности, тем, что на протяжении всей истории существования наказаний в виде обязательных и исправительных работ особую роль при их исполнении играет общественно полезный труд, направленный на исправ-

ление правонарушителей. Более того, он является неотъемлемым атрибутом этих наказаний, точнее – предопределяет основную обязанность осужденного выполнять определенные приговором трудовые обязанности и фактически составляет их содержание.

Что касается значимости труда в человеческой истории и, что особенно важно, в исправлении преступников, то в любом научном труде, так или иначе имеющем отношение к указанным аспектам проблемы, мы находим традиционные ссылки на основоположников, классиков марксизма-ленинизма, которые, безусловно, правы в своих суждениях о том, что труд создал самого человека, что характер труда (производства) определяет, по сути, основные параметры общества и отношений, которые в нем доминируют. Между тем классики практически ничего не писали о труде и его роли применительно к проблеме исправления осужденных. Относительно интерпретации и трансформации их взглядов в новейшей истории развития общества необходимо отметить следующее. На сегодняшний день всемирный эксперимент, целью которого было обобществление средств труда (производства) и общественный характер этого производства, потерпел, как известно, неудачу. Однако, речь, прежде всего, должна вестись о значимости труда в исправлении осужденных. Именно труд выступает могучим воспитательным фактором для всех категорий осужденных независимо от вида назначенного наказания.

В свое время А.Л. Ременсон отмечал, что труд и воспитание не отделимы, это две стороны единого процесса. В соответствии с этим положением исправительно-трудовое законодательство определяло, что исправление и перевоспитание заключенных основываются на привлечении их к общественно полезному труду [4, с. 17]. Позднее А.С. Михлин, В.И. Гуськов, И.А. Кириллова и другие ученые указывали на то, что основной характерной чертой наказания оказывается перевоспитание и исправление осужденного с помощью общественно полезного труда – важного фактора, влияющего на формирование личности человека. В условиях советского общества сознательный, творческий, коллективный труд выступает в качестве средства обеспечения всего народа материальными благами. Как важный фактор воспитания труд может быть использован обществом в необходимых случаях и для перевоспитания его членов. В процессе исправительно-трудового воздействия на преступников, в том числе на осужденных к исправительным работам, используется влияние коллективного общественно полезного труда [5, с. 93].

С этим утверждением трудно не согласиться, поскольку именно коллективный характер труда воспитывает людей, формирует лучшие качества личности – дисциплинированность, исполнительность, аккуратность, чувство товарищества, личной ответственности перед коллективом и ответственность за коллектив. Выдающийся советский педагог А.С. Макаренко подчеркивал, что «только участие в коллективном труде позволяет человеку выработать правильное, нравственное отношение к другим людям – родственную любовь и дружбу по отношению ко всякому трудящемуся, возмущение и осуждение по отношению к лентяю, к человеку, уклоняющемуся от труда» [6, с. 397].

С учетом изложенного в юридической литературе воспитательным свойствам общественно полезного труда всегда уделялось достаточно много внимания. Показательно, что их никто не подвергает сомнению и в настоящее время, хотя с переходом на новые экономические отношения, в основе которых – частная собственность на орудия труда и средства производства, начинает бытовать мнение, что такие понятия, как коллектив, коллективный труд и другие, перестают играть главенствующую роль в развитии и становлении личности. Однако, подобные отношения, которые складываются в нынешней ситуации, не распространяются на осужденных.

Известно, что роль труда осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, не исчерпывается лишь воспитательной целью. Труд преследует также определенные экономические и оздоровительные цели. Не останавливаясь подробно на этих хорошо исследованных вопросах, отметим лишь, что в указанном контексте определенный интерес представляет мнение о том, что воспитательные и экономические цели труда осужденных якобы не совместимы, так как одна из них может быть достигнута в ущерб другой. Суть оздоровительных целей труда обычно видят в том, что, участвуя в посильной общественно полезной деятельности, осужденные развиваются физически [7, с. 166]. На наш взгляд, если указанную цель сводить лишь к физическому развитию, то альтернативой труду может выступать организация спортивных и оздоровительных мероприятий. Необходимо особо подчеркнуть, что оздоровительные цели труда направлены и на сохранение психического равновесия осужденных в период отбывания наказания. Следовательно, трудовая деятельность осужденных, предотвращая пагубное влияние безделья, способствует сохранению не только физического, но и психического здоровья осужденных.

С учетом изложенного в современных условиях труд осужденных, в том числе, к исправительным и обязательным работам, преследует воспитательные, экономические и оздоровительные цели, достижение которых, в конечном счете, должно способствовать при надлежащей организации деятельности УИИ исправлению осужденных и предупреждению совершения с их стороны новых преступлений. Ведь в числе причин и условий совершения осужденными, состоящими на учете УИИ, преступлений следующие: длительное пребывание вне сферы общественно полезной деятельности; особенности контингента осужденных, прежде всего большое число лиц, страдающих наркотической и алкогольной зависимостью; криминогенная зараженность осужденных, состоящих на учете УИИ; недостаточная профилактическая работа и слабый контроль за их поведением [8, с. 419].

Отметим, что в 2017 г. плановый показатель по уровню привлечения осужденных к отбыванию наказания в виде исправительных работ, установленный приказом Минюста России от 10 апреля 2017 г. № 55, а также государственной программой Российской Федерации «Юстиция» [9], выполнен в полном объеме и составил 99,43 % [10].

Представляется, что в контексте реализации УИИ задачи по привлечению осужденных к отбыванию обязательных и исправительных работ важное значение имеет рассмотрение таких категорий труда, или сторон, как «содержание», «условия» и «характер» [11, с. 15].

Категория *«содержание труда»* (СТ) характеризует труд с качественной стороны, включающей в себя профессии, специальности, квалификации, а также трудовые функции работников. Различия в содержании труда проявляются всегда как различия в профессиях, специальностях, квалификациях.

Согласно действующему законодательству, обязательные и исправительные работы отбываются на объектах и в местах, определяемых органом местного самоуправления по согласованию с УИИ по месту жительства осужденного (на предприятиях, в организациях и учреждениях любой формы собственности), где его трудоустраивают по возможности с учетом имеющейся у него специальности (если осужденный не лишен права заниматься определенной деятельностью).

Следующая важнейшая характеристика рассматриваемого феномена – *условия труда* (УТ), под которыми понимается внешняя среда, конкретная обстановка, в которой протекает трудовая деятельность людей (трудовой коллектив, состояние в нем санитарной, трудовой дисциплины, психологический климат и т. д.). Очевидно, что результативность процесса исправления отбывающих наказание зависит от состояния, качественных параметров условий труда.

Осужденные к обязательным и исправительным работам отбывают наказание в конкретном, определенном трудовом коллективе, находятся под его социальным контролем. Следует отметить, что в современной социально-экономической обстановке подобный контроль может быть значительно ослаблен, а то и вовсе отсутствовать, в связи с чем перед работниками УИИ стоит довольно сложная задача подбора места для отбывания наказания. Как известно, условия труда указанной категории осужденных определены уголовно-исполнительным законодательством, устанавливающим определенные ограничения правового статуса осужденных, порядок и условия отбывания обязательных и исправительных работ, а также ответственность за уклонение от них, что на практике предопределяет не только важность этих требований, но и главное – их реализацию.

Следующая обобщающая категория отражает *характер труда* (ХТ) осужденных к обязательным и исправительным работам. Содержание характера труда можно выразить следующей формулой:

$$ХТ = СТ + УТ,$$

где УТ – переменная величина, зависящая от конкретной деятельности людей.

Таким образом, законодатель и УИИ, регулируя условия труда осужденных к обязательным и исправительным работам, могут менять как его характер, так и содержание. Это, в свою очередь, позволяет сконцентрировать качественно определенные педагогические свойства в отдельных видах работ. Рассмотрение теоретических аспектов позволяет заключить, что на протяжении всей истории существования обязательных и исправительных работ особую роль при их исполнении играл и продолжает играть труд осужденных, который не только выступает в качестве одного из основных средств их исправления, но и позволяет УИИ контролировать поведение осужденных к обязательным и исправительным работам, формировать

у них уважительное отношение к человеку, обществу, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, а также стимулировать правопослушное поведение осужденных, достигая тем самым цели исправления. В свою очередь, задача УИИ – привлечение осужденных к отбыванию обязательных и исправительных работ приобретает в современных условиях приоритетный характер, поскольку она является одной из самых сложных и важных на первоначальном этапе работы УИИ с осужденными к обязательным и исправительным работам.

Библиографический список

1. Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности: постановление Правительства Российской Федерации от 16 июня 1997 г. № 729 (в ред. от 23 апреля 2012 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 25. – Ст. 2947.

2. *Рахмаев Э.С.* Исправительные работы как вид уголовного наказания: дисс. … канд. юрид. наук. – Рязань, 2005. – 185 с.

3. *Осадчая Н.Г.* Обязательные работы как новый вид наказания в российском уголовном законодательстве: дисс. … канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 1999. – 215 с.

4. *Шамсунов С.Х.* Правовые и организационные основы привлечения к труду осужденных к лишению свободы (по материалам Республики Татарстан): дисс. … канд. юрид. наук. – М., 2001. – 260 с.

5. *Михлин А.С., Гуськов В.И., Кириллова И.А.* и др. Эффективность исправительных работ как меры наказания // Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. – М.: Юрид. лит., 1968.– 255 с.

6. *Макаренко А.С.* Сочинения. – Т. IV. – М.: АПН РСФСР, 1957. – 496 с.

7. Советское исправительно-трудовое право: учебник / под ред. Н.А. Стручкова, Ю.М. Ткачевского. – М.: Юрид. лит., 1983. – 351 с.

8. *Смирнова И.Н., Коноплева С.О.* Организационно-правовое обеспечение эффективности функционирования уголовно-исполнительных инспекций // Человек: преступление и наказание. – 2017. – № 3. – Т. 25. – С. 418–424.

9. Об утверждении Государственной программы Российской Федерации «Юстиция»: постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 312 // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 18. – Ч. 2. – Ст. 2158.

10. Об исполнении уголовно-исполнительными инспекциями наказаний в виде исправительных и обязательных работ: обзор ФСИН России //www.фсин.ру

11. *Тимершин Х. А.* Исправительные работы: история и современность: учеб. пособие. – Уфа: УВШ МВД СССР, 1990. – 110 с.

Bibliographic list

1. On approval of the Regulation on criminal executive inspections and the standard of their staffing: Decree of the Government of the Russian Federation of June 16, 1997 No. 729 (as amended of April 23, 2012) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1997. No. 25. Art. 2947.

2. Rakhmaev E.S. Correctional work as a form of criminal punishment: Diss. ... cand. legal sciences. Ryazan, 2005. 185 p.

3. Osadchaya N.G. Mandatory work as a new form of punishment in the Russian criminal law: Diss. ... cand. legal sciences. Rostov on Donn, 1999. 215 p.

4. Shamsunov S.Kh. Legal and organizational basis for attracting prisoners to labor (based on the materials of the Republic of Tatarstan): diss. ... cand. legal sciences. M., 2001. 260 p.

5. Mikhlin A.S., Guskov V.I., Kirillova I.A. et al. Efficiency of correctional labor as a measure of punishment // Efficiency of criminal law measures to combat crime. – M.: Yurid. lit., 1968.– 255 p.

6. Makarenko A.S. Compositions. T. IV. M.: APN of the RSFSR, 1957. 496 p.

7. Soviet corrective labor law: textbook / ed. Struchkov, Yu.M. Tkachevsky. M.: Yurid. lit., 1983. 351 p.

8. Smirnova I.N., Konopleva S.O. Organizational and legal support for the functioning of criminal executive inspections // Man: crime and punishment. 2017. No. 3. T. 25. P. 418–424.

9. On approval of the State program of the Russian Federation “Justice”: Decree of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014. No. 312 // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2014. No. 18. Part 2. Art. 2158.

10. On the execution by penal inspections of penalties in the form of corrective and compulsory labor: a review of the Federal Penitentiary Service of Russia // www.fsin.ru

11. Timershin H. A. Correctional work: history and modernity: textbook. allowance. Ufa: Ufa Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1990. 110 p.

УДК 343.0
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.15.03.037

Уголовно-исполнительная система в механизме обеспечения общественной безопасности

Б.Б. Казак[*], А.В. Щербаков[**]

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные проблемы обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы. Раскрывая указанные обстоятельства, препятствующие обеспечению безопасности уголовно-исполнительной системы, авторы акцентируют внимание на одном из самых важных за последнее время принятых законов для пенитенциарного ведомства Федеральном законе от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». Предлагается внести в отдельные статьи указанного закона изменения и дополнения, которые, по субъективному мнению авторов, смогут повлиять на обеспечение безопасности уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, национальная и общественная безопасность, безопасность, органы и учреждения уголовно-исполнительной системы, администрация учреждений, осужденные.

Criminal-Executive system in the mechanism of public security

Annotation. The article deals with some problems of security of the penal system. Revealing these circumstances that impede the security of the penitentiary system, the authors focus on one of the most important recently adopted laws for the penitentiary Department of the Federal law of July 19, 2018. No. 197-FZ "On service in the penal correction system of the Russian Federation and on amendments to the Law of the Russian Federation "On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of deprivation of liberty". It is proposed to make changes and additions to certain articles of the said law,

[*] *Казак Бронислав Брониславович*, заведующий кафедрой правозащитной, правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета, доктор юридических наук, профессор. E-mail: kafoppd@rambler.ru

Kazak Bronislav Bronislavovich, Head of the Department of human rights, law enforcement, criminal law and process of Pskov State University, doctor of law, professor.

[**] *Щербаков Андрей Васильевич,* начальник кафедры организации режима и оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе Псковского филиала Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат юридических наук, доцент.

Shcherbakov Andrey Vasilievich, Head of the Department of Organization of the Regime and Investigation Activities in the Criminal Executive System of the Pskov Branch of the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Candidate of Law, Associate Professor.

which, in the subjective opinion of the authors, can affect the security of the penal system.

Keywords: criminal-Executive system, national and public security, security, bodies and institutions of the criminal-Executive system, administration of institutions, convicts.

Российская Федерация исходит из необходимости постоянного совершенствования системы обеспечения общественной безопасности [1], в связи с чем в настоящее время концептуально определены стратегические национальные приоритеты [2]. Как отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума 7 июня 2019 г., сегодняшние тенденции в мире свидетельствуют о том, что роль страны, ее суверенитет и место в современной системе координат определяются несколькими ключевыми факторами: способность обеспечить безопасность своих граждан, способность не только сохранять национальную идентичность, но и вносить вклад в развитие мировой культуры [3].

Федеральная служба исполнения наказаний является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных, функции по содержанию лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, и подсудимых, находящихся под стражей, их охране и конвоированию, а также функции по контролю за поведением условно осужденных и осужденных, которым судом предоставлена отсрочка отбывания наказания, и по контролю за нахождением лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, в местах исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений (ред. 8 сентября 2017 г.) [4].

Деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы (УИС) многоаспектна, она направлена на исполнение приговоров судов, эффективность которого сказывается на обеспечении внутренней и внешней безопасности. Основным средством обеспечения этой безопасности является исправление осужденных и деятельность органов и учреждений, исполняющих наказания, в сфере предупреждения совершения ими новых преступлений, что соответствует целям уголовно-исполнительного законодательства и предопределяет специфику деятельности УИС в этом направлении. При этом о достижении цели наказания, как указывается в литературе, можно судить по тому, что лицо, отбывшее наказание, воздерживается от совершения преступления [5, с. 23].

Вместе с тем, с одной стороны, безопасность УИС генетически связана с общей системой национальной безопасности, поскольку включает в себя комплекс нормативно-правовых и организационно-правовых сил и средств, направленных на противодействие угрозам нормальному развитию Российского государства и общества, правоохраняемым интересам граждан. С другой стороны, безопасность УИС имеет существенную специфику, что

обусловлено особенностями ее основных угроз и проявляется в организационно-правовых инструментах ее обеспечения.

В целом деятельность по обеспечению безопасности УИС выходит за рамки уголовно-исполнительного законодательства и организуется в соответствии с требованиями различных отраслей права. При этом необходимо обратить внимание на отсутствие в законодательстве и иных нормативных правовых актах регламентации деятельности УИС по реализации полномочий в обеспечении ее безопасности.

В современных условиях УИС переживает процесс реформирования, предпосылки и ход которого заданы двумя стратегическими, концептуально отраженными целевыми установками [6]: гуманизацией УИС в параметрах конституционных норм, с учетом международных стандартов и демократизации Российского общества и государства и повышением эффективности УИС в контексте реализации ею социальных и специальных функций. При этом в условиях демократизации государства и общества, с одной стороны, изменяется содержание функций, конкретных задач, форм и методов работы правоохранительных органов, в том числе УИС и входящих в нее органов и учреждений. Как отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин, вопрос реформирования судебной и правоохранительной систем в России заключается в том, что именно сделать и какими темпами, в данной сфере главное – не навредить [7]. В целом в современной динамично развивающейся системе правовых отношений и ценностей правоохранительная служба это гарант социально-психологического комфорта граждан, так как смысл правоохранительной деятельности заключается в том, чтобы всеми дозволенными силами и средствами помочь человеку восстановить нарушенное право.

С другой стороны, появляются новые формы и источники угроз личной, общественной и государственной безопасности, в том числе в связи с функционированием и развитием УИС. Один из острейших вопросов заключается в том, как не нарушить баланс между обеспечением безопасности государства и общества и соблюдением прав человека. В свою очередь, органы и учреждения УИС, деятельность которых непосредственно связана с исполнением наказаний во взаимосвязи с задачами исправления осужденных, их ресоциализацией, обеспечением пенитенциарной безопасности, должны адекватно реагировать на происходящие изменения.

Проблемы безопасности УИС возрастают в силу следующих обстоятельств.

Во-первых, в настоящее время наблюдается омоложение и ухудшение криминологических характеристик контингента осужденных, отбывающих наказания в исправительных учреждениях, что проявляет себя в том числе в различных формах деструктивного поведения, предпринимаемых попытках дезорганизации их деятельности, в посягательствах на работников УИС. Особо необходимо обратить внимание на то, что расширяется сфера применения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, в частности, в 2018 г. по учетам уголовно-исполнительных инспекций прошло более миллиона человек, что на 45 тысяч больше показателя предыдущего года. При этом, несмотря на снижение в целом уровня

повторной преступности осужденных без лишения свободы (2018 г. – 2,09 %, 2017 г. – 2,44 %), происходит рост количества совершенных такими осужденными повторных преступлений, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ (2018 г. – 23 %, 2017 г. – 18,5 %) [8]. Более того, решается задача при исполнении уголовных наказаний и мер уголовно-правового характера свести к минимуму негативное влияние контингента, состоящего на учете УИИ (он представлен, в том числе, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности, больными наркоманией и алкоголизмом), на криминогенную ситуацию в населенных пунктах Российской Федерации [9, с. 5].

В связи с этим, востребованы научные разработки вопросов нейтрализации и минимизации соответствующих пенитенциарных угроз и опасностей, а также мобилизации готовности сотрудников органов и учреждений, исполняющих наказания, эффективно и в параметрах правовых предписаний действовать в этом направлении. При этом следует принять во внимание позитивный зарубежный опыт.

Во-вторых, несмотря на очевидную значимость всестороннего комплексного обеспечения безопасности УИС при помощи правовых и организационных средств, до настоящего времени отсутствует официальный программный документ – Концепция безопасности уголовно-исполнительной системы. В ней, в развитие Концепции национальной безопасности России и с учетом специфики правоохранительной деятельности в уголовно-исполнительной сфере, должны найти отражение ключевые понятия и элементы безопасности УИС, основы их функциональной взаимосвязи и взаимодействия, в целом предметно обозначен механизм управления безопасностью УИС [10, с. 15–17].

В-третьих, в современных условиях требуется принятие ряда законодательных и организационно-правовых мер, принимающих во внимание международные правовые стандарты и позитивный зарубежный опыт в пенитенциарной сфере деятельности и направленных: на совершенствование контроля за деятельностью УИС в связи с вопросами ее безопасности; повышение эффективности уголовно-правовой охраны безопасности пенитенциарных учреждений, прежде всего в части усиления уголовной ответственности за действия, посягающие на их нормальную работу, безопасность персонала, безопасность осужденных; организацию надлежащего взаимодействия между субъектами обеспечения безопасности УИС, в том числе представляющими другие правоохранительные органы, иные государственные органы, институты гражданского общества, осуществляемого по линии профилактики и пресечения преступных проявлений и иных правонарушений, а также в рамках воспитательной и социальной работы с осужденными; укрепление ресурсного, в том числе кадрового, потенциала УИС, оптимизацию профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы во взаимосвязи с вопросами обеспечения безопасности; приведение нормативно-правовых основ технических средств обеспечения пенитенциарной безопасности в соответствие с их назначением; повышение правовой определенности в решении вопросов дифференциации условий содержания осужденных в контексте пенитенциарной безопасности; повышение стимулирующей роли воспитательно-профилак-

тических и социально-психологических мероприятий, ориентированных на процесс исправления и ресоциализации осуждённого, в свою очередь, выступающими важными показателями безопасности УИС.

Следует обратить внимание и на последние законодательные новеллы в сфере правоотношений, возникающих и развивающихся при поступлении граждан на службу в УИС и ее прохождении: принят Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [11].

Позитивно воспринимая факт принятия Закона, установившего правовые, организационные и финансово-экономические основы прохождения службы в УИС, следует, вместе с тем, вести речь о недостаточном отражении в нем вопросов безопасности УИС, ее обеспечения посредством правоохранительной деятельности органов и учреждений УИС. С учетом изложенного в заключение сформулируем рекомендации о внесении в текст Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 197 «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» следующих дополнений и изменений:

– п.1) ст. 1 дополнить абзацем следующего содержания: «Служба в уголовно-исполнительной системе относится к правоохранительной деятельности, связана с выполнением ее сотрудниками при осуществлении своих служебных прав и обязанностей функций по обеспечению безопасности уголовно-исполнительной системы, по поддержанию в ней законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, по защите прав и свобод человека и гражданина»;

– пп. 16 п. 1 ст. 11 (Права сотрудника) изложить в следующей редакции: «на государственную защиту его жизни, здоровья, чести и достоинства, жизни, здоровья, чести и достоинства членов его семьи, а также принадлежащего ему и членам его семьи имущества».

Библиографический список

1. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации 20 ноября 2013 г. //www. consultant.ru

2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 1 (часть II). – Ст. 212.

3. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // http://www.kremlin.ru/events/president/news/ 60707

4. Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний: Указ Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314 //www. consultant.ru

5. *Бутенко Т.П., Руденко А.С.* Исправление осужденных: проблемы правопонимания // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2019. – № 5. – С. 20–23.

6. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р (ред. от 23.09.2015) // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 43. – Ст. 5544.

7. Путин призвал «не размахивать шашкой» при реформах судебной и правоохранительной систем // https://www.pnp.ru/social/ putin-prizval-ne-razmakhivat-shashkoy-pri-reforme-sudebnoy-i-pravoo khranitelnoy-sistem.html

8. Об итогах деятельности уголовно-исполнительных инспекций в 2018 году: обзор ФСИН России //www. consultant.ru

9. *Лукьянец Е.В.* Основные итоги деятельности по исполнению уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества // Сборник материалов VII Всероссийского совещания руководителей уголовно-исполнительных инспекций, исправительных центров и подразделений по контролю за исполнением наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, территориальных органов ФСИН России (19–21 июля 2017 г., г. Пушкин). – Пушкин, 2017. – С. 5–16.

10. *Казак Б.Б.* Уголовно-исполнительная система в механизме обеспечения внутренней безопасности общества (теоретические и организационно-правовые аспекты): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2000. – 55 с.

11. Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» //Российская газета, 2018, 25 июля.

Bibliographic list

1. The concept of public safety in the Russian Federation: approved. The President of the Russian Federation on November 20, 2013 // www. consultant.ru

2. The national security strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 683 // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2016. No. 1 (part II). Art. 212.

3. Plenary meeting of the St. Petersburg International Economic Forum // http://www.kremlin.ru/events/president/news/ 60707

4. Issues of the Federal Penitentiary Service: Decree of the President of the Russian Federation of October 13, 2004 No. 1314 // www. consultant.ru

5. Butenko T.P., Rudenko A.S. Correction of convicts: problems of legal understanding // Bulletin of the penitentiary system. 019. No. 5. P. 20–23.

6. The concept of development of the penal system of the Russian Federation until 2020: approved. By the order of the Government of the Russian Federation of October 14, 2010 No. 1772-r (as amended on September 23, 2015) // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 2010. No. 43. Art. 5544.

7. Putin urged “not to wave a saber” in case of reforms of the judicial and law enforcement systems // https://www.pnp.ru/social/ putin-prizval-ne-razmakhivat-shashkoy-pri-reforme-sudebnoy-i-pravoo khranitelnoy-sistem.html

8. On the results of the activities of criminal executive inspections in 2018: a review of the Federal Penitentiary Service of Russia // www. consultant.ru

9. Lukyanets E.V. The main results of the execution of criminal sentences not related to the isolation of convicts from society // Proceedings of the VII All-Russian meeting of heads of criminal executive inspections, correctional centers and units for monitoring the execution of sentences not related to isolation of convicted from society, territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia (July 19-21, 2017, Pushkin). Pushkin, 2017. P. 5–16.

10. Cossack B.B. The penal system in the mechanism for ensuring the internal security of society (theoretical and legal aspects): abstract. dis. ... Dr. jur. sciences. M., 2000. 55 p.

11. Federal Law of July 19, 2018 No. 197-FZ “On Service in the Criminal Executive System of the Russian Federation and on Amendments to the Law of the Russian Federation“ On Institutions and Bodies Executing Criminal Sentences of Deprivation of Liberty ” // Russian newspaper, 2018, July 25.

УДК 343.0
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.15.03.038

Виктимологическая характеристика лиц, совершивших преступление против несовершеннолетних

А.В. Комарницкий*

Аннотация. По мнению автора, выявление и изучение потенциальных преступников, совершающих преступления в отношении несовершеннолетних, осуществление комплексных мер по защите несовершеннолетних жертв преступлений, повышение способности к девиктимизации (самозащите и сопротивлению преступникам), а также устранение и минимизация обстоятельств, ситуаций, причин, в которых повышается их виктимность и возможность причинения им физического, материального или морального вреда составляет суть виктимологической защиты несовершеннолетних от преступных посягательств.

Ключевые слова: дифференциация, жертва преступления, виктимность несовершеннолетних, виктимизация несовершеннолетних, виктимологическая профилактика.

Victimological characteristics of persons who committed crimes against minors

Annotation. According to the author, identification and studying of the potential criminals committing crimes concerning minors, implementation of complex measures for protection of minor victims of crimes, increase of ability to a deviktimization (to self-defense and resistance to criminals), and also elimination and minimization of circumstances, situations, the reasons in which their victimization and possibility of causing physical, material or moral harm by it raises makes an essence of victimological protection of minors from criminal encroachments.

Keywords: differentiation, crime victim, *victimization* of minors, victimization of minors, *victimological* prevention.

Адекватное изучение личности преступника невозможно без исследования проблемы его образа жизни, который во многом определяет основные черты личности, а значит, и преступное поведение. Анализ антиобщественного образа жизни фактиче-

* *Комарницкий Анатолий Васильевич,* профессор кафедры уголовного права юридического факультета РГПУ им. А.И. Герцена, кандидат юридических наук, доцент.

Komarnitsky Anatoly Vasilievich, Professor, Department of Criminal Law, Faculty of Law, RSPU A.I. Herzen, PhD in Law, associate professor.

ски означает исследование самой жизни людей, как конкретной совокупности форм деятельности, что включает в себя семейно-бытовую деятельность, работу, учебу, досуг и т.д.

Среди преступников, совершивших преступления против несовершеннолетних, около 50% – не женаты (или не замужем) и никогда ранее в браке не состояли, примерно 30% – были разведены или оставили семью, и только 18% – женаты и проживают со своими семьями [6].

Неблагоприятные тенденции проявляются в том, что в последние годы увеличился удельный вес преступников (как мужчин, так и женщин), характеризующихся относительно высоким социальным статусом, имеющих высшее образование, занимающих должности в государственных учреждениях, являющихся сотрудниками правоохранительных органов.

В числе социально-демографических характеристик личности преступника особое значение имеет его образовательный уровень, который оказывает непосредственное влияние на формирование личности, ее жизненных взглядов и ценностей, и во многом обуславливает поведение личности в социуме.

Более 83% лиц, совершивших преступление против несовершеннолетних, имели общее, среднее или среднее специальное (профессиональное) образование, примерно 15% – неполное образование, и лишь 5% – высшее профессиональное образование. Изложенная статистика свидетельствует о том, что рассматриваемая категория преступников имеет относительно низкий уровень образования, а соответственно и культуры [3].

Отличительным признаком преступников рассматриваемой категории является уклонение от социально-полезной деятельности. Проведенное нами исследование показало, что в большинстве случаев преступления против несовершеннолетних совершают вполне трудоспособные, но не работающие и не учащиеся. Так, в исследуемом массиве лиц, доля не работающих и не учащихся составляет достаточно постоянную величину (в среднем 57%), работающие – 35%, учащиеся и студенты – 8%.

Своеобразной заменой функции социально-полезной деятельности у лиц, совершивших противоправное деяние в отношении несовершеннолетнего, выступала преступная деятельность. Уголовная статистика свидетельствует, что определенная доля выявленных преступников ранее уже была судима за аналогичные (15%) или разнородные преступления (30%). При этом около 25% имели одну судимость, 7% – две судимости, 2% – три и более [3].

В подавляющем большинстве случаев (70%) преступников были знакомы с несовершеннолетним потерпевшим, 45% из которых были родителями или родственниками, 15% – мачехой (отчимом), 31% – лица из ближайшего окружения потерпевшего (друзья, соседи, приятели, знакомые), и только 13% являлись незнакомыми или малознакомыми лицами [10].

Таким образом, большинство преступлений против несовершеннолетних совершается родственниками или знакомыми, т.е. теми людьми, которым он доверяет и которые по закону обязаны представлять и защищать их права и законные интересы.

За последнее время почти в два раза увеличилось количество случаев, когда в различных преступлениях против несовершеннолетних виновными

становятся педагогические работники общеобразовательных школ, домов-интернатов и других учреждений, а также другие должностные лица.

Так, в 2017 г. следователями Следственного комитета возбуждено более 200 уголовных дел по фактам совершения преступлений в отношении несовершеннолетних сотрудниками образовательных учреждений и при их попустительстве иными лицами.

Помимо рассмотренных социально-демографических признаков важную криминологическую нагрузку несут на себе нравственно-психологические особенности личности преступника, в том числе и рассматриваемого нами.

По данным криминологической, психологической и судебно-психиатрической литературы, лица, обвиняемые в преступлениях против несовершеннолетних, характеризуются отрицательными социально-эмоциональными чертами. Им присущи многочисленные дефекты физического, психологического, нравственного и интеллектуального развития. К примеру, лицам, совершающим против несовершеннолетних насильственные преступления присущи: эмоциональная неустойчивость, импульсивность поведения, неадекватное реагирование на внешние раздражители, конфликтность, эгоцентризм и агрессивность. В тоже время, лица**,** виновные в убийствах, телесных повреждениях, истязаниях отличаются и крайней десоциализированностью, стереотипизированностью асоциальных поведенческих навыков. Насилие ими воспринимается в качестве единственного средства разрешения конфликтов.

Некоторыми психологическими особенностями отличается преступное поведение женщин. Специфика женского поведения заключается в более остром восприятии отдельных явлений действительности, повышенном эмоциональном реагировании на них, в придании большей значимости отдельным фактам межличностных отношений. Женщины более подвержены психологической травматизации в конфликтных ситуациях. Повышенная чувствительность, обилие семейных забот создают у них устойчивый фон повышенной психической напряженности. Так, нередки случаи, когда женщины, оставшиеся без мужа в трудной жизненной ситуации, испытывают депрессию, и в качестве компенсации причиненной им обиды избивают, а порой даже убивают своих детей.

При совершении преступлений с использованием несовершеннолетних в «порноиндустрии» абсолютное большинство преступников – это мужчины – 92,0%. Женщины составили 8,0%, в механизме преступления играли роль пособниц, занимающихся вербовкой и привлечением новых жертв [5].

Более половины лиц, осужденных за преступления в сфере сексуальной эксплуатации, являлись лицами в возрасте до 40 лет: 29,4% в возрасте 20–29 лет, 38,2% в возрасте 30–39 лет, 22,1% в возрасте 40–49 лет, старше 50 лет – 7,4%, в возрасте 18–19 лет – менее 2,9% [5]. Таким образом, абсолютное большинство осужденных находилось в активном трудовом возрасте. Многие из них не смогли реализовать себя в условиях «развитого капитализма», были недовольны своим социальным и профессиональным статусом. В совокупности с низким уровнем социальной адаптивности и неустойчивыми (а иногда и утраченными) морально-нравственными ценност-

ными установками, данная категория лиц, возомнив себя «крутыми» предпринимателями, активно «влилась» в сферу оказания секс-услуг.

Что же касается личности преступника, совершившего сексуальное насилие над несовершеннолетними (педофил), то для него характерны следующие черты: они менее агрессивны, в основной своей массе педофилы отличаются инфантильностью, зачастую у них наблюдается различного рода психопатология, отклонение от нормального умственного развития, психическая закомплексованность, сексуальные фобии и т.д.

По мнению врача-психиатра Владимира Файнзильберга, «педофилы стараются быть крайне неприметными в обществе. Когда педофил начинает общаться с несовершеннолетними, у него появляется нездоровый блеск в глазах, и он начинает с ребенком сюсюкаться». Большая же привлекательность несовершеннолетних как сексуальных объектов для педофилов объясняется их нейтральностью в случае сексуальной неудачи, их доступностью и наибольшей вероятностью сохранения тайны.

Среди типичных личностных черт рассматриваемой категории преступников исследователи особо отмечают злоупотребление спиртными напитками, либо наркотическими средствами, негативное отношение к исполнению общегражданских обязанностей, систематические нарушения общественного порядка, аморальный образ жизни. Удельный вес преступников с психической патологией (в рамках вменяемости) составляет 25-30%, а если учесть лиц, страдающих алкоголизмом, то эта цифра возрастет до 70% [4].

Наши исследования профессиональной занятости осужденных свидетельствуют, что более половины из них (59,1%) не работали и не имели постоянного источника дохода, 49,1% – торговцы детьми, 63,5% – лица, осужденных за незаконный оборот порнографии, 19,4% – осужденные за вовлечение и принуждение к занятию проституцией (в основном работники саун и «массажных» салонов). Небольшая часть осужденных (10,2%) были заняты временной работой, не имея постоянного дохода.

Представляют интерес профессии работающих «секс-эксплуататоров»: 12,0% работали в коммерческих структурах (ООО, ЗАО, ИЧП и др.), 9,2% – в сфере торговли, 24,5% – в сфере услуг, в том числе охранниками, водителями, диспетчерами. Среди выявленных и осужденных лиц, совершивших рассматриваемые деяния, находились лица с относительно высоким социальным статусом: сотрудники правоохранительных органов, военные пенсионеры, депутат, сотрудник образовательного учреждения (9,3%) [5].

В последние годы среди лиц, пользующихся услугами несовершеннолетних и оказывающих общее «покровительство» в преступном «бизнесе», все чаще появляются высокопоставленные чиновники.

Особенностью преступлений рассматриваемой категории является не только достаточно престижный социальный статус некоторых преступников, но и более высокий образовательный уровень. Так, 18,2% преступников имели высшее и неоконченное высшее образование, 42,3% – среднее образование, 14,3% – среднее специальное, 16,2% – неоконченное среднее образование. У 9,0% осужденных образовательный статус не установлен.

Исследования криминологов, изучающих проблему сексуальной эксплуатации несовершеннолетних, свидетельствуют о том, что около 3/4 про-

ституток находятся в возрасте до 30 лет. Вместе с тем, в последние годы регистрируются факты вовлечения в занятие проституцией на профессиональной основе несовершеннолетних в возрасте 13–14 лет и даже 10–12 лет [2], при этом среди них представлены как положительно характеризующиеся, но «опередившие свой возраст» подростки, так и предельно развращенные [9].

Возвращаясь к криминологическому портрету личности сексуального эксплуататора можно, обобщая, сказать следующее: это, в основном, холостые мужчины молодого и среднего возраста, горожане, имеющие среднее образование, профессионально не состоявшиеся, не имеющие в ряде случаев постоянного источника дохода, неблагополучные в личной жизни, ранее не судимые, субъективно неадекватно оценивающие себя и свои возможности [5].

70% всех несовершеннолетних жертв тяжких насильственных посягательств регистрируется в семьях. Для 10% несовершеннолетних исходом становится смерть, а для 2 тысяч – самоубийство. Более 50 тысяч несовершеннолетних уходят из дома, спасаясь от собственных родителей [9].

Как справедливо отмечает Ю.Е. Пудовочкин**,** «прямая агрессивность родителей по отношению к ребенку, являясь крайней стадией семейного неблагополучия, перечеркивает саму возможность нормального нравственного формирования личности ребенка, подростка в семейной среде. В результате проникновения насилия в жизнь семьи наблюдается деконструкция нравственных, гуманистических основ семейного воспитания, прогрессирует детская безнадзорность и беспризорность, несовершеннолетние все активнее вовлекаются в потребление спиртных напитков, наркотиков, в проституцию и криминальную деятельность» [7].

Личность «домашнего агрессора» обладает определенными специфическими чертами.

К первой группе относятся лица, которые положительно характеризуются по месту работы и в быту, не имеют преступного опыта, ранее не допускали каких-либо антиобщественных проявлений.

Совершение ими преступлений является следствием преобладания неблагоприятного влияния ситуации над свойствами личности. Преступления такого рода чаще всего спровоцированы антиобщественными, а иногда и противоправными действиями потерпевшего**,** и содержат элементы необходимой обороны, либо деяния, совершенного в состоянии сильного душевного волнения.

Другой тип принимает решение о преступном поведении на основании отрицательных свойств своей личности (наличие антиобщественной установки), которые проявляются в мелких правонарушениях и повседневном пьянстве. Лицам этой категории присущи отсутствие сложившегося мировоззрения, подверженность отрицательному воздействию, неуравновешенность, неустойчивость настроения личности.

«Домашние агрессоры» обладают антисоциальной установкой – это повышенная конфликтность с окружающими, скандалы, драки, нанесение побоев, угроза убийством и т.д. Значительная часть лиц данной категории имеет преступный опыт, либо были судимы, либо совершали преступления,

но остались безнаказанными. Они могут без колебаний потратить зарплату на употребление спиртного, продать необходимые вещи в доме.

Такие проступки ведут к конфликтам, в которых сами правонарушители чувствуют себя незаконно обиженными, приводят себя в аффективное состояние и изливают злобу на окружающих, считая их виновными в происшедшем. Преступник такого типа жесток, часто его действия носят характер глумлений и истязаний, страдают от которых, как правило, члены семьи. Он может совершить тяжкое преступление даже при отсутствии повода.

По признаку пола семейно-бытовые насильственные преступления характеризуются абсолютным преобладанием мужчин. Женщины совершают преступления в быту, как правило, при наличии виктимного поведения потерпевшего – мужа или сожителя (систематическое пьянство, постоянные конфликты, угрозы, истязания и иные факты антиобщественного поведения).

Исследование семейного статуса лиц, осужденных за сексуальную эксплуатацию несовершеннолетних, показало неблагополучие в семейной сфере: 64,0% осужденных были холосты (почти половина из них находилась в разводе), 25,3% – состояли в зарегистрированном браке, 11,0% – в «гражданском» браке. При этом более чем у трети преступников (35,2%) на иждивении находились несовершеннолетние (в том числе малолетние) дети.

Анализ статистических данных и судебной практики свидетельствуют о том, что подавляющее большинство преступлений в отношении несовершеннолетних (около 88%) совершается лицами мужского пола и только 11,8% случаев совершения преступлений приходится на долю женщин [1].

При совершении отдельных видов преступлений фактор женского пола становится более значимым (например, при совершении насильственных преступлений, совершаемых на семейно-бытовой почве). Так, типичным для женщин преступлением насильственного характера продолжает оставаться убийство матерью новорожденного ребенка (по статистике женщины совершают около 55% детских убийств). Кроме этого, для женщин характерно вовлечение несовершеннолетних в совершение различного рода антиобщественных действий (занятие бродяжничеством и попрошайничеством, употребление спиртных напитков и наркотиков и т.д.), а также неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (60-70%).

Возрастная дифференциация лиц, совершивших преступление против несовершеннолетних в семье, распределяется следующим образом: от 30 до 50 лет – 68,3%, от 25 до 30 лет – 18,9%, от 18 до 24 лет – 10, 2%, 50 лет и старше – 2,4 %, до 18 лет – 0,2% [5].

Таким образом, мы видим, что лица, совершившие преступления против несовершеннолетних, в большинстве случаев относятся к возрастной группе 30-50 лет. По верному утверждению В.Б. Александрова, обусловлено это тем, что «для совершения преступления против семьи или против несовершеннолетнего, самый распространенный вариант, совершить это деяние внутри своей же семьи, созданной тобой, а в возрасте от 30 до 50 лет, виновные успевают создать семью, родить детей, которые постепенно достигают виктимологически опасного возраста» [1].

В возрастной группе лиц, вовлекавших несовершеннолетних в совершение преступления или другого антиобщественного действия, около поло-

вины составляют лица в возрасте 18-29 лет, а совершивших корыстно-насильственные преступления в отношении несовершеннолетних – от 14 до 24 лет (91,9%).

Говоря о несовершеннолетних преступниках, совершающих преступления против несовершеннолетних, следует отметить, что для них характерны следующие отрицательные черты: агрессивность, конфликтность, импульсивность, озлобленность, мстительность. У данной категории преступников более распространены и глубоки дефекты правового сознания. Так, большинство совершивших преступления несовершеннолетних полагают допустимым нарушение норм уголовного закона, оправдывая его объективными обстоятельствами, а также низкой вероятностью наказания.

Таким образом, приведенные данные позволяют в общих чертах создать представление о личности преступника, совершающего преступления против несовершеннолетних. Как мы видим, это по большей части лицо мужского пола, среднего возраста, не обремененное семейными обязательствами и имеющее низкий уровень образования, лицо вполне трудоспособное, но не работающее и не учащееся, состоящее в родственных или иных близких отношениях с потерпевшим, обладающее отрицательными социально-эмоциональными чертами, злоупотребляющее алкоголем и другими психоактивными веществами.

Выявление и изучение потенциальных преступников, совершающих преступления в отношении несовершеннолетних, осуществление комплексных мер по защите несовершеннолетних жертв преступлений, повышение способности к самозащите и сопротивлению преступникам, а также устранение и минимизация обстоятельств, ситуаций, причин, в которых повышается возможность причинения им физического, материального или морального вреда на наш взгляд и составляет суть виктимологической защиты несовершеннолетних от преступных посягательств.

Библиографический список

1. *Александров В.Б.* Предупреждение преступлений против несовершеннолетних: криминологические и социально-правовые проблемы: Автореферат дисс. … канд. юрид. наук. – М., 2008.

2. *Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я.* Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. – М., 2001. – С. 469.

3. *Антонян Ю.М.* Антиобщественный образ жизни как криминологическая проблема // Советское государство и право. – 1981. – № 3.

4. *Антонян Ю.М., Бородин С.В.* Преступность и психологические аномалии. – М., 1987. – С. 13.

5. *Бабаев М.М., Коваленко В.И.* Теоретические и прикладные проблемы предупреждения сексуальной эксплуатации женщин и детей. – М., 2012. – С. 105.

6. *Пудовочкин Ю.Е.* Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений против несовершеннолетних: дисс. … докт. юрид. наук. – М., 2005.

7. *Пудовочкин Ю.Е.* Ответственность за преступления против несовершеннолетних. – СПб., 2002. – С. 217.

8. *Ривман Д.В.* Криминальная виктимология. – СПб., 2002. – С. 148, 149.

9. Состояние криминальной виктимизации в стране и тенденции ее развития на перспективу: аналитический обзор ВНИИ МВД России. – М., 2016. – С. 9.

10. Состояние и тенденции развития криминальной виктимизации в России: Аналитический материал ФГУ «ВНИИ МВД России». – М., 2010. – С. 14.

Bibliographic list

1. Alexandrov V.B. Prevention of crimes against minors: criminological and socio-legal problems: Abstract diss. ... cand. legal sciences. M., 2008.

2. Alekseev A.I., Gerasimov S.I., Sukharev A.Ya. Criminological prevention: theory, experience, problems. M., 2001. P. 469.

3. Antonyan Yu.M. Antisocial lifestyle as a criminological problem // Soviet State and Law. 1981. No. 3.

4. Antonyan Yu.M., Borodin S.V. Crime and psychological anomalies. M., 1987. P. 13.

5. Babaev M.M., Kovalenko V.I. Theoretical and applied problems of preventing the sexual exploitation of women and children. M., 2012. P. 105.

6. Pudovochkin Yu.E. Criminal law and criminological problems of the prevention of crimes against minors: diss. ... doctor. legal sciences. M., 2005.

7. Pudovochkin Yu.E. Responsibility for crimes against minors. SPb., 2002. P. 217.

8. Rivman D.V. Criminal Victimology. SPb., 2002. P. 148, 149.

9. The state of criminal victimization in the country and its development trends for the future: an analytical review of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. M., 2016. P. 9.

10. Status and development trends of criminal victimization in Russia: Analytical material of the Federal State Institution “All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia”. M., 2010. P. 14.

УДК 343.0
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.15.03.040

Условное осуждение в отношении несовершеннолетних: понятие и сущность

О.В. Полосухина*

Аннотация. Институт пробации выражает подлинный гуманизм уголовной политики в России в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Испытательный срок для несовершеннолетних до лишения свободы является специальной правовой превенцией законодателя, связанной с уголовным законодательством.

Ключевые слова: условное осуждение, несовершеннолетний правонарушитель, гуманизм, правовые институты исправление виновных, специальная правовая конструкция законодателя уголовно-правового характера, уголовно-исполнительные инспекции, воспитательное значение.

Conditional Condemnation of Minors: Concept and Essence

Annotation. The institute of probation expresses the genuine humanism of penal policy in Russia due to the juvenile offenders. Juvenile probation to imprisonment is a lawmaker`s special legal structure related to the criminal law.

Keywords: Conditional conviction, juvenile delinquent, humanism, legal institutions, special legal construction of a criminal law, correction of perpetrators, penal inspections, educational value.

Институт условного осуждения всегда выражал подлинный гуманизм карательной политики России в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Его применение дает возможность осуществить исправление виновных лиц без изоляции от общества.

Институт условного осуждения всегда был объектом пристального внимания российских ученых-теоретиков и практиков.

Так, в 20-е годы прошлого столетия было выдвинуто две гипотезы. В 1924 году П.И. Люблинский высказался за признание условного осуждения в качестве отсрочки приведения наказания в исполнение [1], спустя три года в 1927 году А. Старш определил условное осуждение как особый порядок исполнения приговора [2]. В конце 30-х и первые послевоенные

* *Полосухина Оксана Валентиновна,* преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России. E-mail: academy@apu.fsin.su

Polosukhina Oksana Valentinovna, lecturer of the Department of Criminal Executive Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

годы условное осуждение было предложено считать особым видом наказания [3].

На рубеже 40 – 50-х годов ученые вернулись к признанию условного осуждения отсрочкой исполнения наказания [4] или отсрочкой приведения в исполнение обвинительного приговора [5].

Как особое средство воспитательного характера рассматривали условное осуждение в середине 50-х годов [6]. Конец 50-х годов ознаменовался выдвижением еще одной гипотезы о правовой природе условного осуждения, в соответствии с которой его предлагали считать условным освобождением от наказания или условным неприменением наказания [7].

Особо острая дискуссия возникла в начале 60-х годов. Однако в отношении несовершеннолетних данный институт не нашел своего полного и конкретного отражения в научной литературе. Так в разделе 5 УК РФ нет статей, посвященных более льготному порядку и условиям применения условного осуждения к несовершеннолетним. Следовательно, оно применяется к ним на общих основаниях, предусмотренных ст. 73 и 74 УК РФ. Условное осуждение, наряду с наказаниями без изоляции осужденного от общества, является одним из полезных и эффективных уголовно-правовых институтов, который оказывает существенное воздействие на несовершеннолетних лиц, совершивших менее опасные преступления и, содействует тем самым ликвидации молодежной преступности в нашей стране.

Анализируя данный институт, следует исходить из необходимости умелого сочетания принуждения с убеждением, о воспитательном значении условного осуждения и целесообразности его широкого применения [8].

Среди ученых нет единообразного понятия данного института. Его предлагали рассматривать как освобождение от наказания, подобное помилованию; как высшее право суда снижать наказание при наличии обстоятельств, уменьшающих вину лица, совершившего преступление; как самостоятельное, особое наказание, карательная сущность которого выражается в довлеющей над человеком угрозе реального исполнения наказания.

У законодательного закрепления института условного осуждения также были как сторонники, так и противники. Н. Д. Сергеевский, Н. С. Таганцев, С. В. Познышев и некоторые другие ученые считали, что этот институт прямо противоречит основной задаче карательного правосудия, требующей, чтобы все лица, виновные в совершении преступления, были наказаны в соответствии с тяжестью содеянного [9].

Свое дальнейшее развитие этот институт получил в новом уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве. Законодатели закрепили институт условного осуждения как самостоятельный вид наказания (ст. 73 УК РФ), предполагающий освобождение от реального отбывания наказания, но при определенных условиях [10].

Рассмотрим юридическое и фактическое значение «определенных условий». Изучение научной и специальной литературы показывает, что особенность правовой формы при применении условного осуждения не только в том, что осужденный освобождается от реального отбывания наказания в виде лишения свободы, но и характере принуждения, в карательных элементах, присущих ограничению свободы. Совокупность мер принуждения,

которым подвергается осужденный, позволяет говорить об ограничении свободы и иных лишениях [11, с. 96, 99; 14, с. 12].

В этой связи представляется приемлемой идея, когда на первоначальном этапе применения возможных форм уголовно-правового воздействия тяготы, адресованные осужденным, не наращиваются, а сводятся к минимуму, достаточному для выполнения наказанием нормостабилизирующих задач и поддержания общественной безопасности [12, с. 29]. Вместе с тем, необходимо отметить, что правильное решение этого вопроса имеет огромное теоретическое и еще более важное практическое значение, как для законодательной деятельности, так и для работы судов, прокуратуры, уголовно-исполнительных инспекций, подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. В зависимости от того как сформулировано понятие условного осуждения, решается ряд вопросов при назначении наказания по совокупности приговоров, при отмене вышестоящей судебной инстанцией условного осуждения, назначенного судом первой инстанции, при включении условного осуждения в систему наказания или отказе от этого, при определении места условного осуждения в системе общей части Уголовного кодекса и т.п.

Итак, сущность условного осуждения, в соответствии с действующим уголовным законодательством, а именно ст. 73 УК РФ, заключается в том, что суд, назначив виновному лицу наказания в виде исправительных работ, ограничения по военной службе, содержания в дисциплинарной воинской части или лишения свободы, приходит к выводу о возможности достижения целей уголовной ответственности без отбывания осужденным наказания. Перечень видов наказания, назначаемых несовершеннолетним несколько иной и включает в себя: штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, лишение свободы на определенный срок (ст. 88 УК РФ). Но при назначении не всех этих наказаний возможно применение условного осуждения, а только лишения свободы и исправительных работ. В таком случае, суд постановляет считать назначенное наказание условным, реально не исполняемым, если условно осужденный в течение испытательного срока не нарушит предъявляемые к нему законом требования.

В условном осуждении, конечно же, находят проявление отдельные свойства таких правовых институтов, как отсрочка исполнения наказания, общественное воздействие, освобождение от отбытия наказания и погашения судимости. Все указанные свойства выполняют определенную роль при условном осуждении, но они не предопределяют его характера, их проявление – это в основном уже следствие условного осуждения.

Раскрывая сущность данного института, следует исходить из тех особенностей воздействия наказания, которые имеют место в случае применения условного осуждения. Эти особенности заключаются в том, что условное осуждение в целях экономии уголовной репрессии значительно уменьшает принудительное воздействие наказания и усиливает его воспитательное воздействие, это наиболее характерно при назначении наказания несовершеннолетним правонарушителям. В тоже время здесь сохраняется возможность усиления в необходимых случаях принудительного воз-

действия назначенного наказания путем его реального применения к осужденному.

Указанные особенности свойственны только условному осуждению. Положение ст. 73 УК РФ, где говорится, что суд может постановить об условном неприменении наказания виновному еще не означает, что наказание безусловно не будет применено, что суд освобождает от этого наказания. Условность, в данном случае, создает лишь перспективу неприменения наказания в конечной, в заключительной фазе реализации условного осуждения, тогда как реальное применение судом этого наказания возможно в любой момент испытательного срока, если будут нарушены предъявляемые к осужденному требования. В этом то и заключается наиболее характерное отличительное свойство условного осуждения, определяющее его юридическую природу как особого порядка применения назначенного ранее судом наказания.

Особенность такого порядка применения наказания состоит именно в том, что вопрос о реализации назначенного наказания решается судом в зависимости от соблюдения или несоблюдения указанных в законе условий, причем реальное применение назначенного наказания возможно лишь в случае совершения виновным нового преступления и осуждения его за второе преступление.

Подводя итог вышесказанному, мы видим, что недостатки, присущие сущности рассматриваемого института, такие как расплывчатость регламентации правового положения условно осужденных, регулирование принципиальных вопросов не только законом, но и подзаконными, ведомственными актами, наличие пробелов, довольно многочисленны. Проблема определения сущности института условного осуждения многогранна, неоднозначна, но очень важна.

Условному осуждению все же присущи черты освобождения от отбывания наказания, но при определении сущности условного осуждения необходимо исходить не только из факта освобождения осужденного от назначенного по приговору наказания в виде лишения свободы, но и из характера принуждения, карательных элементов, которым повергается условно осужденный.

По поводу, что неприменение к виновному назначенного наказания, даже в условиях осуществления за ним впоследствии контроля, не может считаться не чем иным, как освобождением от отбывания наказания высказывались многие ученые-правоведы [13, с. 63; 8, с. 27].

По нашему мнению, все нормы закона, связанные с порядком регулирования отношений, возникающих при применении условного осуждения, должны быть объединены в отдельную главу уголовного кодекса РФ. В ней должны найти отражение и нормы, касающиеся применения условного осуждения в отношении несовершеннолетних преступников. Полагаем, что существует тождество между условным осуждением к лишению свободы и условным освобождением от реального отбывания наказания в виде лишения свободы на стадии вынесения обвинительного приговора с назначением специальной меры, подлежащей исполнению в отношении осужденных несовершеннолетних.

Таким образом, условное осуждение несовершеннолетних к лишению свободы – это специальная правовая конструкция законодателя уголовно-правового характера, которая позволяет, с одной стороны, правоприменителю (суду, уголовно-исполнительным инспекциям, подразделениям по делам несовершеннолетних), не изолировать от общества несовершеннолетнего, сохраняя за ним максимальный объем и содержание прав и обязанностей как субъекта права, с другой стороны, выступает условным основанием для освобождения лица, не достигшего возраста 18 лет, от реального отбывания наказания в виде лишения свободы в воспитательной колонии и возложением на него правоограничений.

Библиографический список

1. *Люблинский П.И.* Условное осуждение в иностранном и советском праве. – М., 1924. – С.112.

2. *Старш А.* Условное осуждение по УК редакции 1926 года // Рабочий суд. – 1927. – № 7. – С. 560.

3. *Гельфер М.А.* Условное осуждение в СССР // Проблемы социалистического права. – 1939. – № 2. – С. 42; *Якубович М.И.* О правовой природе условного осуждения /Советское государство и право. – 1946. – № 11-12. – С. 55.

4. Уголовное право. Общая часть. – М., 1948. – С. 550; Советское уголовное право. Часть Общая. – М., 1952. – С. 384-395.

5. Советское социалистическое уголовное право. Часть Общая. – М., 1950. – С. 361-362.

6. *Кадари Х.* Условное осуждение в Советском уголовном праве //Ученые записки Тартусского государственного университета. – Таллин, 1956. – Вып. 44. – С. 193.

7. *Дурманов Н.Д.* Уголовное законодательство Союза ССР и уголовное законодательство союзных республик // Советское государство и право. – 1959. – № 7. – С.87.

8. *Ломако В.А.* Условное осуждение. – Харьков, 1972. – С. 5.

9. *Сергеевский Н.Д.* Русское уголовное право: Пособие к лекциям. –Пг., 1904. – С.420; *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Часть Общая: Лекции. – СПб., 1902. – Т. 2. – С. 1392-1404; *Познышев С.В.* Основные начала науки уголовного права. – М., 1912. – С. 651.

10. *Двойменный И. А.* Проблемы исполнения условного осуждения в современных условиях (по материалам Центрально-Черноземного региона) // Региональные проблемы борьбы с преступностью: Сб. науч. трудов. – М.: ВНИИ МВД России, 2000. – С. 57.

11. *Потемкина А.Т., Ружников А. М.* Проблемы замены исправительных работ и отмены иных мер уголовно-правового воздействия // Региональные проблемы борьбы с преступностью: Сб. науч. трудов. – М.: ВНИИ МВД РФ, 1995. – С. 96, 99.

12. *Усс А.В.* Исправить осужденного: от «перековки» к помощи // Региональные проблемы борьбы с преступностью: Сб. науч. трудов. – М.: ВНИИ МВД РФ, 1995. – С. 29.

13. *Гальперин И. М.* Наказание: социальные функции, практика применения. – М., 1993. – С. 63.

14. *Комарицкий С. И.* Эффективность исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы. – М., 1991. – С. 12.

Bibliographic list

1. Lublinsky P.I. Conditional conviction in foreign and Soviet law. M., 1924. P. 112.

2. Starsh A. Conditional conviction under the Criminal Code of the 1926 edition // Work Court. 1927. No. 7. P. 560.

3. Gelfer M.A. Conditional conviction in the USSR // Problems of socialist law. 1939. No. 2. P. 42; Yakubovich M.I. On the legal nature of conditional condemnation / Soviet state and law. 1946. No. 11-12. P. 55.

4. Criminal law. A common part. M., 1948. P. 550; Soviet criminal law. Part General. M., 1952. P. 384-395.

5. Soviet socialist criminal law. Part General. M., 1950. P. 361-362.

6. Kadari X. Conditional conviction in Soviet criminal law // Scientific notes of Tartu State University. Tallinn, 1956. Vol. 44. P. 193.

7. Durmanov N.D. The criminal law of the USSR and the criminal law of the Union republics // Soviet state and law. 1959. No. 7. P. 87.

8. Lomako V.A. Conditional conviction. Kharkov, 1972. P. 5.

9. Sergeevsky N.D. Russian criminal law: A manual for lectures. Pg., 1904. P. 420; Tagantsev N.S. Russian criminal law. Part General: Lectures. SPb., 1902. T. 2. P. 1392-1404; Poznyshev S.V. The main principles of the science of criminal law. M., 1912. P. 651.

10. Dvoimenny I. A. Problems of the execution of probation in modern conditions (based on the materials of the Central Black Earth region) // Regional problems of the fight against crime: Sat. scientific labor. M.: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2000. P. 57.

11. Potemkina A.T., Ruzhnikov A.M. Problems of the replacement of correctional labor and the abolition of other measures of criminal law influence // Regional problems of the fight against crime: Sat. scientific labor. M.: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1995. P. 96, 99.

12. Uss A.V. Correct the convict: from “reforging” to help // Regional problems of the fight against crime: Sat. scientific labor. M.: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1995. P. 29.

13. Halperin I. M. Punishment: social functions, practice of application. M., 1993. P. 63.

14. Komaritsky S. I. Efficiency of the execution of punishments not related to imprisonment. M., 1991. P. 12.

12.00.09 – Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность

УДК 343.0
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.15.03.041

О некоторых проблемах реализации запретов в системе мер уголовно-процессуального принуждения

В.И. Безрядин[*], А.С. Иовлева[**]

Аннотация. Произошедшие недавние в отечественном уголовном судопроизводстве изменения в УПК РФ говорит о внимании законодателя к проблемам мер пресечения. Дискуссии ученых-процессуалистов по вопросам, касающихся системы меры пресечения привели к новелле в уголовном судопроизводстве – запрету определенных действий, где на лицо может возлагаться один или несколько запретов, а также одновременно фактически применяться две меры пресечения. Запрет определенных действий является единственной динамичной мерой пресечения, которая в процессе применения может меняться исключая, либо вводя новые запреты. В статье приведены мнения ученых по дискуссионным вопросам порядка избрания меры пресечения в виде запрета определенных действий, приведен анализ практики применения сотрудниками Главного Управления МВД России, выявлены проблемы, мешающие широкому применению данной нормы.

Ключевые слова: уголовный процесс, меры пресечения, запрет определенных действий, домашний арест, залог.

On some problems of the implementation of prohibitions in the system of measures of criminal procedural coercion

Annotation. The Amendments to the code of criminal procedure introduced by Federal Law No. 72-FZ in April 2018 indicate the attention of the leg-

[*] *Безрядин Виктор Иванович,* профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Bezryadin Viktor Ivanovich, Professor, Department of Criminal Procedure, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor.

[**] *Иовлева Анна Сергеевна,* адъюнкт кафедры уголовного процесса Санкт- Петербургского университета МВД России, старший следователь 1 отдела СЧ по РОПД ГСУ ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Iovleva Anna Sergeevna, adjunct of the Department of Criminal Procedure at St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, senior investigator of the 1st department of the SCH on ROPD of the Main Directorate of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for St. Petersburg and the Leningrad Region.

islator to the problems of preventive measures. Discussions of scientists on issues related to the system of preventive measures have led to a novel in criminal proceedings-the prohibition of certain actions, where a person can be imposed one or more prohibitions, as well as two preventive measures are actually applied at the same time. The prohibition of certain actions is the only dynamic measure of restraint in the criminal procedure code , which in the process of application can be changed by excluding or introducing new prohibitions. The article presents opinions of scientists on controversial issues of the procedure of election of a measure of restraint in the form of prohibition of certain actions, the analysis of practice of application of preventive measures by employees of the Moi of Russia, identified the problems preventing widespread application of this regulation.

Keywords: criminal procedure, preventive measures, prohibition of certain actions, house arrest, bail.

В правоприменительной деятельности возникла необходимость в разграничении мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий, что при анализе действующих норм уголовно-процессу-ального законодательства нуждается в регламентации оснований и порядка избрания меры пресечения.

В настоящее время система мер пресечения находится в динамичном развитии. Законодатель осуществляет поиск наиболее эффективных мер, которые обеспечивали бы надлежащим образом процесс отправления правосудия при наименьшем ограничении прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Так в декабре 2018 года проект закона о введении данной новой меры пресечения был принят Государственной Думой РФ в первом чтении, во втором чтении в марте 2018 года, он был существенно изменен и переработан, 11 апреля одобрен Советом Федерации.

Законодатель дополнил УПК РФ новой мерой пресечения – запрет определенных действий. В связи с этим подвергнуты определенной корректировке другие меры пресечения – залог и домашний арест, а также расширены полномочия суда и прокурора [1]. В научном обществе исследователи последние годы активно дискутируют об эффективности введенной данной меры пресечения.

Некоторые вопросы ограничений и запретов, реализуемых при применении мер пресечения нашли отражение в научных трудах таких авторов как Н.В. Азаренок, Ю.Ю. Ахминова, Э.К. Кутуева, Н.Н. Ковтун, К.В. Муравьев, А.П. Рыжакова, М.Ю. Юсупова и других ученых-правоведов. Так, например, Загвоздкин Н.Н. высказал мнение о том, что не было необходимости выделять новую меру пресечения. Можно было бы распространить ограничения, накладываемые в ходе домашнего ареста, на другие меры пресечения, в первую очередь, на залог, наблюдение командования воинской части и отдачу несовершеннолетнего обвиняемого под присмотр [2, с. 84].

В свою очередь, Д.А. Воронов высказывает мнение: «Это необходимо в целях обеспечения прав личности, исполнения общепризнанных международных норм права, повышение эффективности уголовного преследова-

ния, экономии средств федерального бюджета и минимизации условий для удовлетворения Европейским судом по правам человека жалоб граждан Российской Федерации, связанных с содержанием под стражей, но не вызванных действительным нарушением их прав» [3, с. 21].

Несмотря на это, запрет определенных действий в качестве меры пресечения вошел в правоприменительную практику и поставил несколько актуальных вопросов, которые являются важной научной задачей и которые стоит рассмотреть в деятельности отечественного уголовного судопроизводства для раскрытия практической значимости эффективного применения указанной меры пресечения. Следует отметить, что законодатель предусматривает избрание названной меры пресечения на любой стадии производства по уголовному делу и обязывает подозреваемого или обвиняемого соблюдать один или несколько запретов, предусмотренных ч.6 ст.105.1 УПК РФ.

Как известно, в российском уголовном процессе существует группы мер пресечения: физически-принудительные, к которым относится домашний арест и содержание под стражей, а также психолого-принудительные – все остальные меры пресечения, применяемые лишь с согласия подозреваемого или обвиняемого. Однако, запрет определенных действий имеет смешанный характер, так как сочетает в себе признаки как психолого-принудительных, так и физически-принудительных мер пресечения [4, с.9].

Часть определенных запретов, например, запрет выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, запрет находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них, общаться с определенными лицами, отправлять и получать почтово-телеграфные отправления, использовать средства связи и интернет, а также управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением ПДД и эксплуатации транспортных средств, при этом суд должен указать конкретные условия исполнения данной меры пресечения, характеризующие меру пресечения в виде запрета определенных действий, ранее характеризовали домашний арест. Поэтому, Н.Н. Загвоздкин, С.А. Кузора справедливо отмечают, что «нет полной ясности в вопросе о назначении меры пресечения, а также в том, чем она отличается от возможностей, содержавшихся в ст.107 УПК РФ, регламентировавшей домашний арест в предыдущей редакции Кодекса» [5, с. 84].

Необходимо подчеркнуть, что ранее домашний арест характеризовался в «полной или частичной изоляции от общества», а после внесенных изменений домашний арест стал заключаться в «изоляции от общества» подозреваемого или обвиняемого и ссылки на запрет выхода за пределы жилого помещения не содержит. Законодатель закрепил «частичную изоляцию» как характеристику запрета определенных действий. Таким образом, домашний арест понимается как полная изоляция лица от общества. Возникает вопрос о правильности обоснования избрания меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении подозреваемого или обвиняемого, так как указанная мера пресечения при избрании не мотивируется общественной опасностью в отличие от меры пресечения в виде заключения под

стражу. Следовательно, и не может понимать под собой полную изоляцию от общества лица.

Кроме того, логична позиция законодателя по зачету времени действия запрета на выход из дома. В отличие от домашнего ареста, при котором считается день за день, в случае запрета определенных действий каждые два дня запрета засчитываются за 1 день содержания под стражей. Не вполне понятны изменения, внесенные в ч. 8.1 ст. 106 и ч. 7 ст. 107 УПК РФ. Они касаются возможности наложения судом обязанностей на подозреваемого или обвиняемого по соблюдению запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ при избрании меры пресечения в виде залога и домашнего ареста.

Нормы, изложенные в данной редакции противоречат положениям ч. 1 ст. 97 УПК РФ, предусматривающей избрание обвиняемому, подозреваемому одной из восьми мер пресечения, перечень которых содержится в ст. 98 УПК. Формально в отношении лица избирается две меры пресечения, что является нарушением права подозреваемых или обвиняемых. Обоснованно можно предположить, что изложенные выше нормы нуждаются в существенной доработке.

Анализ правоприменительной практики показывает, что с момента введения новой нормы сотрудниками ГСУ ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области на октябрь 2019 г. избирался запрет определенных действий исключительно по преступлениям коррупционной направленности, а также по уголовным делам, связанным с нарушением Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Подавляющее число избрание указанной меры пресечения применяется по инициативе суда, что также в общей массе мер пресечения не превышает несколько процентов.

Анализ правоприменительной практики показывает, что следователи органов внутренних дел не находят в настоящее время меру пресечения в виде запрета определенных действий достаточно эффективной, так как при избрании меры пресечения учитываются положения ст. 97 УПК РФ, где основанием избрания меры пресечения является возможность обвиняемого или подозреваемого скрыться от дознания, предварительного следствия или суда; может продолжить заниматься преступной деятельностью; может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу, что является весомым аргументом при избрании меры пресечения связанной с изоляцией от общества. В противном случае, мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении может быть достаточной гарантией явки обвиняемого или подозреваемого к следователю, дознавателю и в суд, решение по которой, принимается следователем или дознавателем самостоятельно.

Основная проблема применения рассматриваемой меры пресечения заключается в осуществлении контроля за ее реализацией. Такой контроль возлагается на федеральные органы исполнительной власти, осуществляющие правоприменительные функции, по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных.

Как известно, перечень соответствующих технических средств, включающий средства персонального контроля (браслет электронный, стационарное контрольное устройство, мобильное контрольное устройство, ретранслятор, персональный трекер), устройство аудиовизуального контроля, технические средства и устройства региональных информационных центров, регламентирован постановлением Правительства РФ от 18 февраля 2013 г. № 134. Здесь же определены «Правила применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных запретов и (или) ограничений».

Рассматривая норму в ч. 11 ст. 105.1 УПК РФ контроль за соблюдением запретов, законодатель указывает не на обязательность, а на возможность использования технических средств при применении меры пресечения, законодатель не предписывает использование технических средств, а лишь дозволяет это. Однако, законодатель закрепляет ответственность в случае нарушения подозреваемым или обвиняемым возложенных на него запретов, в частности, отказа от применения к нему аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля или умышленного повреждения, уничтожения, нарушения целостности указанных средств либо совершения им иных действий, направленных на нарушение функционирования применяемых к нему технических средств контроля, в виде изменения меры пресечения на более строгую (ч. 13, ст. 105.1 УПК РФ). Как свидетельствует следственная практика технические средства используются в большинстве рассматриваемых случаев.

Так, Приказом Минюста России № 26, МВД России № 67, СК России № 13, ФСБ России № 105, ФСКН России № 56 от 11.02.2016 утвержден «Порядок осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением ими наложенных судом запретов и (или) ограничений» (далее – «Порядок»)

Для обеспечения контроля лиц, привлекаемых к уголовной ответственности предусмотрены иные средства: проверки подконтрольного лица не реже двух раз в неделю по месту исполнения меры пресечения в любое время суток (за исключением ночного времени); использование средств телефонной связи не реже двух раз в неделю (при отсутствии у лица запрета и (или) ограничения на использование средств связи); посещение не реже двух раз в месяц места работы и (или) учебы подконтрольного лица (если ему судом не запрещено или разрешено находиться вне места исполнения меры пресечения во время работы и (или) учебы) и иные (п. 18 Порядка).

Таким образом, на наш взгляд, использование технических средств это не единственный способ контроля за исполнением избранной меры пресечения в виде запрета определенных действий. Однако, перечисленные выше способы нельзя назвать достаточно эффективными и упреждающими, поскольку неисполнение возложенных запретов может повлечь за собой потерю доказательств.

Представляется, что при имеющихся ресурсах федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных не способен осуществлять надлежащий контроль за подозреваемыми и обвиняемыми, которым запрещено совершать определенные действия. В связи с тем, что при избрании в отношении обвиняемого или подозреваемого меры пресечения в виде домашнего ареста с учетом запретов, в установленном законом порядке, фактически дублирующих рассматриваемую меру пресечения в виде запрета определенных действий, являются логичными в части контроля ограничений использования средств связи, так как именно запрет на покидание жилища обвиняемым или подозреваемым дает возможность наложения дополнительных ограничений (п. 3-5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ).

В современных условиях (при наличии возможности переадресации вызова на телефон сотовой связи) не дает гарантии того, что лицо находится в месте исполнения запрета определенных действий, поскольку данное лицо, в период времени между запретами может выходить за пределы жилого помещения в определенное судом время и имеет достаточно возможностей оказать давление на свидетелей, уничтожить доказательства и скрыться от следствия и суда. Именно поэтому, В.С. Исаков указывает на отсутствие «таких технологий, которые позволяют обеспечить полный контроль за исполнением того или иного запрета» [6, с. 130].

В настоящее время при объективных обстоятельствах в правоприменительной деятельности возникла необходимость в разграничении мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий, что при анализе действующих норм уголовно-процессуального законодательства нуждается, на наш взгляд, в регламентации оснований и порядка избрания меры пресечения.

Кроме того, необходимо заметить, что уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан предусматривает запрет на приближение как меру безопасности потерпевших, свидетелей, подозреваемых и других лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, членов их семей и близких родственников [7]. Однако, законодательство Российской Федерации не содержит запрета на приближение к определенным лицам, Российский законодатель лишь предусматривает запрет на нахождение в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов (место работы, учебы, место жительства и т.д.), посещать определенные мероприятия или участвовать в них (п. 2 ч. 6, ст. 105.1 УПК РФ).

В связи с этим, отдельные ученые-процессуалисты О.И. Андреева, О.А. Зайцев и А.Ю. Епихин полагают, что содержание запрета общения с определенными лицами, в том числе и защищаемыми участниками уголовного процесса, должно быть дополнено и запретом приближения к ним на определенное расстояние, обеспечивающее их безопасность [8, с. 225]. Действительно, как свидетельствует следственная практика, данную меру пресечения можно отнести к уголовно-процессуальным мерам обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, расширяя запрет общения с определенными лицами, в том числе с участниками уголовного

процесса, членами их семей и близкими родственниками, а также приближаться к ним на установленное расстояние. Тем самым, на наш взгляд, мера пресечения станет очередным шагом в эффективности государственной защиты участников уголовного процесса.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что мы находимся на начальном этапе исполнения меры пресечения в виде запрета определенных действий, будет ли его применение достаточно эффективным. В настоящее время ответить сложно, поскольку отсутствует достаточный для полноценного анализа объем судебной практики и не выработан механизм контроля за ее исполнением.

Однако, тем не менее, это единственная динамичная мера пресечения в российском уголовном процессе, которая в ходе ее применения может меняться на протяжении уголовного судопроизводства. Исключая либо вводя новые запреты в исполнение меры пресечения будет позволять правоприменителям максимально объективно с учетом личности подозреваемого или обвиняемого подойти к вопросу эффективности и результативности расследования с соблюдением прав последних. По мнению Д.А. Войцеховской, запрет определенных действий делает систему мер пресечения более гибкой, и судье предоставляются различные вариации для того, чтобы избрать более мягкую меру пресечения по сравнению с заключением под стражу [9, с. 171].

Таким образом, полагаю, что новая мера пресечения в виде запрета определенных действий имеет значимое место в действующем законодательстве, несмотря на ряд затруднений в ее применении. Трудно недооценить значимость избрания разумной меры пресечения с учетом обстоятельств, предусмотренных ст. 99 УПК РФ, которая обеспечивала бы максимально эффективное расследование и установление истины по уголовному делу, которая также была бы адекватной как тяжести совершенного преступления, так и личности субъекта, привлеченного к уголовной ответственности.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 18.04.2018 N 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста»//Российская газета, 2018, 20 апреля.

2. *Загвоздкин Н.Н., Кузора С.А.* Запрет определенных действий: анализ правоприменительной практики // Закон и право. – 2018. – № 12. – С. 84-86.

3. *Воронов Д.А.* Запрет определенных действий в рамках залога, домашнего ареста и новой меры пресечения // Российский судья. – 2016. – № 3. – С. 21-24.

4. *Калиновский К.Б.* Запрет определенных действий как мера пресечения // Уголовный процесс. – 2018. – № 6. – С. 9.

5. *Загвоздкин Н.Н., Кузора С.А.* Запрет определенных действий: анализ правоприменительной практики // Закон и право. – 2018. – № 12. – С. 84-86.

6. *Исаков В.С.* О новой мере пресечения в виде запрета определенных действий //Аллея науки. – 2018. – № 5 (21). – С. 130-137.

7. Уголовный процессуальный кодекс Республики Казахстан //URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231.

8. *Андреева О.И., Зайцев О.А., Епихин А.Ю.* Запрет определенных действий как новая мера обеспечения безопасности личности в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 436. – С. 225-229.

9. *Войцеховская Д.А.* Запрет определенных действий – новая мера пресечения в уголовном процессе России // Право и правоохранительная деятельность в России, странах СНГ и Европейского союза: законодательство и социальная эффективность: сб. науч. тр. (Саратов). – 2018. – С. 171-173.

Bibliographic list

1. Federal Law of 18.04.2018 N 72-ФЗ “On Amending the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with regard to the election and application of preventive measures in the form of prohibition of certain actions, pledge and house arrest” // Rossiyskaya Gazeta, 2018, 20 April.

2. Zagvozdkin N.N., Kuzora S.A. Prohibition of certain actions: analysis of law enforcement practice // Law and right. 2018. No. 12. P. 84-86.

3. Voronov D.A. The prohibition of certain actions within the framework of a pledge, house arrest and a new preventive measure // Russian judge. 2016. No. 3. P. 21-24.

4. Kalinovsky K. B. Prohibition of certain actions as a measure of restraint // Criminal process. 2018. No. 6. P. 9.

5. Zagvozdkin N.N., Kuzora S.A. Prohibition of certain actions: analysis of law enforcement practice // Law and right. 2018. No. 12. P. 84-86.

6. Isakov V.S. On a new measure of restraint in the form of a ban on certain actions // Alley of Science. 2018. No. 5 (21). P. 130-137.

7. The Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan // URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231.

8. Andreeva O.I., Zaitsev O.A., Epikhin A.Yu. The prohibition of certain actions as a new measure to ensure personal security in the criminal process // Bulletin of Tomsk State University. 2018. No. 436. P. 225-229.

9. Wojciechowska D.A. The prohibition of certain actions is a new preventive measure in the criminal process of Russia // Law and law enforcement activity in Russia, the CIS countries and the European Union: legislation and social efficiency. Saratov, 2018. P. 171-173.

УДК 343.0
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.15.03.042

Использование результатов опроса с применением полиграфа в уголовном процессе

Ю.Ю. Коржов*,
Е.А. Лубков**,
В.А. Попов***

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам реформирования правоохранительной сферы. Рассматриваются некоторые аспекты повышения эффективности деятельности правоохранительных органов благодаря внедрению достижений науки и практики. Акцент делается на использовании оперативно-розыскными и следственными органами при раскрытии преступлений таких современных информационных технологий, как компьютерная полиграфология, технико-психофизиологические программы.

Ключевые слова: полиграф, криминалистика, эффективность применения полиграфа, расследование преступлений, результаты психофизиологического исследования с использованием полиграфа.

Using survey results using a polygraph in criminal proceedings

Annotation. The article is devoted to topical issues of law enforcement reform. Some aspects of improving the effectiveness of law enforcement agencies through the introduction of science and practice are considered. The emphasis is on the use of operational-search and investigative bodies in solving crimes of such modern information technologies as computer polygraphy, technical and psychophysiological programs.

Keywords: polygraph, criminalistics, polygraph efficiency, investigation of crimes, results of a psychophysiological study using a polygraph.

* *Коржов Юрий Юрьевич*, заместитель начальника курса факультета подготовки сотрудников для следственных подразделений (Санкт-Петербургский университет МВД России).

Korzhov Yuriy Yur'yevich, Deputy Head of the Course at the Faculty of Training Employees for Investigation Units (St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia).

** *Лубков Евгений Александрович,* старший эксперт отдела криминалистики СУ СК России по Псковской области, кандидат юридических наук, доцент.

Lubkov Yevgeny Alexandrovich, senior expert of the department of criminology SU IC of Russia in the Pskov region, PhD in Law, Associate Professor.

*** *Попов Василий Александрович,* проректор по общим вопросам Псковского государственного университета, кандидат юридических наук.

Popov Vasily Alexandrovich, Vice-Rector for General Affairs of Pskov State University, PhD in Law.

Прежде всего, необходимо отметить, что большое внимание в настоящее время уделяется реформированию правоохранительной системы, при этом, по словам Президента Российской Федерации В.В. Путина, в сфере государственного управления, как и в любой другой сфере общественной жизни, есть свои вопросы, свои проблемы. Однако, к любым реформам надо «подходить профессионально, без лозунгов» [1].

Одной из приоритетных задач повышения эффективности функционирования правоохранительных органов на современном этапе является внедрение в практическую сферу правоохранительной деятельности современных достижений науки и возможностей технического обеспечения процесса раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. На вооружении различных структурных подразделений в сфере противодействия преступности, в системе которых следственные органы занимают одно из ведущих мест, имеется довольно разнообразный арсенал технико-криминалистических средств и методов, позволяющий оперативно обрабатывать и использовать в правоохранительных целях большой объем криминалистически значимой информации. Стоит согласиться с авторами, утверждающими, что использование достижений научно-технического прогресса способствует ускорению развития криминалистики, в частности, возрастанию объема фундаментальных и прикладных исследований, повышению научного потенциала криминалистики и ее общественной значимости в связи с растущей актуальностью борьбы с преступностью [2].

Следствию и суду часто бывает очень важно установить именно то, что может знать только непосредственный участник и исполнитель противоправного деяния. Однако редко сразу обращаются к следам в психике возможного подозреваемого. Между тем это такие же следы со всеми присущими следам особенностями: их можно восстановить, оживить, зафиксировать. Однако, это следы особого рода. Несмотря на то, что они вариативны и изменчивы, они в то же время неизгладимы и фактически остаются в той или иной форме у человека навсегда. С ними можно работать так же, как работают со всеми латентными следами, только в этом случае нужен особый «проявитель» для того, чтобы они стали отчетливыми, нужны особые средства и особые способы работы с личностью, которая может раскрыть эти следы [3, с. 111–123].

На этом этапе на помощь в расследовании преступлений приходит полиграф. Многолетняя практика его применения показала, что этот прибор, являясь пассивным регистратором процессов, протекающих в организме человека, представляет собой безвредную для здоровья опрашиваемого процедуру, направленную на получение информации о каком-либо событии, имевшем место в прошлом.

В настоящее время в Российской Федерации полиграф широко применяется в Следственном комитете, органами ФСБ и МВД как в ходе оперативно-розыскных мероприятий, осуществлении предварительного расследования по уголовным делам, так и при работе с кадрами.

В начале XXI века полиграф начинает активно внедряться в практическую деятельность следственных органов, а в последние годы все чаще

использоваться в правоохранительной сфере как средство выявления и регистрации доказательственной информации. Результаты применения полиграфа, нашедшие отражение в заключении специалиста или эксперта как одно из доказательств в уголовном судопроизводстве, успешно проходят стадию судебного разбирательства.

Криминалисты, оценивая значение наблюдаемых следователем психофизиологических состояний свидетеля, подозреваемого, обвиняемого, отмечают, что неправильно игнорировать их, не реализовывать результаты наблюдения в интересах расследования. Следует лишь верно определить пути использования результатов, не переоценивая и не вкладывая в их содержание того, чего в них нет.

Огромный информационный поток, который воздействует на сотрудника правоохранительных органов при расследовании преступлений, зачастую требует выработки многочисленных версий совершенного преступного деяния, что приводит при их проверке к большим временным затратам. Одним из возможных вариантов, позволяющих в достаточно ограниченные сроки повысить производительность и качество работы оперативно-розыскных и следственных органов при раскрытии преступлений, является внедрение в их практику относительно доступных и недорогих на сегодняшний день современных информационных правоохранительных технологий. К ним, например, относятся методы применения «компьютерной полиграфологии» и технико-психофизиологические программы при раскрытии и расследовании преступлений.

В последние годы следственные и оперативные органы все чаще стали обращаться к возможностям полиграфа. Управление криминалистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации на основе анализа информации из прокуратур субъектов Российской Федерации провело обобщение практики использования полиграфа при расследовании преступлений. Было установлено, что полиграф стал применяться не только при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий, но и для получения новых доказательств путем производства психофизиологических исследований в виде заключения эксперта или специалиста.

Опрос с использованием полиграфа, как мы уже указывали, представляет собой безвредную для здоровья опрашиваемого процедуру, которая направлена на получение информации о каком-либо событии, имевшем место в прошлом, и не может быть использован для прогнозирования действий или намерений опрашиваемого лица.

В настоящее время целесообразность применения психофизиологического метода «детекции лжи» в качестве исследования, осуществляемого при раскрытии преступлений оперативными подразделениями правоохранительных органов, не вызывает каких-либо сомнений. В то же время достаточно актуальным остается вопрос о существующих возможностях и соответственно эффективности использования этого метода в рамках осуществления оперативно-розыскных мероприятий и оценки информации о совершенных и готовящихся преступлениях.

Применение полиграфа является актуальной потребностью всего уголовного судопроизводства. Вместе с тем существует и скептическое, не-

сколько негативное отношение к использованию этого технического средства как у некоторых ученых-юристов, так и у практических работников, по мнению которых результаты исследования с применением полиграфа никогда не служили и не могут служить доказательствами по делу [4, с. 119].

Так, К.В. Бубон высказал мнение о том, что «опасно считать данные полиграфа доказательствами в процессуальном смысле этого слова» [5, с. 16]. Такая точка зрения представляется неверной. Результаты опроса с применением полиграфа, полученные вне рамок уголовного процесса, могут быть допущены в качестве доказательств по уголовному делу, но только после дополнительной интерпретации со стороны специалиста (ст. 57, ч. 3, 4 ст. 80 УПК РФ).

Практика применения полиграфа свидетельствует о том, что результаты, полученные в процессе полиграфного исследования, напрямую зависят от поставленных и правильно сформулированных вопросов перед опрашиваемым лицом. В связи с этим метод исследования с применением полиграфа является исключительной прерогативой работы высококвалифицированного эксперта-психолога, который изначально будет делать акцент на изучении индивидуальных психологических особенностей опрашиваемого лица, а не специалиста-техника, обладающего навыками пользования полиграфом как прибором.

К экспертному заключению должны быть приложены распечатки полиграмм и таблиц компьютерного анализа полиграмм, а также видеозапись проведенного тестирования. При правильной интерпретации и оценке данных полученная информация позволит произвести отделение так называемого «информационного шума» от реальных фактов преступного деяния, а также выбрать правильное направление для его скорейшего раскрытия.

В соответствии с УПК РФ оценка доказательств производится по внутреннему убеждению судьи, и полиграф может сыграть определенную роль как дополнительный элемент убежденности в невиновности конкретного лица в инкриминируемом ему деянии или, наоборот, способствовать изменению ориентира в расследовании, отступлению от неверных предположений о причастности лиц к исследуемым событиям. Однако, ни в коем случае, на наш взгляд, нельзя принимать результаты психофизиологического исследования с использованием полиграфа как доказательство того, что проверяемое лицо лжет или говорит правду, это недопустимо. Полиграф лишь показывает реакцию, которую вызывают задаваемые вопросы.

Имеется немало примеров, свидетельствующих об оказании полиграфом такого психологического эффекта на опрашиваемых лиц, когда предъявление результатов опроса (нередко в совокупности с другими имеющимися в распоряжении следствия доказательствами) побуждало к даче признательных показаний.

Нежелание подозреваемого участвовать в проведении опроса с использованием полиграфа (при отсутствии обстоятельств, препятствующих его осуществлению) должно насторожить членов следственной группы и явиться основанием для более углубленного изучения личности отказавшегося от этого мероприятия, характера его отношений с потерпевшим. Однако, од-

новременно этот факт не может являться доказательством причастности подозреваемого к совершению преступления.

Результатом подбора обоснованных и необходимых вопросов к опрашиваемому лицу может стать не только возможность получения признательных показаний, но и выявление дополнительных обстоятельств, существенно расширяющих доказательственную базу, а именно: установление вещественных доказательств, отыскание трупа. Порой применение полиграфа обусловлено необходимостью конкретизации действий обвиняемых.

По нашему мнению, механизм закрепления результатов опроса должен состоять из следующих этапов: к материалам уголовного дела приобщается справка-меморандум о проведенных оперативно-розыскных мероприятиях и справка специалиста-полиграфолога; допрос специалиста о результатах опроса и методах, используемых при снятии данных и подсчете результатов полиграмм; допрос ранее опрошенного лица с предъявлением результатов опроса.

Следователь может допросить специалиста-полиграфолога в качестве свидетеля по результатам проведения опроса. Другой способ введения в материалы уголовного дела результатов применения полиграфа – изучение следователем справки о результатах опроса и ее приобщении в порядке ст. 84 УПК РФ.

Результаты прохождения полиграфа в процессе дальнейшего расследования преступления могут быть закреплены с помощью других доказательств, предусмотренных ст. 74 УПК, в частности, путем назначения психофизиологической экспертизы или исследования [6, с. 40]. В уголовном деле заключения бесспорно рассматриваются как доказательства, поскольку закреплены в уголовно-процессуальном законодательстве. Однако, следует отметить, что заключение специалиста или эксперта не может рассматриваться как доказательство виновности или невиновности, лишь в совокупности доказательств оно может иметь какой-либо вес.

Практика показала, что ряд отказов от производства психофизиологической экспертизы (психофизиологического исследования) вызван отнюдь не стремлением обеспечить свои законные права, а совершенно иными причинами: страхом перед незнакомой процедурой; искаженным представлением о «полиграфе» и «детекторе лжи», сложившемся при чтении прессы, художественной литературы, просмотре телепередач и кинофильмов; опасениями, что применяемая аппаратура «расскажет» о скрываемых ими от окружающих фактах личной жизни и т. д. [7, с. 116].

Таким образом, эффективность использования полиграфа во многих ситуациях безусловна. Следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования и принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий. Вместе с тем следует соблюдать основной принцип проведения исследования с использованием полиграфа – добровольность процедуры.

Библиографический список

1. Путин призвал «не навредить» при реформе судебной и правоохранительной систем //https://www.kommersant.ru/doc/39468 32.

2. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов. – 3-е изд., доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. – 837 с.

3. *Филонов Л.Б.*, *Давыдов В.И.* Психологические приемы допроса обвиняемого // Вопросы психологии. – 1966. – № 6. – С. 111–123.

4. *Демин К.Е.* О внедрении полиграфа в экспертную и следственную практику // Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия (к 150-летию образования следственного аппарата в России): сб. материалов Всерос. науч.-практ.конф.: в 3-х ч. – М.: Академия управления МВД России, 2010. – Ч. 2.

5. *Бубон К.В.* Критика технического прогресса или чем плох полиграф // Адвокат. – 2010. – № 5. – С. 15–22.

6. *Байрамов Ф.* Применение полиграфа // Законность. – 2009. – № 8. – С. 40–42.

7. *Татарин В.Р.* Детектор лжи //Человек и закон. – 2008. – № 8. – С. 115–121.

Bibliographic list

1. Putin called "not to harm" in the reform of the judicial and law enforcement systems //https://www.kommersant.ru/doc/39468 32.

2. Belkin R.S. Forensics course: textbook. manual for universities. – 3rd ed., Ext. M.: UNITY-DANA, Law and right, 2001. 837 p.

3. Filonov LB, Davydov V.I. Psychological techniques of the defendant's millet // Psychology Issues. 1966. No. 6. P. 111–123.

4. Demin K.E. On the introduction of the polygraph in expert and investigative practice // Problems of the current state and development path of the preliminary investigation bodies (on the 150th anniversary of the formation of the investigative apparatus in Russia): Sat. Vseros materials. scientific and practical conference: in 3 parts. M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. Part 2.

5. Bubon K.V. Criticism of technological progress or why a polygraph is bad // Lawyer. 2010. No. 5. P. 15–22.

6. Bayramov F. Application of the polygraph // Legality. 2009. No. 8. P. 40–42.

7. Tatarin V.R. Lie detector // Man and the law. 2008. No. 8. P. 115–121.

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

УДК 343.0
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.15.03.043

Организационно-правовые основы взаимодействия территориальных органов МВД России и Федеральной службы войск Национальной гвардии Российской Федерации по обеспечению безопасности граждан в период проведения контртеррористической операции

Б.Б. Казак[*], В.Б. Шабанов[**]

Аннотация. В статье рассматривается Федеральный закон «О противодействии терроризму», который трактует понятие «контртеррористическая операция» как комплекс специальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению террористического акта, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности физических лиц, организаций и учреждений, а также по минимизации последствий террористического акта.

Ключевые слова: контртеррористическая операция, правовой режим, организационно-правовые основы его обеспечения, механизм обеспечения правового режима, противодействия терроризму, специальная операция», оперативно-розыскные, разведывательные, контрразведывательные, предупредительные мероприятия, силовые и следственные действия, предупреждение, пресечение, ликвидация, чрезвычайные обстоятельства, чрезвычайные положения.

---

[*] *Казак Бронислав Брониславович,* заведующий кафедрой правозащитной, правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета, доктор юридических наук, профессор. E-mail: kafoppd@rambler.ru

Kazak Bronislav Bronislavovich, head of the Department of human rights, law enforcement, criminal law and procedure, doctor of law, Professor (Pskov state University).

[**] *Шабанов Вячеслав Борисович,* профессор кафедры правозащитной, правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета, доктор юридических наук, профессор. E-mail: kafoppd@rambler.ru

Shabanov Vyacheslav Borisovich, Professor of the Department of Human Rights, Law Enforcement, Criminal Law and Process, Doctor of Law, Professor (Pskov State University).

Organizational and legal framework for the interaction of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Federal Service of Forces National Guard of the Russian Federation to ensure the safety of citizens during counterterrorist operation

Annotation. The article considers the Federal Law "On Countering Terrorism", which interprets the concept of "counter-terrorist operation" as a complex of special, operational-combat, military and other measures using military equipment, weapons and special means to suppress a terrorist act and neutralize terrorists , ensuring the security of individuals, organizations and institutions, as well as minimizing the consequences of a terrorist act.

Keywords: counter-terrorist operation, legal regime, organizational and legal basis for its support, mechanism for ensuring the legal regime, counter-terrorism, special operation", operational-search, intelligence, counter-intelligence, preventive measures, force and investigative actions, warning, suppression, liquidation, emergency.

Гарантом прав и свобод выступает Президент Российской Федерации (ст. 80 Конституции РФ). При создании института войск нацгвардии, введено положение о том, что защита прав и свобод человека и гражданина является первостепенной задачей для войск нацгвардии. Данную задачу можно также рассматривать как соответствующую главную обязанность войск нацгвардии – защищать жизнь, здоровье, права и свободы людей, осуществлять борьбу с терроризмом, экстремизмом, охранять общественный порядок, особо важные и режимные объекты, обеспечивать общественную безопасность [1].

Как представляется, территориальные органы МВД России и войска нацгвардии в полной мере удовлетворяют требованиям, обязательным для субъектов правозащитной и правоохранительной деятельности, а именно: обладают соответствующим правовым статусом с использованием законодательно регламентированных форм, способов и средств для предупреждения и пресечения недопустимых в обществе правонарушений, начиная с социально-гуманистического инструментария (беседа, убеждение, внушение и т. п.) и вплоть до мер принудительно-силового воздействия с применением специальных средств и оружия и т. д.; осуществляют свою деятельность на основе права; обладают волей, способностью к принятию решений; доводят свои решения до общества и государства; основываются при принятии решений на базовых правовых идеях и принципах; влияют посредством своих действий на развитие правовой жизни социума.

МВД России занимает одно из центральных мест в государственном механизме Российской Федерации в сфере борьбы с преступностью террористической направленности, терроризмом. Во взаимодействии с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и организациями МВД России осуществляет свою деятельность непосредственно и (или) через

органы внутренних дел (далее – ОВД). В отличие от многих правоохранительных федеральных органов исполнительной власти, органы внутренних дел представляют сложную многоуровневую систему, основанную на территориальном и функциональном принципах построения [2].

Совместная деятельность в борьбе с преступностью террористической направленности заключается, прежде всего, в конкретизации задач и функций, в более полной регламентации действий, создаваемых в такой обстановке временных организационных структур, в организации их взаимодействия с другими социальными системами, в оперативно-розыскном, ресурсном и информационном обеспечении, в процессе организации и проведения специальных мероприятий.

Организация взаимодействия является одним из важнейших видов управленческой деятельности и представляет собой комплекс мероприятий, организуемых и проводимых руководителями различных субъектов обеспечения безопасности по согласованию действий при подготовке и совместном выполнении ими задач по предотвращению и пресечению преступности. В этой части, взаимодействие организуется в интересах национальной безопасности Российской Федерации [3].

Целью взаимодействия является повышение эффективности применения разноведомственных и частных сил и средств безопасности при совместном осуществлении мероприятий по предупреждению и пресечению преступных проявлений, результативности выполнения всеми субъектами поставленных задач в сфере обеспечения безопасности граждан в целом.

Таким образом, принципы организации взаимодействия в области обеспечения правопорядка отражают основополагающие подходы к организации любой деятельности, в частности, разумное сочетание прав и обязанностей субъектов общественных отношений, разделение их полномочий, ответственности и др. [4].

Взаимодействие территориальных органов МВД России и войск нацгвардии с другими субъектами правозащитной и правоохранительной деятельности выражается в соответствующих формах, к которым относятся:

– заблаговременное планирование совместной деятельности (действий), включая условия контртеррористической операции, обстоятельств при введении режима контртеррористической операции (далее – КТО), возникновении внутренних вооруженных конфликтов (например, план защиты и обороны объекта);

– систематический обмен информацией, представляющей взаимный интерес;

– совместная разработка и издание руководящих (директивных) документов, регламентирующих проведение согласованных мероприятий и совместных действий по предупреждению и пресечению преступных террористических проявлений;

– согласование действий при подготовке и выполнении поставленных задач в случае проведения специальной, контртеррористической операции;

– проведение совместных совещаний, учений, инструктажей, учебно-практических занятий, тренировок;

– проведение оперативных совещаний с руководителями служб и подразделений различных министерств и ведомств по вопросам их совместной деятельности, направленных на организацию взаимодействия сил и средств, участвующих в организации мероприятий по предупреждению и пресечению преступности террористической направленности;

– обмен передовым опытом;

– отработка совместных действий по противодействию терроризму;

– контроль мероприятий, осуществляемых исполнителями различных ведомств;

– заслушивание участников взаимодействия по вопросам их совместной деятельности и ее результатам.

Основываясь на изложенном, взаимодействие по предупреждению и пресечению преступных террористических проявлений можно определить как согласованные целенаправленные действия заинтересованных субъектов по максимальному снижению противоправной деятельности, основанные на законодательной и нормативной правовой базе, осуществляемые путем использования имеющихся у них сил и средств и применения присущих им методов [5].

Следовательно, основные направления взаимодействия территориальных органов МВД России и войск нацгвардии, органов государственной власти, общественных объединений, населения, как субъектов антитеррористической деятельности, сосредоточены на приведении всех структур в состояние, позволяющее обеспечить надежную защиту личности, общества и государства от преступных посягательств. Координация и четкое их взаимодействие являются залогом эффективности принимаемых территориальными органами МВД России и войсками нацгвардии мер по противодействию терроризму.

Актуальность и важность решения проблем организации взаимодействия территориальных органов МВД России и войск нацгвардии, а также с другими субъектами анти- и контртеррористической деятельности обусловлены тем, что противодействие терроризму – сложная многоаспектная задача, требующая объединения усилий всех государственных структур и негосударственных институтов. Вопросы и проблемы организации межведомственного взаимодействия правоохранительных органов, органов власти различных уровней, СМИ и общественности в деле борьбы с преступностью, в том числе с преступлениями террористического характера, неоднократно являлись предметом изучения, как ученых, так и практиков. На законодательном уровне принят ряд документов, а также другие документы, содержащие положения, направленные на противодействие терроризму. Упорядочить, урегулировать, создать благоприятные условия для сотрудничества указанных выше органов в общем деле борьбы с преступностью – это основная цель. Тем не менее многие вопросы организации эффективного взаимодействия всех субъектов антитеррористической деятельности остаются до настоящего времени нерешенными ни в науке, ни на практике [6; 7].

Необходимым условием взаимодействия является объективная взаимосвязь участвующих в этом процессе субъектов, обусловленная наличием

ряда обязательных признаков. К ним относятся общая цель, наличие информационного аспекта, согласованность действий, разработка совместных программ, проведение контрольной деятельности, нормативно-правовое регулирование.

Совершенствование правового обеспечения межведомственного взаимодействия в сфере противодействия преступлениям террористического характера представляет собой актуальное и важное направление всей борьбы с терроризмом. В настоящее время действуют порядка 30-ти нормативных правовых актов разного уровня, регулирующих данную работу. Отдельные положения некоторых из них дублируют, а в ряде случаев – противоречат друг другу.

Как показали результаты проведенного исследования, основополагающим документом по вопросам взаимодействия различных органов и служб, как правило, является приказ, зачастую, совместный. Именно таким документом, например, регулируется деятельность МВД России, МЧС России, ФСБ России по охране общественного порядка, своевременного оповещения и оперативного информирования граждан об угрозе террористических акций [8].

В соответствии с федеральным законодательством о противодействии терроризму, Указом Президента Российской Федерации «О мерах по противодействию терроризму» органом, обеспечивающим координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления по противодействию терроризму, является Национальный антитеррористический комитет. Свою деятельность он осуществляет во взаимодействии с федеральными органами исполнительной власти, антитеррористическими комиссиями в субъектах Российской Федерации, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также с общественными объединениями и организациями [9].

Повышение уровня и качества взаимодействия территориальных органов МВД России и войск нацгвардии с субъектами Российской Федерации, Национальным антитеррористическим комитетом является одним из основных перспективных направлений работы по выявлению, предупреждению, пресечению преступлений террористической направленности, совершенствованию организационного обеспечения совместной деятельности территориальных органов МВД России и нацгвардии по участию в контртеррористической деятельности и обеспечению правового режима КТО.

Проблемы практического взаимодействия войск нацгвардии с другими силовыми институтами власти (МВД, ФСБ) очевидны, поскольку на сегодняшний день имеют место дублирующие функции этих структур. В связи с этим предлагается дальнейшее развитие нормативной составляющей функционирования нового института и ее включения на практике по интенсификированию сотрудничества в деле своевременного обмена информацией, касающейся предотвращения терроризма и борьбы с ним, активизации усилий по укреплению безопасности и защиты особо уязвимых объектов, таких, как объекты инфраструктуры и мест массового пребывания граждан, повышения эффективности реагирования на террористические нападения [10].

Общее руководство контртеррористическими операциями сохранятся за ФСБ России, к участию в КТО должны привлекаться территориальные органы МВД России и нацгвардии с последующим улучшением взаимодействии между собой, а также укреплением их взаимодействия с Федеральной службой безопасности Российской Федерации. По нашему мнению, при предоставлении нацгвардии полномочий в области оперативно розыскной деятельности, организация подготовки и проведения КТО должна перейти к институту нацгвардии [11].

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.] // http:/www.pravo.gov.ru/ Kostituciya.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06. 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

3. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // www.consultant.ru

4. Федеральный закон 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // www.consultant.ru

5. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // www.consultant.ru

6. «Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации» (утверждена Президентом Российской Федерации 05.10. 2009) // www.consultant.ru

7. Указ Президента Российской Федерации от 15.02.2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму» // www.consultant.ru

8. Указ Президента Российской Федерации от 21.12. 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // www.consultant.ru

9. Указ Президента Российской Федерации от 16.08. 2004 г. № 1082 «Вопросы Министерства обороны Российской Федерации» // www.consultant.ru

10. *Юров Н.Н.* Деятельность территориальных органов МВД России и Федеральной службы войск национальной гвардии при участии в контртеррористических операциях: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2018.

11. Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // www.consultant.ru

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993] // http: /www.pravo.gov.ru/ Kostituciya.

2. The Criminal Code of the Russian Federation: federal. Act of 13.06. 1996 № 63-ФЗ // Collection of the legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

3. Federal constitutional law of 30.05.2001, No. 3-FKZ "On the state of emergency" // www.consultant.ru

4. Federal Law of 06.03.2006 No. 35-FZ “On Countering Terrorism” // www.consultant.ru

5. Federal Law of July 25, 2002 No. 114-ФЗ “On Countering Extremist Activities” // www.consultant.ru

6. "The concept of combating terrorism in the Russian Federation" (approved by the President of the Russian Federation on 05.10. 2009) // www.consultant.ru

7. Decree of the President of the Russian Federation of February 15, 2006 No. 116 “On measures to counter terrorism” // www.consultant.ru

8. Decree of the President of the Russian Federation of 21.12. 2016 No. 699 “On approval of the Regulation on the Ministry of the Interior of the Russian Federation and the Model Regulation on the territorial body of the Ministry of the Interior of the Russian Federation for the constituent entity of the Russian Federation” // www.consultant.ru

9. Decree of the President of the Russian Federation of 16.08. 2004, No. 1082 “Issues of the Ministry of Defense of the Russian Federation” // www.consultant.ru

10. Yurov N.N. The activities of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Federal Service of the National Guard Troops with participation in counter-terrorism operations: abstract. dis. ... cand. legal sciences. M., 2018.

11. Decree of the President of the Russian Federation of December 19, 2012 No. 1666 "On the Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period until 2025" // www.consultant.ru

УДК 343.0
DOI: 10.25839/MATGIP.2019.15.03.044

Актуальные вопросы организации взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с прокуратурой в современных условиях

М.С. Ковалева*,
И.Н. Смирнова**

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы, связанные с организацией взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с прокуратурой в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы. Проанализированы основные нарушения законности, допускаемые в сфере исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции осужденного от общества. На основе проведенного исследования сформулированы предложения, направленные на совершенствование совместной деятельности уголовно-исполнительных инспекций и прокуратуры.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная инспекция, прокуратура, взаимодействие, исполнение наказаний, не связанных с изоляцией от общества, уровень повторной преступности, принципы взаимодействия.

Topical issues of interaction organization criminal-Executive inspections with Prosecutor's office in modern conditions

Annotation. The article deals with the main problems associated with the organization of interaction of criminal and Executive inspections with the Prosecutor's office in the context of reform of the penal system. The main violations of the law, allowed in the sphere of execution of punishments and measures of criminal-legal character without isolation of the condemned from society are analyzed. On the basis of the study, proposals aimed at improving the joint activities of the criminal Executive inspection and the Prosecutor's office are formulated.

Keywords: criminal-Executive inspection, Prosecutor's office, interaction, execution of the punishments which are not connected with isolation from society, level of repeated crime, principles of interaction.

* *Ковалева Мария Сергеевна,* соискатель (Псковский государственный университет)
Kovaleva Maria Sergeevna, applicant (Pskov state University).
** *Смирнова Ирина Николаевна,* профессор кафедры правозащитной, правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса, доктор юридических наук, доцент (Псковский государственный университет). E-mail: irina_smi69@mail.ru
Smirnova Irina, Professor of the Department of human rights, law enforcement, criminal law and procedure, doctor of law, associate Professor (Pskov State University).

Предметом надзора за исполнением законов является законность исполнения наказания, не связанного с лишением свободы. Нашим и ранее проведенными исследованиями установлено, что как средство профилактики преступлений значение этого надзора особенно возрастает в условиях отбывания наказаний без изоляции от общества, когда осужденный в наименьшей степени ограничивается в основных правах и свободах и не теряет социально полезные связи [1, с. 35–37]. В соответствии со своим правовым статусом сотрудники уголовно-исполнительных инспекций (далее – УИИ) должны осуществлять контроль за поведением лиц, состоящих на их учете, что направлено на предупреждение преступлений и иных правонарушений со стороны подучетных. Вместе с тем именно недостаточный контроль за осужденными, в том числе в рамках внешнего взаимодействия, является одной из причин сохранения достаточно высокого уровня преступности после постановки на учет УИИ.

Так, согласно официальным данным, несмотря на выполнение плановых показателей деятельности Федеральной службы исполнения наказаний по линии исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, установленных соответствующим приказом Минюста России, уровень повторной преступности осужденных без лишения свободы остается достаточно высоким (2,09 %), хотя по итогам 2018 г. он несколько снизился по сравнению с предыдущим годом [2].

Как показало проведенное нами исследование, с расширением сферы применения наказаний без изоляции осужденного от общества, возложением на УИИ новых функций требуется тщательная разработка теоретико-прикладных вопросов взаимодействия УИИ с прокуратурой, направленного на повышение результативности деятельности УИИ, обеспечения законности при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества.

Традиционно под взаимодействием понимается согласованная в пространстве и во времени совместная деятельность нескольких субъектов, которая направлена на решение общих задач. Применительно к заявленной в названии статьи теме совместная деятельность состоит в согласованности действий УИИ и прокуратуры, направленных на укрепление законности и правопорядка, предупреждение правонарушений и преступлений, совершаемых подучетными лицами.

Взаимодействие УИИ с прокуратурой должно осуществляться на основании определенных принципов, в частности, принципа компетенции. Термин «компетенция» имеет два значения, а именно [3, С. 337]: круг вопросов, в которых должностные лица субъектов взаимодействия обладают познаниями, опытом; круг полномочий УИИ, других органов. При этом важно иметь в виду, что в пределах своей компетенции любая из взаимодействующих сторон самостоятельна и имеет возможность принимать по своему усмотрению любое решение с использованием собственных сил и средств и на каких угодно условиях. Важно, чтобы в процессе взаимодействия они не ущемляли инициативу друг друга, поскольку это может привести к нарушению законности [4, с. 262–268].

Соблюдение этого принципа создает необходимые условия для ее правильной оценки и учета, позволяет выделить лиц, ответственных за решение конкретных задач, способствует повышению эффективности функционирования УИИ [5, с. 451] при исполнении наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества.

Другой не менее важный принцип взаимодействия – принцип научности, который не является специфическим только для рассматриваемого вида деятельности. При этом, он имеет свои особенности, свою сферу применения – организацию деятельности УИИ, которая направлена на решение задач, требующих комплексного использования сил и средств, существует и развивается в соответствии с присущими ей объективными закономерностями [6, с. 43].

Принцип максимального использования возможностей взаимодействующих субъектов предусматривает предварительное изучение взаимодействующих субъектов и их уровень подготовки с учетом имеющихся сил и средств, а также ожидаемого результата их деятельности (впоследствии результаты такого анализа должны применяться в целях обеспечения максимального использования потенциала каждой взаимодействующей стороны).

Принцип законности закреплен в Конституции Российской Федерации в (п. 2 ст. 15) следующим образом: «Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы». Прокуратура, наделенная координационными полномочиями в борьбе с преступностью и осуществляющая надзор за исполнение законов, имеет возможность выявлять не только недостатки в деятельности УИИ, но и такие нарушения законности, которые создают условия для совершения преступлений [7, с. 105]. Необходимо отметить, что эффективность взаимодействия УИИ с прокуратурой достигается только тогда, когда эта совместная деятельность строится на основе четкого и строгого соблюдения законности. Причем соблюдение требований законов является обязательным как для УИИ, так и для прокуратуры.

Как свидетельствует проведенное исследование, правильно организованное взаимодействие УИИ с прокуратурой в значительной мере способствует повышению результативности применения и исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества. Вместе с тем такая совместная деятельность не в полной мере удовлетворяет науку и практику. Изучение проблем взаимодействия УИИ и прокуратуры в регионах позволяет утверждать о том, что оно нередко носит довольно формальный характер. Это обусловлено тем, что, как правило, прокурорские проверки осуществляются преимущественно для выявления недостатков в деятельности УИИ.

В частности, в 2018 г. по сравнению с 2017 г. увеличилось число актов прокурорского реагирования, поступивших в адрес территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний, непосредственно УИИ, при этом существенно выросло число зафиксированных фактов нарушений законности при исполнении наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции осужденных от общества [8].

Причиной недостатков деятельности УИИ могут быть сами сотрудники УИИ, которые недобросовестно относятся к исполнению своих обязанностей [9, с. 17–22]. Так, выявляются случаи несвоевременного производства удержаний из заработной платы осужденных к исправительным работам, контроль со стороны сотрудников за правильностью и своевременностью удержаний должным образом не осуществляется. Кроме того, отмечаются случаи трудоустройства осужденных к исправительным работам на предприятия, не включенные в соответствующий перечень организаций.

Как показывает практика, при проведении прокурорских проверок необходимо учитывать специфику работы сотрудников УИИ и анализировать причины, способствующие возникновению недостатков, в целях оказания помощи сотрудникам УИИ и соответственно повышения эффективности исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества. В частности, после направления осужденного к исправительным работам для трудоустройства по предписанию УИИ ему было предоставлено место работы. Несмотря на то, что со стороны осужденного не было допущено никаких нарушений, он был уволен даже без уведомления начальника УИИ, в связи с этим прокурором было вынесено представление в адрес руководителя предприятия. Это позволяет утверждать о необходимости улучшения взаимодействия УИИ и с организациями (предприятиями), где трудоустроены такие лица.

В ряде случаев сотрудниками УИИ не направляется соответствующая информация, в результате обработки которой прокуратурой может быть оказана помощь, например, по фактам отказа в приеме на работу осужденных к исправительным работам на предприятия, определенные органами местного самоуправления, в которых могут отбывать наказание осужденные к исправительным работам. Зачастую сотрудники УИИ при получении такой информации не направляют ее в прокуратуру, поскольку опасаются того, что трудоустройство осужденных станет еще более проблематичным из-за возможности ухудшения взаимоотношений с работодателями.

При осуществлении прокурорского надзора обращают на себя внимание факты нерегулярного проведения УИИ проверок осужденных по месту жительства и в общественных местах, формального их проведения со стороны органов внутренних дел. Как показало наше исследование, в ряде случаев единственная форма контроля за поведением, например, условно осужденных – периодическая регистрация в УИИ, в результате чего ощущение безнаказанности может подтолкнуть осужденных к совершению преступления, в том числе, тяжкого.

Встречаются случаи, когда администрацией муниципального образования не определяется конкретный перечень организаций и предприятий, куда могут направляться для трудоустройства осужденные к исправительным и обязательным работам. В связи с этим, осужденным в трудоустройстве отказывают, возможности отбыть наказание осужденные не имеют. По указанным фактам прокурором выносится протест с требованиями обязать администрацию муниципального образования устранить нарушения закона, в противном случае вопросы решаются в судебном порядке.

Отмечается, что «стремление сотрудников к улучшению показателей влечет за собой ориентацию не на соблюдение законодательства, а на то, как бу-

дет оценена их деятельности. В таких условиях люди работают не на государство, а на личную отчетность. В целях предотвращения подобных нарушений … отменена рейтинговая оценка деятельности УИИ» [10, с. 30–36].

В ходе опроса сотрудников УИИ мы попытались определить основные мероприятия, которые необходимо проводить во взаимодействии с прокуратурой. На наш взгляд, в их числе могут быть следующие: проведение совместных совещаний, семинаров, круглых столов, рабочих встреч по проблемным вопросам исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества: особую роль нужно отвести проведению координационных совещаний, в рамках которых необходимо коренным образом пересмотреть организацию взаимодействия всех правоохранительных органов, наладить надлежащий обмен оперативной информацией и улучшить планирование совместной деятельности; оказание правовой и методической помощи сотрудникам УИИ с учетом специфики ее деятельности.

С учетом изложенного необходимо также сделать вывод о том, что только при четком взаимодействии и нормативном закреплении обязанностей взаимодействующих субъектов можно достичь положительного результата при исполнении наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, что существенно отразится на повышении эффективности деятельности УИИ.

Библиографический список

1. *Смирнова И.Н.* Роль прокурорского надзора в обеспечении законности уголовно-исполнительными инспекциями при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы, и иных мер уголовно-правового характера // Вестник Владимир. юрид. ин-та. – 2010. – № 2. – С. 35–37.

2. Об итогах деятельности уголовно-исполнительных инспекций в 2018 году: обзор ФСИН России //www.fsin.ru

3. Словарь иностранных слов современного русского языка. – М., 2014. – 800 с.

4. *Смирнова И.Н.* О проблемах внешнего взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций в области предупреждения повторных преступлений осужденных без изоляции от общества // Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Белоруси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI века: материалы международной научной конференции. – Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2017. – С. 262–268.

5. Организация управления в уголовно-исполнительной системе: учебник: в 3 т. / под общ. ред. Ю.Я. Чайки; науч. ред. В.М. Анисимков, А.А. Аксенов, Б.Б. Казак, Н.П. Барабанов. – Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2012. – Т. 1: Общая часть. – 532 с.

6. *Аксенов А.А., Казак Б.Б., Сысоев М.В.* Организация управления уголовно-исполнительными инспекциями: учеб. пособие. – Рязань: Акад. права и упр., 2003. – 84 с.

7. Прокурорский надзор. Курс лекций и практикум. – 5-е изд., перераб. и доп. / под ред. Ю.Е. Винокурова. – М., 2003. – 542 с.

8. О состоянии законности в деятельности уголовно-исполнительных инспекций и исправительных центров в 2018 году: обзор ФСИН России //www.fsin.ru.

9. *Савосин В.М.* Практика прокурорского надзора за исполнением наказаний без изоляции от общества // Сборник материалов VII Всероссийского совещания

руководителей уголовно-исполнительных инспекций, исправительных центров и подразделений по контролю за исполнением наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, территориальных органов ФСИН России (19–21 июля 2017 г., г. Пушкин). – Пушкин, 2017. – С. 17–22.

10. *Коробкова Е.А.* О состоянии законности в УИИ // Сборник материалов VII Всероссийского совещания руководителей уголовно-исполнительных инспекций, исправительных центров и подразделений по контролю за исполнением наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, территориальных органов ФСИН России (19–21 июля 2017 г., г. Пушкин). – Пушкин, 2017. – С. 30–36.

Bibliographic list

1. Smirnova I.N. The role of prosecutorial oversight in ensuring legality by the penitentiary inspections in the execution of sentences not related to deprivation of liberty and other measures of a criminal law nature // Tomsk State University Journal. Vladimir Law institute. 2010. No. 2. P. 35–37.

2. On the results of the activities of the penitentiary inspectorates in 2018: a review of the Federal Penitentiary Service of Russia //www.fsin.ru.

3. Dictionary of foreign words of the modern Russian language. M., 2014. 800 p.

4. Smirnova I.N. On the problems of the external interaction of the criminal-executive inspections in the field of preventing the second crimes of convicts without isolation from society // The Great Russian Revolution of 1917 in the history and fate of the peoples and regions of Russia, Belarus, Europe and the world in the context of historical realities of the twentieth – early XXI century: materials of an international scientific conference. Vitebsk: Vitebsk State University named after P.M. Masherova, 2017. P. 262–268.

5. Organization of management in the penal system: textbook: in 3 volumes / under the total. ed. Yu. Ya. Chaika; scientific ed. V.M. Ani-simkov, A.A. Aksenov, B.B. Kazak, N.P. Barabanov. Ryazan: Academy of Law and Management of the Ministry of Justice of Russia, 2012. T. 1: General Part. 532 p.

6. Aksenov A.A., Kazak B.B., Sysoev M.V. Organization of management of criminal executive inspections: textbook. Ryazan: Acad. law and exercise, 2003. 84 p.

7. Prosecutorial supervision. Lecture course and workshop. 5th ed., Revised. and add. / ed. Yu.E. Vinokurova. M., 2003. 542 p.

8. On the state of legality in the activities of criminal executive inspections and correctional centers in 2018: a review of the Federal Penitentiary Service of Russia // www.fsin.ru.

9. Savosin V.M. The practice of prosecutorial supervision of the execution of sentences without isolation from society // Proceedings of the VII All-Russian meeting of the heads of criminal executive inspections, correctional centers and units for monitoring the execution of sentences not related to the isolation of convicts from society, territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia (19– July 21, 2017, Pushkin). Pushkin, 2017. P. 17–22.

10. Korobkova E.A. On the state of legality in the UII // Proceedings of the VII All-Russian meeting of the heads of criminal executive inspections, correctional centers and units for monitoring the execution of sentences not related to the isolation of convicts from society, territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia (July 19-21, 2017 city, Pushkin). Pushkin, 2017. P. 30–36.

ТРЕБОВАНИЯ
к оформлению рукописей, представляемых для опубликования

1. Рукопись представляется **в одном экземпляре.** Текст должен быть отпечатан через 1.5 компьютерных интервала 14 шрифтом. Страницы должны быть пронумерованы. Сноски оформляются в виде затекстовых ссылок в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Библиографический список». Источники в списке располагаются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Справки по оформлению списка литературы». При ссылке на конкретный фрагмент текста источника в отсылке указывается порядковый номер и страницы. Например:

– в тексте [8, с. 15].

– в затекстовой ссылке: *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: учебник. – СПб.: Издательство Юридического института, 2012. – 520 с.

2. Объем статьи не должен превышать **8** машинописных страниц, а рецензии – **3** страниц.

3. Автор оплачивает расходы за редактирование, рецензирование и подготовку к публикации в размере **5600 руб.**, за превышение установленного объема – дополнительно **300 руб.** за каждую страницу.

4. К статье должны прилагаться:

– **справка об авторах (соавторах)** с указанием:

а) фамилии, имени, отчества;

б) ученой степени, ученого звания;

в) должности, основного места работы;

г) контактного e-mail, домашнего и служебного адресов и телефонов;

– **аннотация статьи (не менее 5 строк);**

– **ключевые слова;**

– **рецензия;**

– **перевод на английский язык:**

а) фамилии и инициалов автора;

б) заглавия статьи;

в) аннотации;

г) ключевых слов.

5. Автором должен быть подписан экземпляр статьи и лицензионный договор (высылается после утверждения «в печать» редакционной коллегией).

Статьи аспирантов должны быть подписаны их научным руководителем (руководителями) с приложением рецензии.

6. Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

7. Статьи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок с производственными изменениями и исправлениями в тексте **(в отпечатанном виде)** и с **электронной копией**.

8. Рецензии присылаются вместе со статьями. В противном случае статьи опубликованы не будут.

9. Статьи направляются **по почте** (не заказной) на адрес редакции: **199106, Санкт-Петербург, В.О., ул. Гаванская, д. 3** и по электронной почте: **lawinst-spb@mail.ru; journal@lawinst-spb.ru.**

10. В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению публикации редакция оставляет за собой право ее не рассматривать.

REQUIREMENTS
for Manuscripts, submitted for publication

1. The manuscript is submitted **in one copy**. The text should be printed in 1.5 computer range 14 print. Pages must be numbered. Footnote out in the form of references in the endnotes according to bibliographic requirements are placed after the text of the article under the heading «References». Sources in the list are arranged in accordance with GOST R 7.0.5-2008 «Help on registration list of the literature». When referring to a specific piece of text is-sending source in the serial number and pages. For example:

– In the text [8, p. 15].

– In transtextual link: Komarov S.A. The general theory of state and law: the textbook. – St. Petersburg: Publishing House «Law Institute (St. Petersburg)», 2012. – 608 pp.

2. The paper should not exceed **8** printed pages and reviews – **3** pages.

3. The author pays for editing, review and preparation for the publication in the amount of 5 600 rubles., For exceeding the specified amount – an additional 300 rubles. for each page.

4. Article shall be accompanied (in electronic form):

– **information about the author (co-author),** indicating:

a) surname, name and patronymic;

b) scientific degree, academic rank;

c) the principal place of work, position;

d) an e-mail, home and office addresses and phone numbers;

– **abstract of the article (not less than 5 lines)**

– **keywords**

– **review**

– **translation into English:**

a) the name and initials of the author;

b) the title of the article;

c) the summary;

d) keywords.

5. The author must be signed copy of the article and a license agreement (sent after the approval of «print» the editorial board). Articles graduate students must be signed by their research supervisor(s) to review the application.

6. The fee for the publication of a post-graduate students will be charged.

7. Articles, aimed authors for revision shall be returned to the editor in the recommendatory term production changes and corrections in the text (**in the form of imprint**) and an **electronic copy**.

8. Reviews are sent along with the article. Otherwise, the article will not be published.

9. Article sent **by mail** (not registered) to the editorial office: **199106, 3, Gavanskaya st., Saint Petersburg, Russia** and by e-mail: **lawinst-spb@mail.ru**; **jour-nal@lawinst-spb.ru**.

10. In the case of non-compliance with these requirements by designing the publication editors reserve the right not to consider it.

Частное образовательное учреждение
высшего образования

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
(Санкт-Петербург)

основан в 1992 году

ЛИЦЕНЗИЯ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
специализации:

- гражданско-правовая;
- государственно-правовая;
- международно-правовая;
- уголовно-правовая

Документы:
1. Документ об образовании
2. Шесть фотографий размером 3х4 см
3. Свидетельства ЕГЭ по русскому языку, обществознанию, истории России

По окончании института выпускникам присваивается
степень бакалавра или ***магистра***
(в зависимости от срока обучения)
и выдается ***диплом о высшем образовании***

Срок обучения:
ДНЕВНОЕ – 4 года, ЗАОЧНОЕ – 5 ЛЕТ

Для лиц со ***средним юридическим*** и ***высшим образованием*** –
ускоренный курс обучения – *3 года*

Ведется прием в АСПИРАНТУРУ
по научным специальностям:
12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве
12.00.02 – конституционное право, конституционный судебный процесс;
муниципальное право
12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

199106, г. Санкт-Петербург,
ул. Гаванская, д. 3
(812) 325-46-25, 322-18-08

Официальный сайт: www.lawinst-spb.ru

Книжный интернет-магазин на сайте института

редактор **М.В. Старцева**
верстка **И.И. Каширина**

Адрес редакции: 199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д.3
E-mail: Legal_thought@mail.ru
Сайт: http://lawinst-spb.ru/magazine
http://matgip/ru
Телефон: (812) 325-4625; (499) 431-5806

Издатель: ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург)
Адрес издателя: 199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д.3
Издатель: МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»
Адрес издателя: 119415, Москва, Удальцова 19-1-12
E-mail: matgip2017@yandex.ru

Выход в свет 25.05.2019. Формат 61x86 $^{1}/_{8}$.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 22,30. Усл. п.л. 10,7. Тираж 200 экз. Заказ № __

Цена свободная

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5, «Технополис Москва»
www.onebook.ru